АДКРЫТАЕ ГРАМАДСТВА

В НОМЕРЕ / IN THE ISSUE

Нет человека, который не задавал хотя бы раз в жизни вопрос: что есть демократия и где её можно найти? В России, Польше, США или, быть может, в Беларуси? Демократия – не сорняк, который растёт сам по себе. Она – культура, выведенная человеком. Её выращивают, но плоды вкушают не сразу, а по прошествии многих и многих лет.

Демократия – это абстрактное понятие, а торжество демократии, как и "абсолютный холод" – ещё и идеальное. Демократия – она и есть и её нет. Она сродни мифу: кто-то в неё верит, а кто-то – нет. Она как вода, которую трудно удержать в ладонях. Демократия – это движение. Демократии всегда мало и всегда много. Демократия не ликвидирует противоречия между людьми, но помогает решать их мирными средствами. При демократии всегда есть и будут недовольные, и именно потому, что она есть, люди не боятся проявлять своё недовольство.

Демократия – это не вседозволенность человека и государства. Человек может делать только то, что вытекает из добровольных договоренностей с другими людьми, равно как государство не должно покушаться на Богом данные и ставшие сегодня общепризнанными естественные права человека на жизнь, собственность, свободу слова и вероисповедания. Необходимость этих прав очевидна, они не голосуются и составляют основу любого демократического общества.

Демократия – это система сдержек и противовесов не только по вертикали, но и по горизонтали. Она никому не даёт сосредоточить всю полноту власти в одних руках. Она дробит власть, рассредоточивает, делает её неопасной для рядового гражданина. Демократия похожа на сообщающиеся сосуды: если власть оказывается в руках одного человека – значит, её лишаются все остальные. Демократия предполагает равенство всех и перед людьми, и перед Законом, и перед Богом, она не позволяет одному человеку жить за счёт другого. При демократии каждый имеет шанс самостоятельно решить свои проблемы, доказать свою правоту, ни перед кем не унижаясь и ни от кого не завися. Демократия – это инструмент, средство для достижения цели, а не панацея от всех бед и не лекарство от болезней. Демократия – это результат понимания людьми важности процедуры и неукоснительного следования этой процедуре.

Демократия не умеет краснеть, она не белая и не красная. Демократия – это демократия. Она может быть неудобна кому-то, но всегда выгодна всем сразу. Демократия делает невидимое зло видимым, а тайное, пусть и не сразу, – явным. Демократии, как и свободы, всегда мало. Демократия – как воздух: её начинаешь замечать и ценить только тогда, когда она исчезает. Демократия помогает встать человеку с колен, почувствовать свою значимость, осознать своё достоинство. При демократии человеку выгодно быть честным и благородным, при диктатуре – лжецом и трусом. Демократия труднодостижима лишь только потому, что она невыгодна безнравственным людям, но пока именно они устанавливают правила игры для нас с вами.

Демократия очень капризна: если за ней не ухаживать, она быстро хиреет и уступает место диктаторским формам правления. Демократия терпелива: она ежедневно молчаливо сносит тысячи проклятий в свой адрес, но не мстительна: она понимает, что они – неотъемлемая часть её существования. Демократия – это зеркало: чем безобразнее ты сам, тем непригляднее и твоё собственное отражение, станешь следить за собой – изменится и окружающий тебя мир.

Демократия – это мерцающий вдали огонёк, до которого сколько ни иди – дойти всё равно невозможно, но, зная это, ты всё равно упорно идёшь к нему. Демократия – это сооружение из хрупкого стекла, находясь в котором нужно соблюдать предельную осторожность, ибо осколки разбитого стекла могут стать причиной и твоей смерти. Демократия не терпит суеты и торопливости, она отвергает любые прожекты по насильственному переустройству общества и стремится поддерживать естественный, Богом данный порядок вещей. Демократия – это будущее для наших детей, для нашей страны и для нашей хрупкой планеты. Демократия имеет много недостатков, и главный из них – в том, что она не умеет себя защищать. Она слишком стеснительна, чтобы открыто попросить о помощи. Так давайте же перестанем над ней насмехаться и поможем ей стать на ноги.

Михаил ПЛИСКО,
главный редактор журнала "Открытое общество"

"ТОЛЬКО КОЛЛЕКТИВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К УСПЕХУ"

Интервью главного редактора журнала "Адкрытае грамадства" Михаила ПЛИСКО с методологом и гуманитарным технологом Владимиром МАЦКЕВИЧЕМ

Плиско М.К.: **Владимир Владимирович, в середине 90-х гг. Ваше имя часто можно было встретить на страницах белорусских газет. В 1996 году свет увидела Ваша книга "Беларуская демократия: вопреки очевидности". Примерно в то же время было создано "Агентство гуманитарных технологий". Несмотря на Вашу широкую известность в определённых кругах, мало кто знает о том, как Мацкевич пришёл в большую политику, что побудило его ею заняться. Не могли бы Вы рассказать об этом подробнее?**

Мацкевич В.В.: В ответе на вопрос "Как я пришёл в политику?" есть два аспекта: один – как я туда пришёл, второй – как я это сделал в Беларуси. Для меня это важно, так как я сюда приехал только в 1994 году.

Моё вхождение в политику происходило через занятия философией и методологией. В какой-то момент своей философско-методологической эволюции я пришел к выводу, что прорабатывать гуманитарные технологии и исследовательски, и теоретически, и практически удобнее всего через такую область человеческой деятельности, как политика. Вести работу в области гуманитарных технологий и ограничиваться только сферой образования (речь шла о реформе образования) и бизнеса для меня было недостаточно, тем более я знал, что рано или поздно всё равно вернусь на свою историческую родину. В этом плане Беларусь явилась полем применения тех знаний, которые я к тому времени имел. Мне хотелось заняться живой практической работой, включиться в процесс строительства новой Беларуси. 1994 год для выполнения этой задачи был идеальным, так как в этом году проходили выборы президента. Я считал, что мои теоретические знания и наработанные практики, связи с определёнными людьми могут быть полезными тогдашним кандидатам в президенты. Я рассчитывал войти если не в круг людей, определявших направление развития политических событий – политический истеблишмент, то, по крайней мере, в число людей, близких к нему. Кроме того, было организовано Агентство гуманитарных технологий, которое стало своеобразной визитной карточкой того, что я мог и хотел делать.

Плиско М.К.: **Владимир Владимирович, чем Вы занимались до возвращения в Беларусь, была ли у Вас возможность проверить Ваши теоретические наработки – гуманитарные технологии – на практике?**

Мацкевич В.В.: После армии я остался учиться в Ленинграде, и с тех пор только этим и занимаюсь, но занимаюсь своим образованием через практическую деятельность. Наиболее полезной с этой точки зрения для меня была практика оргдеятельностных игр. Мне посчастливилось применить свои знания и практики как минимум в десяти свободных экономических зонах бывшего Советского Союза: от Сахалина и Находки до Закарпатья и Армении. В конце 80-х – начале 90-х гг. я работал в Латвии в тесном контакте с Народным фронтом и русскоязычным Центром демократических инициатив. Мне даже пришлось потрудиться в первом правительстве независимой Латвии, в правительстве Годманиса, хотя я и не являлся гражданином этой страны. Можно даже сказать, что я внёс определённый вклад в нормализацию национальных отношений в этой стране, так как я состоял на службе в Департаменте по национальным вопросам. Затем я работал с администрацией Красноярского края, с губернатором Зубовым, т.е. ещё до прихода во власть генерала Лебедя, а также с администрацией Калининградской области.

Что касается проверки моих собственных теоретических наработок (знаний), то об этом можно говорить только в отношении того времени, когда я полностью стал работать самостоятельно. И этот период как раз совпадает с моим приездом в Беларусь. При этом следует иметь в виду, что я не политик и не государственный чиновник, наделённый какими-то властными полномочиями, – я "культурный" политик, т.е. человек, который разрабатывает гуманитарные технологии в качестве вольного, если угодно – "бродячего" философа.

О практических результатах можно говорить на основании успешности реализации тех или иных проектов, разработанных мною или с моим участием, а также карьерного роста людей, прошедших обучение в Агентстве гуманитарных технологий. Политические аналитики, реформа образования, планирование карьеры, консалтинг в бизнесе, работа в СМИ – это только небольшая часть развертывания программы культурной политики на Беларуси. Конечно, не все проекты были удачными. Одно дело, когда ты сам являешься разработчиком проекта и его исполнителем, и другое – когда в реализации проекта задействовано множество иных людей и ты выступаешь в роли только одного из разработчиков или в качестве консультанта. Это можно проиллюстрировать на примере "Хартии-97". Буквально через три месяца после запуска этого проекта я вынужден был от него отойти, причём не только я, но и большинство из тех, кто задумывал и начинал этот проект.

Плиско М.К.: **Один из литературных героев Михаила Булгакова сказал, что "разруха – не стране, а в головах людей". У кого, по Вашему мнению, в Беларуси наблюдалась "разруха в голове": у элиты, продумывавшей направления дальнейшего развития страны, или у народа, неспособного воспринять навязываемые ему высокие материи, или, может быть, и у тех, и у других? В 1994 году, после долгого отсутствия, Вы вернулись в Беларусь. Какой Вы её увидели?**

Мацкевич В.В.: Надо сказать, что, вернувшись в Беларусь, я оценил её интеллектуальный потенциал как очень высокий. Особенно если сравнивать его с другими районами бывшего Советского Союза, где мне удалось побывать. Но, к сожалению, в Беларуси этот потенциал так и остался потенциалом, он не принял реализационных форм. Что касается сегодняшнего положения дел, то я вспомнил бы другое известное выражение Булгакова и сказал так: белорусы – народ как народ, у них нет ни рогов, ни хвостов, среди них есть преступники и порядочные люди, дураки и гении. Конечно же, за то, что происходит в стране, основная масса людей не несёт никакой ответственности. Ответственность лежит на тех, кто присвоил себе право управлять этими людьми, оп-

ределять ход развития общественных процессов, утверждая при этом, что действуют на основании мандата, выданного народом. И поскольку у этих людей отсутствует гуманитарная составляющая их знаний, это даёт основание говорить о "разрухе" в их головах. Приведу один пример. В 1994 году я свёл одного из кандидатов в президенты – Шушкевича – с кампанией "Николо-М", которая через пять лет, в 1999 году, была признана лучшей имиджмейкерской кампанией России. Это давало ему в руки огромный интеллектуальный ресурс и преимущество над соперниками. К сожалению, Шушкевич, из-за недостатка гуманитарных знаний, не смог по достоинству оценить уровень профессионализма этой команды. Это было основной причиной, побудившей её после месяца работы вернуться в Россию. То же самое мы наблюдаем и сейчас. Об этом свидетельствует уровень команд, которые привлекают предполагаемые кандидаты в президенты: Михаил Чигирь, Владимир Гончарик и Семён Домаш. Это все тот же местечковый подход, стремление работать по привычным советским схемам, которые могут привести к успеху разве что на выборах в местный Совет. Из всех знаковых политических фигур, пожалуй, только Геннадий Карпенко незадолго до своей преждевременной смерти осознал необходимость работать по новым технологиям.

Плиско М.К.: **В 1995 году Вы баллотировались кандидатом в депутаты Верховного Совета, причём по тому же округу, что и лидер БНФ Зенон Пазьняк. В 1998 году на съезде ОГП Вы составили конкуренцию Станиславу Богданкевичу при избрании председателя партии. Что это было: желание эпатировать публику или доказать на практике истинность Ваших познаний в области гуманитарных технологий?**

Мацкевич В.В.: Конечно, во всём этом имелась известная доля эпатажа, игры... Я хотел обратить внимание на выводы, к которым пришел на тот момент, ну и раскрутить имя тоже. Но не это было главным. Политика есть коллективное дело, и лидеры обязаны слушать не только себя. Когда в спокойной обстановке я не мог достучаться до политика, чтобы объяснить ему некоторые вещи, которые я считаю важными, я прибегал к таким действиям, что делало меня видимым. После этого я мог поговорить с ним всерьёз о проблемах, которые меня волновали. Фактически я реализовывал гуманитарный принцип исследования действием. Первым человеком, которому я предложил свои услуги, приехав в Беларусь, был Зенон Пазьняк. Я и до сих пор считаю, что Пазьняк, находясь заграницей, своим харизматическим чутьём чувствует некоторые вещи лучше, чем кто-либо из политиков, живущих в Беларуси. Этого достаточно, чтобы воодушевить своих сторонников, повести их за собой, но этого мало, догадки и предположения необходимо схематизировать, придать им логически стройный вид. Только в этом случае их можно реализовать на практике.

Область знания, в которой я работаю, позволяет любые проявления человеческой деятельности рассматривать как определённую сумму гуманитарных технологий. Методология – это мой способ мыслить гуманитарные технологии и Беларусь. Вот, скажем, "этнос". Мы можем помыслить и схематизировать две полярно противоположные этнотехнологии: этноцида и этнотектоники, т.е. уничтожения и сотворения этноса. К первой из них имеют прямое отношение те же Заметалин и Лукашенко. Но если я могу разработать модель этноцида или реконструировать её, то я могу предложить и контртехнологию, которая поможет нейтрализовать негативные последствия мер, направленных на ликвидацию народа. Так вот, Пазьняк на уровне интуиции прекрасно чувствует угрозы, которые могут подстерегать белорусский народ, но он никогда не занимался разработкой практических схем, которые бы могли ликвидировать или свести на нет сами эти угрозы. Поэтому он выплескивает свою боль в виде статей, заявлений, но это больше похоже на крик души, и его способны услышать только те люди, которые или чувствуют то же самое, что и Пазьняк, или которые безоговорочно ему верят. Повторю ещё раз: для того, чтобы победить, одного крика мало, для этого необходимы профессионально разработанные социальные технологии. А это именно то, чем я занимаюсь. И если наши усилия соединить – мы бы могли добиться значимого результата, получить реальную картину происходящего в стране. К сожалению, никто сегодня у нас не ведёт серьёзных научных аналитических исследований. Практические политики не проявляют интереса к подобного рода деятельности и не поддерживают её. Поэтому сплошь и рядом имеют хождение упрощенные схемы, не поднимающиеся выше обывательских рассуждений: например, что Лукашенко сдаёт суверенитет Беларуси. Но это далеко не так. И ему самому, и его окружению суверенитет выгоден. У нас происходит нечто более страшное: у нас набирает темпы этноцид, т.е. уничтожение не государственности, а белорусского народа. Хотя, конечно, разрушается и государство, но только в той степени, насколько это способствует размыванию этноса.

Плиско М.К.: **В книге "Беларусская демократия: вопреки очевидности" Вы писали о том, что у нас была не развита интеллектуальная инфраструктура политической деятельности. Что изменилось в этом плане в стране за последние семь лет и что нужно сделать, чтобы развить её?**

Мацкевич В.В.: Я считаю, что начиная с 1994 года я немало сделал для того, чтобы развить эту инфраструктуру. Именно я первый стал не только писать аналитики, делать политические прогнозы и рассматривать схемы возможного развития событий, но и публиковать результаты своих исследований в СМИ. Я вынудил белорусских интеллектуалов поднять планку своих исследований. В Беларуси могла сложиться нормальная инфраструктура политтехнологий, если бы не ряд обстоятельств: например, трагическая гибель осенью 1996 года руководителя НЦСИ "Восток-Запад" Анатолия Майсени. Возможно, эту нишу могли занять не персоны, а организации, но они, как это сделал НИСЭПИ, пошли по более легкому пути. Созданное мною Агентство гуманитарных технологий также не смогло заполнить эту нишу. Возможно, причина неудачи была в том, что на тот момент среда, в которой предстояло создавать верхние этажи интеллектуальной инфраструктуры, не была готова к конкурентной борьбе. И до сих пор эта ниша остаётся незанятой, хотя в области политтехнологий появились новые интересные имена и отдельные группы исследователей. Но появились и проблемы, которых раньше не было – например, утечка кадров: люди, не находя здесь применения своим способностям, стали уезжать из страны, в первую очередь, в Россию. Остаются только те, у кого национальные чувства превалируют над профессиональными и карьерными соображениями. Например, из первого выпуска Агентства из Беларуси уже уехало несколько человек, включая Павла Шеремета.

Плиско М.К.: **В своё время неоконсерваторам на подготовку неоконсервативной революции, которая осуществилась в США и Британии в конце 70-х гг., понадобилось не менее 20-ти лет упорного труда. Была создана настоя-**

щая сеть институтов, которая занималась пропагандой неоконсервативных ценностей. В неё входили не только исследовательские и научные центры, но и газеты, всевозможные фонды, общественные организации, издательства, театры, музыкальные группы и т. д. и т.п. Что нужно сделать белорусским демократам, с чего им необходимо начать, чтобы переломить ситуацию и выйти из тупика, в который нас завёл режим Лукашенко?

Мацкевич В.В.: Прежде всего я хотел бы уточнить понятие "консервативная революция", поскольку оно не отражает в полной мере того, что произошло в действительности. Это не был в чистом виде консервативный поворот, так как консервативные ценности причудливым образом переплелись с популизмом. Тем не менее, в ходе этого поворота произошла значительная переоценка ценностей. Ценности, связанные с потребительским обществом – обществом всеобщего благоденствия, отошли на второй план, а приоритет получили ценности духовно-ментального и интеллектуального плана. И, что важно, они получили всеобщее распространение, стали массовыми и не чуждыми огромному количеству людей. Разве не удивительно, что рафинированнейший философ Мартин Хайдеггер в 1953 году выступает по баварскому радио со страшно сложной лекцией "Что такое мышление?", а известный французский философ Мишель Фуко на радио читает целый цикл лекций по философии? Это говорит о том, что духовные ценности стали составной частью западного менталитета. И пока на Беларуси интеллект будут оценивать, беря за эталон массовую культуру, пока не произойдёт иерархизация интеллектуальной деятельности, а значит и интеллектуального продукта, у нас ничего путного получиться не может. А избиратель везде одинаков. Как правило, он выбирает кандидата не по политическим критериям, а по тому, похож ли он на него самого или известный ему секс-символ, по внешности, по умению держаться на публике и т.д. Вот здесь-то и проявляется роль политической инфраструктуры. И её функция состоит не в том, чтобы научить избирателя разбираться в политических программах кандидатов. Функция инфраструктуры состоит в другом: не пропускать на финальный этап конкурса тех кандидатов в депутаты или президенты, которые не отвечают профессиональным и моральным требованиям, предъявляемым им со стороны общества. У нас же неразвитость политической инфраструктуры не позволяет вести предварительный отбор предполагаемых претендентов на высокие выборные должности. Этим можно объяснить и результаты выборов президента в 1994 году. Ликвидировать инфраструктурные пробелы как в политике, так и других социальных сферах возможно через реализацию гуманитарных технологий.

***Плиско М.К.:* В своих работах Вы наряду с понятием "гуманитарные технологии" употребляете и понятие "социальная инженерия". Одинаковы ли эти понятия по содержанию, и если нет, то в чём различие?**

Мацкевич В.В.: Понятие "социальная инженерия" тесным образом связано с тем подходом к развитию общества, который был разработан Карлом Марксом, развит большевиками и реализован Сталиным. Гуманитарные технологии – это то, что противостоит социальной инженерии, это другой подход к развитию общества, сопоставимый по силе с социальной инженерией марксистов и большевиков, который, пожалуй, единственный и может ей противостоять и быть альтернативой. В руках марксистов социальная инженерия – это очень мощное средство инновации общества или его консервации. В истории с ними могут сравниться разве что христианские консерваторы с их протестантской этикой, отношением к частной собственности и правам человека. Но консервативно-христианские технологии являются продуктом многовековой эволюции и в этом смысле являются естественными механизмами регуляции общественной жизни на Западе. Чтобы сегодня страны бывшего соцлагеря или третьего мира могли перейти от традиционалистского общества (китайского, мусульманского, советского или какого-нибудь другого образца) к демократии и рынку, к западному образу жизни, им нужно прибегнуть не к тем оестествлённым механизмам регуляции общественной жизни, которые использовал Западный мир, а к современным гуманитарным технологиям, которые позволяют безболезненно и быстро перевести общество из одного состояния в другое, из традиционного в современное. Конечно, если бы мы располагали достаточным временем, то, возможно, могли бы использовать западный опыт обустройства общества. Для этого нам пришлось бы заново (в третий раз) начать христианизацию Беларуси, которая привела бы к созданию христианского базиса, схожего с тем, который был на Западе, надо было бы разработать и внедрить правовые нормы, регулирующие повседневную жизнь людей и т.д. Процесс этот мог бы растянуться не на одно десятилетие, и никто не даст гарантии, что он будет доведён до логического конца. Для его завершения может не хватить политической воли. Поэтому гуманитарные технологии могут и должны стать альтернативой как способам организации общественной жизни, основанным на социальной инженерии, так и консервативно-христианским технологиям. Они могут запустить процесс преобразований и сократить время перехода к современному обществу. Важно, чтобы именно начальные действия были технологичными, потом процесс может принять естественный эволюционный характер и не требовать большого участия в нём гуманитарных технологов.

Кроме того, в отличие от социальной инженерии гуманитарные технологии носят системный и мыслительный характер. Огромная часть времени уходит не столько на непосредственное воздействие на среду, сколько на подготовку к действию во избежание непоправимых ошибок. Подготовка к действию – это технически организованная мыслительная работа, аналитика, разработка идей, целей, концептов и проектов, сведение под конкретную задачу людских и материальных ресурсов. И это тоже своего рода современная практика. Уровень гуманитарных технологий определяется сейчас именно уровнем интеллектуальной работы, специфика которой состоит в "промысливании и делании" конкретной страны Беларуси, имеющей свою историю, свою конкретную ситуацию, с ориентацией на мировые культурные нормы.

***Плиско М.К.:* Как я понял, понятие "социальная инженерия" Вы увязываете с марксистской теорией переустройства общества. Но ведь им пользуются либертарианцы как на Западе, так и в России, например, Левенчук, Лебедев, Найшуль, которые ничего общего с марксизмом не имеют?**

Мацкевич В.В.: Да, действительно, на Западе и в России, особенно среди либертарианцев, широко употребляется понятие "социальная инженерия". Но смысл, который при этом в него вкладывается, примерно тот, который я вкладываю в понятие "гуманитарные технологии". На мой взгляд, ничего страшного не происходит, когда на Западе используют термин, который им более привычен. Это связано как с научной традицией, так и с особенностями развития западного общества. На Западе в философии под социальностью имеют в виду совсем не то, что под этим подразумевает российская философская школа. В России в основе социальности лежит классообразующий принцип, который ведёт к созданию классоподобных, если хотите – мафиеподобных образований, стремящихся во что бы то ни стало навязать свои ценности другим. В итоге между такими классоподобными образованиями возникают антагонистические отношения. Каждое из таких обществ претендует на понимание себя через научную идеологию и тем самым на псевдообъективацию, на независимость от воли и желаний людей, туда входящих. Не случайно в сталинские времена столь значительное внимание уделялось классовому происхождению. Для чиновников главным было не то, кто ты сейчас и какой социальный статус имеешь, а из крестьян ты или из рабочих. Класс в этом случае не являлся кланом, родом, родово-семейной сущностью человека. В классоподобных обществах социальная ценность человека определялась не тем, что человек из себя представлял и чего он стоил, а классовым происхождением, которое имело независимое от самого человека существование. Такие общества, как правило, являются социально стационарными и закрытыми. В этом смысл обществ, которые в российской философской теории задаются как социальные. В отличие от этого подхода европейские либералы, консерваторы и либертарианцы, хотя и не отказываются совсем от фактора происхождения людей, но считают это чисто семейным или личным делом каждого человека. На первое место здесь выдвигается сам человек, его взгляды, дела, навыки и умения, профессионализм, интересы, моральные ценности, которыми он руководствуется в повседневной жизни, выступая субъектом отношений в тех или иных временных сообществах. Такие общества, как правило, обладают высокой социальной динамикой и мобильностью. Классово близких людей в таком обществе нет, есть ценностно близкие. Главная задача, которая стоит перед таким сообществом – научить людей вести себя в нём подобающим образом, т.е. разумно и адекватно, умению входить и выходить из него. А это означает, что каждый человек должен обладать навыками сознательной организации подобных сообществ и жизни в них, которые он получает не с помощью приёмов и методов, к которым прибегают в социальной инженерии: например, развитием классового чувства или классового правосознания. На консервативно-христианском Западе это достигается научением через семейное воспитание, воскресную школу, образование в широком смысле слова, церковь, литературу и т.п. С моей точки зрения, если довести уточнение терминов до логического конца, чтобы не было ненужной путаницы, применительно к западным социальным сообществам правильнее было бы употреблять термин "гуманитарные технологии". Термин "социальная инженерия" и по сути, и по форме ближе социальным сообществам, в основе которых лежит классообразующий принцип. Возможные негативные последствия и путаница от применения термина "социальная инженерия" на Западе нивелируются вкладыванием в него содержания, присущего понятию "гуманитарные технологии", и общим неприятием социальной инженерии Карла Маркса. Там подобное смешение понятий не имеет столь принципиального значения. В России же недоговоренность в употреблении терминов может иметь гораздо более плачевные последствия. Именно поэтому я и настаиваю на употреблении понятия "гуманитарные технологии".

Например, к прецеденту социальной инженерии можно отнести действия Чубайса по созданию слоя олигархов с целью обеспечить необратимость рыночных преобразований. Олигархи созданы, но мы помним, что их наличие в 30-е годы в Германии не только не мешало приходу Гитлера к власти, но даже, наоборот, способствовало. Сегодня в России олигархи обеспечивают и необратимость приватизации, с одной стороны, и пересмотр ее результатов – с другой. Они же обеспечивают имперскую реставрацию, и все это сопровождается борьбой олигархических кланов и мафий между собой. Технологический подход предполагает более тонкое обращение с материалом, он имеет дело не с классами и большими группами, а просто с людьми. Кроме того, вспомните, как один из либеральных теоретиков, Хайек, относится к слову "социальный". Он разбирает "наш отравленный язык", язык, на котором можно только лгать, использование которого обязательно приводит к ошибкам. Одним из самых порочных слов в этом языке является прилагательное "социальный". Какая только ложь не сопровождается этим словом! В нашей родной стране с этим словом связана не только демагогия, но и практика. Обеспечивая социальные права отдельных групп граждан, ущемляют права отдельного человека.

***Плиско М.К.:* А чем сейчас занимается методолог и гуманитарный технолог Владимир Мацкевич, почему его имя исчезло из СМИ?**

Мацкевич В.В.: Вообще-то оно никуда не исчезло, просто со страниц газет моё имя переместилось в журналы, научные сборники, книги, например – "Новейший философский словарь", и т.д. За это время у меня несколько сместились научно-практические приоритеты. Однако я по-прежнему провожу много семинаров с молодыми политиками, занимаюсь практическим консультированием, но консультирую не политиков, а предпринимателей. Я ушёл из сферы массовой культуры и информации в профессиональную и специализированную, и оттого моя деятельность приобрела более закрытый характер.

***Плиско М.К.:* Значит ли это, что Мацкевич стал больше заниматься гуманитарными технологиями с тем, чтобы в удобный момент вновь вернуться в политику?**

Мацкевич В.В.: Бессмысленно думать, что в политику может прийти кто-то очень умный и всех научит, что и как нужно делать, или сделает это сам. Персона в политике может только репрезентировать тот или иной политический субъект. Политика – занятие коллективное. Только коллективное сотрудничество и со-делание могут привести к успеху. Нам надо научиться понимать друг друга и разговаривать друг с другом. У меня никогда не было цели обрести власть. Та власть, которая у меня есть, – называть некоторые вещи своими именами или придумывать им имена – у меня остаётся, она никуда не ушла, и мне этого вполне достаточно. Чтобы достичь успеха в политике, любой человек, каким бы умным он ни был, должен создать вокруг себя команду единомышленников, т.е. временную корпорацию по достижению власти. Работа в этой корпорации должна начаться с проговаривания того, что необходимо делать и как это будет делаться. И здесь невозможно обойтись без гуманитарных технологий. Если такая команда будет создана, я не прочь в ней поработать. Правда, такой политической команды в Беларуси я пока не вижу.

***Плиско М.К.:* Владимир Владимирович, успехов Вам в Вашей деятельности и спасибо за интервью.**

Вячеслав БОБРОВИЧ,
доцент, кандидат философских наук

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ – "ЗА" И "ПРОТИВ": МЕСТНАЯ АНЕСТЕЗИЯ ИЛИ ЛЕКАРСТВО ДЛЯ БОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Общество не может жить без общественных идеалов. Крах коммунистической утопии и последовавшая за ним "деидеологизация" не приводит к тотальной рационализации общественного сознания. Известный исследователь социальной мифологии французский философ Ж.Сорель писал: "Каждое общество нуждается в каком-либо великом мобилизующем мифе". Подобно человеку, утратившему надежду на будущее, общество без идеалов неизбежно деградирует. Его поражают самые разнообразные общественные болезни – от социальной анемии до коррупции. Яркий пример тому – современное белорусское общество. В свое время политические элиты и лидеры не смогли предложить белорусскому народу достойного политического проекта, лишив его тем самым и надежды на будущее. Роль общественных идеалов играют мифологизированное прошлое и сиюминутные задачи на "выживаемость" – битвы за урожай, очередное повышение зарплаты, интеграция с Россией.

На заре перестройки, в начале 90-х, в российских журналах разгорелась дискуссия на тему государственной идеологии [1]. Обсуждались вопросы о том, что означает это понятие в современных условиях и какая национально-государственная идеология нужна обновленной России. Предполагалось, что государственная идеология должна обеспечить столь необходимое в переходный период общественное согласие, обозначить общезначимые цели и ценности. При этом некоторые исследователи отмечали амбивалентность самого понятия "государственная идеология", его способность служить как во благо, так и во вред обществу. Подобно понятию "демократия", оно меняет свое содержание в зависимости от того, кто его использует. Государственная идеология способна служить как обновлению общества, так и консервации его проблем. В одном случае она выступает средством формирования демократической политической культуры, просвещая и обучая граждан пользоваться приобретенной свободой. В другом – средством манипуляции общественным сознанием и достижения конкретных политических целей.

В Беларуси дискуссии о государственной идеологии были инициированы президентом страны А.Лукашенко. С самого начала их цель была четко определена – придать политическому режиму дополнительную легитимность, вернуть белорусскому народу утраченные за годы перестройки социалистические "иллюзии". Особенно насыщенными в этом отношении стали 1998-99 годы. Многочисленные совещания на высшем уровне и встречи с академической общественностью были посвящены совершенствованию идеологической работы с "трудящимися", поиску новой "созидающей" утопии. В результате появилась триада "новых" ценностей в виде "сильной президентской власти", "социально-ориентированной экономики" и "христианских (читай – православных) ценностей". Новыми их назвать можно лишь условно. Формула режима правления в царской России, выдвинутая в начале XIX века министром просвещения С.С.Уваровым, звучала очень похоже – "православие, самодержавие, народность". Она была призвана обеспечить мощь и величие Российской империи и в качестве официальной теории насаждалась в школе, университетах, армии, государственном аппарате. В белорусском варианте абстрактную "народность" заменила более соответствующая духу времени (проводимой А.Лукашенко политике) "социальная ориентация".

Мечта о "сильной руке" и порядке не один десяток лет согревала душу советского человека. В условиях переходного общества сильная президентская власть обладает несомненными преимуществами перед парламентским правлением [2]. Она избавляет от ненужных споров, помогает сконцентрировать усилия на решении важнейших задач. Однако это верно лишь в том случае, если в стране действительно проводятся демократические реформы. Сильная власть при этом рассматривается в качестве не идеала, а вынужденной меры. Утверждение авторитаризма в качестве общественного идеала не способствует демократизации белорусского общества. Вместо того, чтобы воспитывать у граждан самостоятельность и инициативу, он консервирует их патриархально-патерналистскую политическую культуру. Белорусского президента не случайно называют в народе "батькой". Сконцентрировав в своих руках всю полноту власти, он избавил от необходимости принимать политические решения, делать просвещенный выбор. Приученные к постоянной опеке со стороны государства, белорусы легко отказываются от нежданно "свалившейся" на них свободы, а вместе с ней и от ответственности за ее использование.

Социально-ориентированная экономика призвана сыграть роль "белорусской мечты". Не случайно она заменяет в триаде "народность". Говорим "народ" – подразумеваем "социально незащищенные слои населения". Однако "социальные завоевания трудящихся", о которых так долго твердили коммунисты, давно стали достоянием всего цивилизованного человечества. Социальное государство представляет собой более высокую ступень в развитии правовой демократической государственности и нацелено на смягчение последствий экономической конкуренции. Такую роскошь, как обеспечение каждому члену общества достойного уровня жизни, может позволить себе лишь государство с высокоразвитой экономикой. Республике Беларусь "социальность" досталась в наследство от СССР. В условиях полуразрушенного хозяйства она означает лишь одно – "равенство в нищете". Вместо увеличения общественного пирога государство по-прежнему озабочено его "справедливым" распределением. "Раздутая" социальная политика выгодна правящему режиму. Экономическая зависимость от государства делает людей более послушными и управляемыми.

Христианские ценности занимают в сознании современного белоруса достаточно скромное место. Годы атеистической пропаганды не прошли даром. Гораздо больше его волнует мысль о дополнительном заработке, нежели о спасении души. Однако объединение граждан на базе общей конфессиональной принадлежности и не является задачей правового государства. Будучи отделенным от церкви, оно признает моральную автономию личности – ее право на самоопределение в вопросах веры и морали. Кроме того, опора на христианские ценности оставляет за пределами гражданского сообщества представителей других конфессий. Современное общество, и белорусское в этом смысле не исключение, полиэтнично и многоконфессионально. Задачей государства в современных условиях становится создание условий для их мирного сосуществования и развития. Диалог культур, способность к компромиссам, толерантность – основы современной демократической государственности.

Научную проработку государственной идеологии в Беларуси осуществляет Институт социально-политических исследований при администрации Президента Республики Беларусь. В 1999 году увидела свет книга [3], подводящая итог проводимым с 1997 года научно-исследовательским разработкам по теме "Идеология белорусской государственности: концепция, модель, программа реализации". В этой работе можно найти многое. В ней обозначены основные тенденции научно-технического развития, даны долгосрочные – традиционные и альтернативные – сценарии развития цивилизации. Несколько затушевано, но все же просматриваются и собственно идеологические пристрастия авторов – критика либерализма и индивидуализма, возрождение "духа общинности и коллективизма", борьба с "паразитическим вирусом" инфляции путем "замораживания" цен и пр. Нет в ней главного – общественного идеала (способного заполнить образовавшийся в сознании беларусов идеологический вакуум).

Следует отметить, что отсутствие какой-либо позитивной программы является характерной чертой всех идеологических построений, выполняемых по "госзаказу". Большинство публикаций на тему государственной идеологии в Республике Беларусь, подготовленных "государственными идеологами", воспроизводят пустые, ничего не значащие штампы вроде "белорусского пути развития" и "простых, понятных каждому честному человеку истин" [4]. "Наши граждане требуют не политических игр, – пишет М. Мясникович, – а справедливости, солидарности, взаимопомощи, социально-политического единства власти и народа. Это и есть та идеологическая система ценностей, в которой сегодня живут государство, общество и человек" [5]. Причина подобного "бесплодия" вполне объяснима. Тайная "любовь" к марксизму не может быть высказана публично. Это учение себя достаточно дискредитировало в глазах мировой общественности да и белорусского общества. Изобрести что-то новое, свое, соизмеримое по масштабам, – не по зубам.

Лучше всего об идеологии белорусской государственности образца 90-х гг. говорит проводимая А.Лукашенко политика. Вместо того, чтобы обеспечивать базовый ценностный консенсус, она несет в белорусское общество раскол и противостояние. Ни в одной другой стране бывшего СССР борьба старого с новым не приняла столь ярко выраженные, "классические" формы. Словно в древних мифах, силы добра и справедливости олицетворяет один человек – президент страны. Его оппоненты, соответственно, предстают как воплощение сил зла, тьмы. Общество расколото на две части – так называемый "электорат Лукашенко" и его противники. Среди первых преобладают люди пенсионного возраста, с низким уровнем образования и дохода, жители деревень. Наиболее активная часть населения – молодежь, предприниматели, люди творческих профессий – оценивает нынешний политический режим резко отрицательно. В условиях проводимой экономической политики они не видят для себя никаких перспектив. Единственное, что в последние 2-3 года роднит и тех и других, так это постоянно снижающийся уровень жизни. Сегодня не только традиционно социально незащищенные слои населения, но и большая часть среднего класса проживает за чертой бедности. Проводимая в Беларуси экономическая политика не имеет каких бы то ни было конструктивных целей. Она характеризуется отсутствием реформ, "проеданием" накопленного в прошлом научно-технического потенциала, уверенным движением по пути к экономической катастрофе. Подобного рода государственная идеология – это путь в никуда.

Поиск национально-государственной идеологии – это не только политический, но и моральный выбор. Гораздо проще говорить народу то, что он хочет слышать. Идти за ним легче, чем вести его за собой. Популистские программы обладают завидной способностью объединять народные массы во имя "высоких" целей. При этом объединение одной части общества влечет за собой подавление другой. Люди легко поддается соблазну обнаружить корень всех бед не в себе, а в ком-то другом. Неважно, кто они – национальные меньшинства, "враги народа", просто богатые и обеспеченные. Стремление любой ценой удержать власть заставляет политического лидера раздавать заведомо невыполнимые обещания, осуществлять мероприятия, нацеленные исключительно на поддержание падающего рейтинга.

Выбор, который сделал А.Лукашенко, не в пользу высоких идеалов Просвещения. Он не ставит своей целью вести за собой народ, воспитывая в нем гражданские добродетели и высокие моральные качества. Как раз наоборот, с первых лет своего правления он подыгрывает далеко не лучшим его устремлениям. Как писал в 1996 году в своей статье "Беларусь во мгле" безвременно погибший журналист и политик А.Майсеня: "Президент Лукашенко паразитирует на темных сторонах сознания, разжигая массовую истерию, смешивая патриотизм с ненавистью к "врагам народа", чувство справедливости с завистью и злобой к "коммерсантам-эксплуататорам". С тех пор мало что изменилось. В стране по-прежнему насаждается культ бедности, разжигается классовая ненависть, подавляется всякое проявление предприимчивости и свободомыслия. "Народный" президент полагает, что именно таким образом он выражает интересы белорусского народа.

Проводимая А.Лукашенко политика, так же как и положенная в ее основу государственная идеология, не способствуют лечению больного общества. Если уж до конца использовать медицинскую терминологию, то это не столько лекарство, сколько наркотик, помогающий безнадежно больному забыть о болезни. Однако спекуляции вокруг государственной идеологии – не повод для того, чтобы вообще отказаться от использования этого понятия. Как показывает опыт демократических реформ в странах Восточной Европы, в политической культуре переходного общества доминируют материальные ценности [6]. В этих условиях государственная идеология могла бы способствовать формированию гражданского самосознания, помочь избавиться от социальной пассивности и иждивенчества. Еще большую актуальность она приобретает в Беларуси, главной проблемой которой как раз и является политическая культура. В свое время немцы не постеснялись назвать процесс избавления от бациллы национал-социализма "перевоспитанием" нации. Это серьезная и кропотливая работа, которая под силу лишь объединенным усилиям государства и гражданского общества. Даже если предположить, что в силу благоприятного стечения обстоятельств в стране в ближайшее время произойдет смена политического руководства, новым политическим элитам все равно придется ее решать.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Одно из заблуждений перестроечного периода – представление о демократии как об обществе без идеала. Сознание советского человека надолго сохранило миф о меркантильности и бездуховности Запада. Последовавшую за перестройкой деидеологизацию многие восприняли как неизбежную утрату духовно-нравственных ориентиров, свойственную демократическому образу жизни в целом. Действительно, демократия не допускает чьей бы то ни было монополии на истину, а значит, и господства какой бы то ни было идеологии. Не часто используется и понятие "государственная идеология". В массовом сознании идеология связывается с партикулярными интересами отдельных социальных групп, в то время как государство должно защищать интересы общества в целом. Однако по сути государственная идеология существует. Она определяет цели и задачи демократического государства и сконцентрирована в его конституции. Именно здесь расставляются все точки над "i" в вопросах взаимоотношений между личностью и властью, определяется, кто кому служит и кто кого контролирует. Конституция символизирует договор между гражданами о том, каким они хотят видеть общественный порядок, что в данном сообществе полагается в качестве социальной и политической справедливости. В ней зафиксированы основополагающие принципы демократического правления: порядок избрания органов власти; правила, регулирующие деятельность государственных чиновников; способы разрешения возникающих в обществе конфликтов. Положенные в основу конституции идеи и ценности обеспечивают демократическому обществу базовый ценностный консенсус. Конституция – это не только настоящее, но и будущее. В каком-то смысле она всегда "на вырост".

Внедрение государственной идеологии в общество осуществляется через систему гражданского образования. Она создается государством при активном содействии институтов гражданского общества – фондов, общественных и политических организаций, церкви. Гражданское образование обеспечивает постепенное вовлечение индивида в общество, его становление в качестве самостоятельного субъекта социальных и политических отношений. Чтобы стать гражданином, необходимо знать, как устроено и функционирует демократическое государство, приобрести навыки политического участия, научиться обсуждать и решать общественные проблемы, научиться строить свои отношения с властью и обществом на правовой основе. Благодаря гражданскому образованию в обществе обеспечивается преемственность традиций и ценностей, формируется доверительное отношение граждан к социуму, уважение к существующим политическим институтам и общественному порядку.

Демократия имеет свои слабости и противоречия. О ее неспособности совладать со свободой убедительно писал еще Платон. "Сложные" отношения демократии (равенства) со свободой отмечал французский философ А.де Токвиль. XX век показал на практике, как демократия становится тоталитарной, т.е. выражающей волю большинства и в то же время подавляющей права и свободы личности. Философские попытки примирения индивидуальной свободы и коллективной власти породили теорию общественного договора. В своем либеральном варианте она стала идейным фундаментом современной концепции правового государства. Одной из причин дискредитации образа демократии в постсоветском обществе стало непонимание амбивалентности власти и демократической формы правления. "Государственная власть, исходящая от народа, представляет собой противоположность индивиду, она – самый мощный гарант конституционной свободы и ее наиболее опасный противник" [7]. Чтобы избежать злоупотреблений, необходимо придать демократии правовой (либеральный) характер. "Демократия, – пишет немецкий правовед И.Изензее, – становится свободной формой государства лишь тогда, когда она обладает конституцией правового государства, подчиняется либеральным основным правам и уважает области, не поддающиеся голосованию" (там же).

Гражданское образование отражает присущие демократии противоречия и сочетает две взаимоисключающие традиции. Одна из них – традиция классического республиканизма – берет свое начало в рассуждениях о политике Аристотеля и находит свое законченное выражение в учении Ж.-Ж.Руссо. Другая – либерального индивидуализма – связана с именем английского философа Дж. Локка. Именно она положена в основу концепции правового государства. Первая делает упор на воспитание чувства гражданственности, способности гражданина участвовать в государственных делах (политике), заботиться об общем благе. Вторая – на осознание своих прав и свобод, умение ими пользоваться и отстаивать, воспитание чувства чести и личного достоинства. Если первая учит думать и заботиться о себе, то вторая – о других, об обществе в целом. Обе традиции в равной степени важны. Абсолютизация одной из них ведет к различным перекосам в политическом поведении. Коллективизм приводит к подавлению индивидуальности (понимаемой как уникальность, непохожесть на других). Индивидуализм чреват социальной и политической пассивностью, самоустранением граждан от участия в общественной жизни. Это может привести к власти экстремистски настроенные элементы и тем самым погубить демократию. Гражданин существует в двух "ипостасях". Как представитель народа, именно в этом качестве участвующий в политике, и как член общества, сохраняющий свою свободу и независимость от других (индивидуальность). Личное и коллективное дополняют друг друга. Законопослушный гражданин – сознает свои обязанности перед обществом и государством, неукоснительно соблюдает его законы. Суверенный гражданин – является хозяином самому себе, творцом своей судьбы.

Своя система гражданского образования была и в СССР. Она представляла собой хорошо отлаженную идеологическую машину, нацеленную на изменение общественного сознания и воспитание "строителя коммунизма". Ей нельзя отказать в эффективности. Белорусы до сих пор не могут избавиться от убеждения, что еще недавно жили в самом передовом и справедливом обществе. Патриотическое воспитание и идеологическая обработка мозгов осуществлялась на всех уровнях образования – начиная со школы, где господствовала советская педагогика, и кончая вузом, с его "классическим" набором предметов в виде марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, политической экономии (этики, эстетики и др.). В переходном обществе ситуация иная. Демократические институты находятся в стадии своего становления. Прежняя система гражданского (идеологического) образования разрушена, новая еще не создана. Школа, долгие годы воспитывавшая "строителя коммунизма", теперь воспитывает разве что абитуриента. Растерянные, задавленные материальными проблемами и учебной "нагрузкой" преподаватели едва ли способны сами разобраться в сути происходящих перемен, не говоря уже о том, чтобы воспитывать гражданственность и вселять социальный оптимизм. Им не хватает политических знаний, уверенности в будущем и – самое главное – ценностных ориентиров. Отсутствие внятной государственной идеологии лишает школу ее воспитательной миссии.

Итак, подведем некоторые итоги. Государственная идеология Республики Беларусь образца 90-х гг. не выдерживает критики. Вместо образа желаемого будущего она рисует картину окрашенного ностальгией прошлого. Не воля большинства, на которую так любит ссылаться президент, а права и свободы личности являются фундаментом современной демократической государственности. Государственная идеология Республики Беларусь находит свое концентрированное выражение в ее Конституции. Нам еще предстоит пройти долгий и трудный путь, прежде чем заложенные в ней принципы будут реализованы на практике. В этом смысле она еще долго будет "на вырост". Правовое государство, рыночная экономика, достойный уровень жизни – все это пока еще в проекте. Поиски государственной идеологии за пределами Конституции не имеют смысла. Их цель очевидна – оправдание проводимого президентом политического курса. (Одна из скрытых "пружин" этих инициатив – несогласие с заложенными в Конституцию принципами правовой государственности.)

В правовом демократическом государстве есть две идеи, имеющие высокое гражданское звучание – идея прав человека и идея республиканского правления. Первая делает упор на интересы личности, ее прав и свобод. Вторая – на гражданское самосознание, участие в общественных и государственных делах. Гражданское образование соединяет эти идеи в процессе обучения демократии. Подобного рода государственная идеология служит созданию условий для решения главной задачи государства – оптимального сочетания частных и общественных интересов.

Демократия – не часы, заведенные на все времена. Приходят новые поколения, для которых ценности свободы, демократии, прав человека еще не стали значимыми. В переходном обществе они еще не стали таковыми и для "взрослой" культуры. Обучение демократии ставит целью научить человека жить в условиях свободы. За годы перестройки в массовом сознании сформировался негативный образ демократии как господства вседозволенности и беспредела. Основоположник либеральной идеологии Дж.Локк предупреждал, что свобода может существовать только в рамках закона. В противном случае она превращается в анархию.

Обучение демократии – это воспитание самостоятельности, способности к ответственным решениям. Советское государство приучило граждан к постоянной опеке. Завышенные социальные ожидания, иждивенчество и пассивность – характерные черты советской политической культуры. Неспособность народа делать просвещенный выбор – питательная почва для популизма. Чтобы отличить ложь от правды в предвыборных обещаниях политических лидеров, необходимы элементарные знания об обществе, государстве, политике. Обучение демократии помогает гражданину осознать свои права и свободы, учит ими пользоваться и отстаивать. Даже если виновником их нарушений является государство. Гражданство и гражданственность в условиях демократии это не только политико-правовая связь индивида с государством, но и его включенность в гражданское общество. В этом качестве он учится контролировать государство, участвовать в его управлении.

Заполнить идеологический вакуум в сознании белорусов может (и должна) идея прав человека. Она становится мировоззрением современной эпохи, обеспечивающим условия самоактуализации личности внутри государства, возможности межкультурного диалога и коммуникаций за его пределами. В отличие от "классических" идеологий прошлого, идеология естественных прав имеет гораздо более конкретный и гуманный характер. Она не призывает верить в "светлое завтра" и жить "ради будущих поколений". Она утверждает самоценность человеческого существования и право каждого индивида на счастье. Она не противопоставляет одну социальную группу другой и выражает интересы отдельной личности независимо от ее пола, возраста, конфессиональной и этнической принадлежности. Какая еще идеология могла бы примирить столь расколотое общество, каковым стала Беларусь за годы правления А.Лукашенко?

Обучение правам человека – это не просто усвоение некоторой суммы знаний. Это формирование нового мировоззрения, новой политической и духовной культуры. Ее слагаемые – чувство личного достоинства (уважение к своей персоне, осознание своей значимости), самостоятельность (способность к ответственным решениям и просвещенному выбору), толерантность (готовность позволить другому быть другим, иным), солидарность (чувство сопричастности к происходящему вокруг), ответственность (способность соизмерять свою свободу со свободой других), критическое отношение к власти, способность к компромиссам. Такие изменения не происходят в одночасье, но ускорить их можно. Для этого используются современные методики обучения. Они нацелены не на контроль и подавление, а максимальное раскрепощение личности. Существует богатый опыт их использования в различных странах и регионах. Мир поделится с нами, будь на то наше желание и воля.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Ильин В.В., Ильина Т.А. Россия: опыт национально-государственной идеологии. // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Социально-политические исследования, 1993, № 1.

2. Достаточно убедительно на эту тему высказался политолог В.Карбалевич в материалах Круглого стола на тему: "Какой быть Беларуси: президентской или парламентской?" // Адкрытае грамадства, 2000, № 1(7).

3. См.: Модель устойчивого развития Республики Беларусь: идеология, система управления, механизм реализации в союзе с Россией. М.А. Ермолицкий, Е.П.Сапелкин, Е.Г. Слука, А.Н.Тур, А.Т.Юркевич. Мн., Технопринт, 1999.

4. См., например: Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики. Материалы научной конференции 12 ноября 1998 года. Мн., ИСПИ, 1998.

5. Мясникович М. За идеологию, выражающую правду жизни, защищающую интересы народа. // Беларуская думка, 2000, № 5, с.6.

6. См.: Г.Майер. Политическая культура Восточной Европы: взгляд со стороны. // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Социально-политические исследования, 1994, № 5.

7. Изензее И. Конституционные права и демократия. // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Социально-политические исследования, 1993, № 1, с.7.

Ірына ЕКАДУМАВА,
магістрант факультэта паліталогіі
Маскоўскай вышэйшай школы сацыяльных і эканамічных навук

ПА ЯКІХ ПРЫКМЕТАХ ВЫЯЎЛЯЦЬ ГРАМАДЗЯНСКУЮ СУПОЛЬНАСЦЬ?

Пасля рэферэндуму 1996 года большасць беларускіх партый была выціснута за межы палітычнай гульні. Не прызнаючы правамоцнасці прынцыпаў дзяржаўнага ўладкавання на падставе Канстытуцыі 1996 года, прадэмакратычныя сілы пераарыентаваліся ў сваёй дзейнасці з парламенцкай працы і адкрытых узаемадзеянняў з органамі дзяржаўнай улады непасрэдна на працу з грамадскасцю: развіццё структур трэцяга сектара, палітычную адукацыю насельніцтва ды арганізацыю грамадска-палітычных мерапрыемстваў. Сёння стымуляванне палітычнага ўдзельніцтва грамадзян стала такім ўнёскам у пабудову грамадзянскай супольнасці, які штурхае іх атаясамліваць сябе з ёю самою. Можа, гэта і зручна – вызначаць грамадзянскую супольнасць як сферу дзейнасці па рэшткавым прынцыпе: "калі не палітыка, то...", але наколькі справядліва казаць аб ёй ды яе носьбітах у адсутнасці паўнавартай палітычнай прасторы?

Калі прызнаць, што арганізатары скаардынаванага супраціву лукашэнкаўскаму рэжыму выступаюць прадстаўнікамі грамадзянскай супольнасці, то якім чынам прынцыпы ўладкавання такой грамадзянскай супольнасці спалучаюцца, напрыклад, з канцэнтрацыяй сімвалічнага капіталу і мабілізацыйных рэсурсаў, да якой яны імкнуцца? Ці можа грамадзянская супольнасць ці асобныя яе элементы функцыянаваць ва ўмовах карупцыі ўладных структур ды прававога нігілізму пераважаючай часткі насельніцтва? Ці можна атаясамліваць грамадзянскую супольнасць з грамадскімі рухамі і, наогул, якую такую альтэрнатыву дзяржаве можа прадстаўляць грамадства, каб пры гэтым мірна з ёй суіснаваць? Такія пытанні паўстаюць прыназіранні дзейнасці каляпалітычных сілаў па стварэнню структур грамадзянскай супольнасці ў Беларусі і за адсутнасцю вынікаў гэтай працы на дзяржаўна-палітычным узроўні застаюцца без адказу.

У розных грамадствах складаюцца даволі розныя мадэлі дэмакратыі ці іншых спосабаў улагоджвання палітычна правасуб'ектнай большасці. Адпаведна, калі з'яўляецца грамадзянская супольнасць, яна паўстае як сацыяльнае асяроддзе некаторага палітычнага ладу. Канкрэтныя яе ўзоры могуць быць настолькі непадобныя адзін да аднаго, што для кожнага з іх справядліва знаходзіць асобныя вызначэнні і ствараць асобныя тэорыі, ў адпаведнасці з абставінамі фармавання, спецыфікай арганізацыі ды функцыямі, якія яны выконваюць у дачыненні да адпаведных сацыяльных сістэм. Пошукі гэтыя прадстаўляюцца тым больш дарэчнымі для палітолагаў, чым далей крытычна пераасэнсоўваецца тлумачальная каштоўнасць "вялікіх тэорый", марксізм гэта ці структурны функцыяналізм. Паказальна, што нават у дачыненні да заходніх дэмакратый тамтэйшыя даследчыкі размяжоўваюць развіццё грамадзянскай супольнасці як сацыяльную з'яву і дактрыну грамадзянскай супольнасці як кірунак практычнай палітыкі. У Беларусі ж грамадзянская супольнасць як сацыяльная з'ява апынулася не рэчаіснасцю, а хутчэй праектам. Што да тэорыі, то ў лепшым выпадку яна грунтуецца на спадчыне шатландскіх класікаў Новага часу ці пераасэнсаванні досведу краін Усходняй Еўропы канца 80-х гадоў.

З КЛАСІЧНЫХ ТЭОРЫЙ

Паняцце грамадзянскай супольнасці мае багатую традыцыю даследванняў у англа-амерыканскай і кантынентальна-еўрапейскай палітычнай думцы, а таксама бясспрэчны эквівалент у сацыяльна-палітычнай практыцы краін Захаду. Грамадзянская супольнасць прадстаўляецца жыхарам постсацыялістычных краін не менш прывабным дасягненнем цывілізацыі, чым паспяховае эканамічнае развіццё ці ўстойлівая палітычная дэмакратыя. Узнімаемая тэорыямі грамадзянскай супольнасці праблема сацыяльнай далучанасці звязана з пошукамі аптымальнага для чалавечай прыроды сацыяльнага ўладкавання. Тэорыі грамадзянскай супольнасці закранаюць фундаментальныя пытанні чалавечага быцця. Па словах А. Селігмана, праблема грамадзянскай супольнасці разгортваецца вакол пытання аб магчымасцях супольнасці сацыяльных агентаў, мысленых у тэрмінах аўтаномных індывідаў [гл. 22, р. 202].

Тэорыя грамадзянскай супольнасці паўстала як адзін з накірункаў развіцця ідэі размежавання паміж грамадствам і дзяржавай. Класічная тэорыя грамадзянскай супольнасці з'явілася ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. і выкарыстоўвалася ў тагачаснай палітычнай думцы дзеля вывучэння новага сацыяльна-палітычнага ладу, які прыйшоў на змену абсалютнай манархіі. Полісуб'ектнасць грамадства, знікненне ў ім адзінай крыніцы ўлады пачалі абгрунтоўваць новым прынцыпам, які адпавядаў секулярызаванай свядомасці, прынцыпам справядлівасці, паводле якога ў аснове "правільнага" сацыяльнага парадку ляжыць не сіла, звычай ці божае наканаванне, а чалавечы розум. Не выпадкова грамадства (як сацыяльная сістэма ў межах нацыі-дзяржавы) разглядалася мысліцелямі Новага часу па аналогіі з прадпрыемствам, усе чальцы якога спрадвечна маюць роўныя правы на ўдзел у кіраванні.

У Заходняй Еўропе афарміліся тры асноўныя традыцыі разумення грамадзянскай супольнасці:

1. *Еўрапейска-міжземнаморская* традыцыя склалася ў італьянскіх гарадах-рэспубліках эпохі Адраджэння. Буйнейшым яе прадстаўніком стаў Н. Макіавелі, які абгрунтоўваў такія вартасці, як мір і бяспека грамадзян, недатыкальнасць прыватнай уласнасці і свабода перакананняў і выказванняў.

2. *Кантынентальна-еўрапейская* традыцыя сфарміравалася ў нямецкім культурным рэгіёне пад уплывам практыкі дзейнасці гільдый і гарадскога кіравання.

3. У *англа-амерыканскай* ліберальнай традыцыі былі распрацаваны наступныя тэарэтычныя праблемы: суадносіны свабоды і адказнасці на падставе натуральнага права (Дж. Лок), механізмы самарэгуляцыі грамадзянскай супольнасці (А. Сміт), канцэпцыя мінімальнай ролі дзяржавы (Т. Пэйн) [гл. 5, с. 26].

Станаўленне грамадзянскай супольнасці адзначылася з'яўленнем грамадзян, маючых юрыдычна замацаваныя правы і абавязкі, а таксама свабодных асацыяцый людзей, ствараемых дзеля абароны іх праў і інтарэсаў. Ідэя аўтаноміі сацыяльнай сферы, яе нятоеснасці з дзяржаўна-палітычнай сферай была найбольш сістэматычна прадстаўлена ў творчасці такіх мысліцеляў, як Т. Гобс, Дж. Лок, А. Фергюсан. Ідэя натуральнага супрацьстаяння дзяржавы і грамадства была паказана ў работах Т. Пэйна, Т. Ходжскінса ды інш. Ліберальная ідэя самарэгуляцыі грамадства, якое кантралюе дзяржаву, развівалася таксама ў творчасці А. дэ Таквіля, Дж. С. Міля, Дж. Д'юі.

Нягледзячы на тое, што паняцце грамадзянскай супольнасці, з прычыны яго распаўсюджанасці, апынулася даволі размытым, два падыходы, прапанаваныя Дж. Локам і А. дэ Таквілем, захаваліся да сённяшніх дзён:

1. Дж. Лок разглядаў грамадзянскую супольнасць як **якасны стан соцыума.** Грамадзянская супольнасць у яго трактоўцы атаясамлівалась з цывілізаваным у новаеўрапейскім сэнсе слова грамадствам, уладкаванне якога грунтавалася на такіх прынцыпах, як жыццё, свабода, уласнасць.

2. У А. дэ Таквіля грамадзянская супольнасць – гэта **асобная сфера соцыума**, якая ўключае ў сябе вобласць прыватных і эканамічных інтарэсаў індывідаў, дзе адбываецца непадкантрольная дзяржаве грамадская самаарганізацыя. Грамадзянская супольнасць існуе аўтаномна не толькі ад дзяржавы, але і ад палітычнага грамадства і нават ад тых грамадскіх аб'яднанняў, якія "пракладаюць шлях палітычным аб'яднанням" [11, с. 287].

Гэтыя два падыходы вызначаюць грамадзянскую супольнасць па розных прынцыпах: Дж. Лок прыбягае да паняцця грамадзянскай супольнасці дзеля характарыстыкі якаснага стану сацыяльнай сістэмы, а ў А. дэ Таквіля яно азначае сегмент гэтай сістэмы. Абапіраючыся на адзіную з'яву, дадзеныя падыходы дапаўняюць адзін аднаго. Супастаўленне грамадзянскай супольнасці ў локаўскім (шырокім) і таквілеўскім (вузкім) сэнсе слова дапамагае лепей уразумець яе сутнасць. Найбольш тыповай праблемай у гэтым сэнсе было і застаецца прымяненне катэгорыі грамадзянскай супольнасці да ўсіх не абмежаваных законам форм спантанай ці неарганізаванай палітычнай актыўнасці грамадзян, напрыклад, да масавых акцый, дзейнасці груп інтарэсаў і палітычных рухаў.

У рамках таквілеўскага падыходу магчымы розныя погляды на кола адносін, якія ўключаюцца ў сферу аўтаноміі грамадзянскай супольнасці. Атаясамліванне грамадзянскай супольнасці з усёй сукупнасцю непалітычных грамадскіх адносін азначае ўключэнне ў грамадзянскую супольнасць сфер дамінавання эканамічных структур, патрыярхальнай сям'і ды іншых адносін, якія выключаюць вартасны стрыжань тэорыі грамадзянскай супольнасці – індывідуальную свабоду. Між тым індывідуальная свабода, акрамя аксіялагічнай вартасці, мае структураўтвараючае значэнне: яна забяспечвае здатнасць непалітычнай сферы грамадскіх адносін да самаарганізацыі. "Самаарганізацыя ёсць уласцівасць складаных сістэм і ў поўнай меры на сацыяльным узроўні яна атрымлівае сваё развіццё як функцыя грамадзянскай супольнасці" [8, с. 32].

Спецыфічную ролю свабоды ў грамадзянскай супольнасці адзначае Э. Арата, які дае вызначэнне грамадзянскай супольнасці ў вузкім сэнсе слова. Э. Арата аддзяляе яе ад палітычнай супольнасці (ў тым ліку і ад дзяржавы), ад эканамічнай супольнасці, ад сферы прыватных адносін, а таксама ад грамадскіх рухаў і асацыяцый [гл. 1, с. 50] і тым самым надае гэтаму паняццю найбольшую вызначанасць. Такім чынам, грамадзянская супольнасць у вузкім сэнсе слова – гэта адасобленая сфера грамадскіх адносін, структураўтвараючае значэнне ў якой належыць *апасродкаванай інстытутамі камунікацыі і каардынацыі дзеянняў свабодных індывідаў і груп* [гл. 1].

АДРАДЖЭННЕ ІДЭІ ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XX СТАГОДДЗЯ

Хаця сёння грамадзянская супольнасць стала адным з найбольш распаўсюджаных сродкаў азначэння сацыяльнага парадка ў дэмакратычным грамадстве, большую частку XX ст. яе праблемы не абмяркоўваліся. Пры сусветных тэндэнцыях да канцэнтрацыі капітала і роста ролі дзяржавы яны выціскаліся на перыферыю праблемнага поля сацыяльных навук. Занядбанню ідэі грамадзянскай супольнасці спрыяў і сам стан палітычнай навукі: на пачатак XX ст. пад грамадзянскай супольнасцю пачало разумецца ўвогуле буржуазнае грамадства.

Да самай сярэдзіны XX ст. палітычная навука займалася пошукамі "добрага жыцця": меркаванні аб належным і наяўным у ёй змешваліся, а дакладныя метады даследвання, у тым ліку прыёмы спраўджвання атрыманых дадзеных, не былі распаўсюджаны. У 50-60-я гады пачаўся біхевіяралісцкі перыяд, калі ўвага даследчыкаў пераключылася на наяўную рэчаіснасць: у першую чаргу, на функцыянаванне палітычных інстытутаў і назіраемыя паводзіны людзей. Часткова гэтаму павароту паспрыялі ліберальна-кансерватыўныя палітычныя рухі, а часткова – павышэнне статуса самой палітычнай тэорыі, якая ў той перыяд самастойна вызначала кірункі яе практычнага прымянення і далейшага развіцця.

Больш грунтоўны зварот даследчыкаў інтарэсу да ідэі грамадзянскай супольнасці адбыўся напрыканцы 60-х гадоў. Асэнсаванне досведу таталітарызма як спецыфічнага досведу XX стагоддзя пачалося яшчэ ў перыяд сусветных войн, а здагадкі аб небяспецы паглынання сацыяльнай сферы палітыкай ці эканомікай выказваліся ўжо не першае стагоддзе. Але галоўным чыннікам спрыяльнай для даследванняў грамадзянскай супольнасці змены прыярытэтаў у палітычнай навуцы канца 60-х – пачатка 70-х гадоў стала актыўнасць нетрадыцыйных сацыяльных рухаў, якія ахапілі самыя, здавалася б, дабрабытныя заходнія краіны. Калі навукоўцы прызналі, што ім не ўдалося прадказаць гэтыя падзеі, дамінуючая на той час сістэмная тэорыя Т. Парсанса пачала губляць сваю папулярнасць. Апынулася, што тлумачэнні вартасных рэгулятараў чалавечых паводзін з пункту гледжання логікі функцыянавання палітычнай сістэмы выводзяць праблемы вытокаў сацыяльнага парадку за межы кола аб'ектаў навуковых даследванняў. Акрамя таго, сама дэмакратыя пачала разглядацца не як стабільны стан грамадства, а як стан яго эвалюцыі, стан фарміравання новых інстытутаў, працэдур і практык [гл. 9, с. 12]. Прызнанне "дыверсіфікацыі дэмаса" [9, с. 14] дапоўніла тэорыю дэмакратыі ідэямі плюралізма. Сёння рознагалоссі, супярэчнасці і канфлікты ўжо не прызнаюцца анамаліяй, а поўная згода ў палітыцы не лічыцца

насамрэч дасяжнай. Групы інтарэсаў, якія ўзнікаюць на глебе эканамічных, сацыяльных, прафесійных, этнічных, ўзроставых ды іншых адрозненняў, разглядаюцца не як перашкода, а як неад'емная рыса сучаснай дэмакратыі. Адрозненні, якія вызначаюць інтарэсы гэтых груп, паступова выходзяць з ліку грамадскіх з'яў, падлеглых прамому рэгуляванню дзяржавы, у сферу аўтаноміі грамадзянскай супольнасці. Рост увагі сацыяльных навук да маючых палітычныя наступствы індывідуальных і групавых адрозненняў ды ідэнтычнасцяў таксама спрыяе сённяшняй папулярнасці тэорый грамадзянскай супольнасці.

Галоўны імпульс увазе даследчыкаў да праблем грамадзянскай супольнасці быў нададзены дэмакратызацыяй апошняй чвэрці XX стагоддзя. У краінах трэцяй хвалі дэмакратызацыі [гл. 19; 9, с. 7-8] ідэя грамадзянскай супольнасці выкарыстоўвалася напачатку пераважна ў палітыцы, дзе абгрунтоўвала неабходнасць знаходжання сацыяльнага ўладкавання, альтэрнатыўнага практыцы дыктатарскіх рэжымаў. Яна кансалідавала рухі супраціву і прапаноўвала сацыяльны парадак "на глебе ідэі самаарганізацыі грамадства, аднаўлення грамадскіх сувязяў па-за рамкамі аўтарытарнай дзяржавы, а таксама апеляцыі да незалежнай публічнай сферы, абмінаючы ўсякую афіцыйную, кантралюемую дзяржавай ці партыяй камунікацыю" [1, с. 49].

Адраджэнне канцэпцыі грамадзянскай супольнасці здзяйснялася у работах Л. Калакоўскага, З. Млынаржа, А. Міхніка, Ю. Хабермаса, Н. Бобіо, Ж. Э. Кардоза, Г. О'Донэла ды інш. Усходнееўрапейскія тэарэтычныя распрацоўкі гэтай ідэі пачыналіся з барацьбы ў ідэалагічнай сферы, дзе абгрунтоўвалася неабходнасць стварэння "паралельнай" посттаталітарнай сістэме супольнасці. Паралельная супольнасць мела ўтварыцца як вынік "экзістэнцыяльнай рэвалюцыі" – маральнага ператварэння грамадства, змены яго стаўлення да "чалавечага парадку", які супрацьпастаўляўся парадку палітычнаму. Да канца 80-х гэтая ідэя не фармулявалася ў тэрмінах грамадзянскай супольнасці. Распрацоўваючы ідэю "антыпалітычнай палітыкі", В. Гавэл і А. Міхнік выступалі хутчэй як дысідэнты з праграмай вызвалення ад хлусні, што навязвалася чалавеку посттаталітарнай сістэмай пры дапамозе ідэалогіі. Толькі са з'яўленнем масавага руху "Салідарнасць" нон-канфармізм "антыпалітыкі" змяніўся новым канфармізмам, аб'ектам якога апынулась не дзяржава, а антаганістычнае ёй грамадства [гл. 12]. Гэтую альтэрнатыву постаўтарытарнай палітычнай сістэме сталі называць грамадзянскай супольнасцю толькі ў 80-я гады.

Наколькі справядліва лічыць, што "Салідарнасць" увасабляла ў сабе грамадзянскую супольнасць? Дж. Коэн і Э. Арата называюць пазіцыю, якая атаясамлівае грамадзянскую супольнасць з грамадскімі рухамі ды арганізацыямі, радыкальна-дэмакратычнай. Самі ж яны з такой пазіцыяй не пагаджаюцца і лічаць, што рухі ў дэмакратыях дапаўняюць, але не замяняюць спаборніцкую партыйную сістэму [см. 14, р. 19]. Э. Гелнэр разглядае грамадзянскую супольнасць у яе сучасным выглядзе як прадукт падзялення працы і адноснага абасаблення ўлады ад уласнасці [гл. 4]. Пры такім разуменні грамадзянскай супольнасці пытанне аб тым, ці ёсць яна ва Усходняй Еўропе, застаецца адкрытым. Тым не менш, самое сучаснае паняцце грамадзянскай супольнасці як сферы соцыума можа дапамагчы ў ацэнцы тэндэнцый трансфармацыі сацыяльнай сферы ў кірунку дэмакратызацыі.

ЭЎРЫСТЫЧНАЯ КАШТОЎНАСЦЬ ПАНЯЦЦЯ ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ

Разгляданне грамадзянскай супольнасці ў вузкім сэнсе слова як аўтаномнай сферы сацыяльных адносін устараняе таўталогію ў самой гэтай катэгорыі ("civil society") і накіроўвае даследніцкую ўвагу на функцыі і структуры больш-менш вызначаных яго сегментаў. Грамадзянскую супольнасць як сферу сацыяльных адносін зручней суадносіць з дзяржавай, палітыкай, рынкам, грамадскімі рухамі ды іншымі сацыяльнымі феноменамі, якія магчыма ад яе адасобіць. Разуменне грамадзянскай супольнасці ў вузкім сэнсе слова адкрывае дадатковыя перспектывы ў аналізе сацыяльных трансфармацый.

Сённяшняя ідэя грамадзянскай супольнасці падае надзеі на пераканаўчыя і выразныя тлумачэнні сацыяльнай дынамікі без прэтэнзій на адназначнае тлумачэнне дыхатаміі індывідуальнага і сацыяльнага. На думку А. Селігмана, тэорыя грамадзянскай супольнасці з'яўляецца тэорыяй сярэдняга ўзроўню, якая закранае пытанні інстытуцыяналізацыі і пры гэтым фармулюецца на мове саміх актораў. Яна прапануе ідэі, якія, з аднаго боку, дапускаюць эмпірычную мабілізацыю нарматыўных канцэпцый і адначасова абыходзяцца без залішка ўтопій (які, бясспрэчна, спарадзіла б непрыкладная нарматыўная тэорыя), а з іншага боку, пазбягаюць некрытычнага стаўлення да эмпірычна фіксуемай палітычнай рэчаіснасці (якое з'явіліся б вынікам поўнага ігнаравання нарматыўных прадпісанняў) [гл. 22, р. 53]. Дыскурс грамадзянскай супольнасці дазваляе апісаць новыя некласічныя формы калектыўных дзеянняў. Ён дазваляе прасачыць сэнсы, якія ўлічваюць акторы ў сваіх стратэгіях, а таксама шырокае кола кантэкстаў сацыяльных ўзаемадзеянняў з улікам сучасных камунікацыйных, інстытуцыянальных ды іншых структур і адносін. На фоне новых сфер прымянення паняцця грамадзянскай супольнасці нечакана складаным апынулася пытанне аб пераемнасці яе тэорыі. Справа ў тым, што ў сённяшняй палітычнай навуцы грунтоўна перагледжаны некаторыя базавыя дапушчэнні, на якія абапіраліся класікі тэорыі грамадзянскай супольнасці. Так, напрыклад, сцвярджэнні аб добрай прыродзе чалавека альбо вывядзенне маральна-этычных рэгулятараў чалавечых паводзін з іх аб'ектыўных інтарэсаў, характэрныя для работ шатландскіх мысліцеляў XVIII ст., сёння не выглядаюць пераканаўчымі. Сацыяльныя і псіхалагічныя ўмовы сінтэза публічнага і прыватнага, індывідуальнага і сацыяльнага інтарэса ці ідэала ў XX стагоддзі зусім іншыя, чым у XVIII стагоддзі. Таму наўрад ці вяртанне да класічных тэорый задаволіць сучасныя даследніцкія запыты па праблемах сацыяльных вытокаў палітыкі. А. Селігман у гэтай сувязі выказваў сумненне ў тым, што класічныя тэорыі грамадзянскай супольнасці ўвогуле дарэчныя дзеля аналізу праблем сучасных грамадстваў [гл. 22, р. 205].

У адпаведнасці з мэтамі прымянення ідэі грамадзянскай супольнасці А. Селігман выдзяляе тры ўзаемапранікаючыя, але ў той жа час асобныя накірунка ў яе трактоўцы:

1) палітычны, у якім грамадзянская супольнасць – гэта лозунг разнастайных рухаў і партый, а таксама асобных мысліцеляў, якія пры яго дапамозе крытыкуюць пэўнага кшталту дзяржаўную палітыку;

2) квазінавуковы, які выкарыстоўваецца навукоўцамі-гуманітарыямі як канцэпцыя дзеля апісання (а магчыма і тлумачэння) пэўнай сацыяльнай аргнізацыі і знаходжання сувязі паміж мікра- і макраўзроўнем у сацыяльным аналізе (у найбольш папулярным увасабленні гэтая ідэя выкарыстоўваецца дзеля апісання пэўных форм сацыяльнай арганізацыі, звязаных з ідэямі дэмакратыі і грамадзянства);

3) этычны ідэал, які прысутнічае ў першых двух, – гэта філасофска-нарматыўная канцэпцыя, бачанне сацыяльнага парадку не толькі нарматыўнае, але і прэскрыптыўнае, якое дае прадстаўленне аб добрым жыцці [гл. 22, р. 201].

А. Селігман прапануе дакладна размяжоўваць паняцці грамадзянскай супольнасці як аналітычнага сродка даследванняў і як стратэгічнага арыенціра палітыкаў. У першым выпадку грамадзянская супольнасць мае сацыялагічную трактоўку і азначае некаторы сацыяльны парадак, найбольш дакладна выяўлены ў рабоце Р. Даля "Поліярхія" [гл. 15]. У другім выпадку паняцце грамадзянскай супольнасці звязана са сферай вартасцяў, вераванняў, сімвалічных дзеянняў. У такой інтэрпрэтацыі яно найлепшым чынам прадстаўлена ў здзейсненым сістэмным падыходам сумяшчэнні вэбэрыянскага паняцця харызмы і дзюркгейміянскіх уяўленняў аб салідарнасці [гл. 7, 10, 17], дзе крыніцай маральнага парадку выступае індывід. З А. Селігманам згодны Э. Гелнер, які ў рабоце "Умовы свабоды" прапануе адмовіцца ў даследванні грамадзянскай супольнасці ад залішняй канцэнтрацыі ўвагі на яе маральна-этычным вымярэнні. Э. Гелнер прыдае паняццю грамадзянскай супольнасці канкрэтна-сацыялагічнае гучанне, вызначаючы яе як інстытуцыйны плюралізм у некаторым палітыка-культурным асяроддзі [гл. 4, с. 69].

А. Селігман адзначае, што большасць сучасных заклікаў да перагляду вызначэння грамадзянскай супольнасці на Захадзе звязана з распаўсюджаннем духа камунітарызма [гл. 23]. Адроджаная і пераасэнсаваная ідэя грамадзянскай супольнасці, на думку Дж. Коэн і Э. Арата, дазваляе знайсці лепшую альтэрнатыву ўтылітарнаму лібералізму, чым упаданне ў традыцыяналізм. "Будучы па-за антыноміяй дзяржавы і рынка, публічнага і прыватнага, Gesellschaft і Gemeinschaft і... рэформы і рэвалюцыі, ідэя абароны і дэмакратызацыі грамадзянскай супольнасці – лепшы спосаб характарыстыкі сапраўды новай агульнай сюжэтнай лініі для сучасных форм самакіравання і самаарганізацыі" [14, р. 30].

Выкрыць механізмы сацыяльных змен дапаможа выяўленне структур грамадзянскай супольнасці. У гэтым сэнсе дарэчнымі выглядаюць разважанні Ф. Шміттэра, які разумее пад грамадзянскай супольнасцю "сукупнасць ці сістэму самаарганізуючыхся медыяторных (пасрэдніцкіх) груп" з наступнымі ўласцівасцямі:

1) дваякай аўтаноміяй: з аднаго боку, аўтаноміяй адносна дзяржавы, з іншага – адносна пазадзяржаўных адзінак вытворчасці і ўзнаўлення, такіх як сям'я ці бізнэсавыя структуры;
2) калектыўнага дзеяння;
3) неўзурпацыі чужых прэрагатыў, такіх як функцыі палітычнага кіравання ці матэрыяльнай вытворчасці;
4) грамадзянскасці ці згоды дзейнічаць у межах ужо склаўшыхся "грамадскіх" ці прававых норм.

Ф. Шміттэр не ўказвае канкрэтных структур грамадзянскай супольнасці, бо лічыць, што яе спецыфіка вызначаецца не відамі існуючых у ёй суб'ектаў, а спецыфікай і наступствамі іх узаемадзеянняў. У якасці элементаў грамадзянскай супольнасці ў такім выпадку можна разглядаць тыя сацыяльныя структуры і ўзаемадзеянні, унутраная логіка якіх прадугледжвае фарміраванне і ўмацаванне грамадзянскай супольнасці. Элементы грамадзянскай супольнасці – гэта тыя фактары сацыяльных адносін, якія спрыяюць самаагранізацыі грамадства на прынцыпах эгалітарызма, фарміраванню грамадскай самасвядомасці і артыкуляцыі інтарэсаў грамадства. Іх існаванне не гарантуе станаўлення грамадзянскай супольнасці, але спрыяе яму, і гэтага дастаткова, каб пры разглядзе пераходных працэсаў прыбягаць да паняцця грамадзянскай супольнасці.

Калі нават кансалідаваныя дэмакратыі маюць сёння патэнцыял для далейшай дэмакратычнай трансфармацыі, а з ёй і для развіцця грамадзянскай супольнасці [гл. 18], то пошук прыкмет грамадзянскай супольнасці ў пераходных грамадствах выглядае дапушчальным.

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАМАДЗЯНСКАЙ СУПОЛЬНАСЦІ ВА ЎМОВАХ ДЭМАКРАТЫЧНАГА ПЕРАХОДА

Перспектывы фарміравання грамадзянскай супольнасці там, дзе пачаўся дэмакратычны пераход, але дэмакратычная кансалідацыя не адбылася, важныя хаця б таму, што скіраваныя на выяўленне сродкаў дасягнення сацыяльнага і матэрыяльнага дабрабыту ў незаходніх грамадствах без ахвяравання іх нацыянальнымі ці рэгіянальнымі ідэнтычнасцямі. Калі заходнія дэмакратыі ў свой час паўсталі з недэмакратыі, а грамадзянская супольнасць – з неграмадзянскай, то чаму аналагічныя пераўтварэнні не могуць адбыцца ў іншых палітыка-культурных умовах? Хаця сённяшнія пераходныя грамадствы маюць меней часу на дэмакратызацыю, чым Злучаныя Штаты і краіны Заходняй Еўропы, наўрад ці дэмакратызацыя, таксама як эканамічная мадэрнізацыя, можа ісці выключна "зверху" – ад пераўтварэння інстытуцыянальнай структуры грамадства да пераўтварэння інтарэсаў груп і індывідаў. Самаарганізацыя грамадства адбываецца ў першую чаргу па-за палітычнымі структурамі, таму і грамадзянская супольнасць як наступства дэмакратызацыі змяшчае ў сабе прыкметы пэўнай палітычнай культуры, якія вызначаюць ролю ўлады і палітычных інстытутаў на шляху да дэмакратыі. Ідэя самабытных шляхоў да дэмакратыі ў незаходніх грамадствах сама па сабе не арыгінальная. Д. Растоў, які вывучаў узнікненне дэмакратыі ў краінах Захаду і краінах дэмакратычнага пераходу, настойваў на тым, што ў кожным выпадку як дэмакратыі, так і спосабы іх пабудовы ніколі не паўтараюцца. Тым не менш, у сцэнарыях сучасных дэмакратычных пераўтварэнняў ёсць агульныя рысы. У прымяненні да пераходных грамадстваў Д. Растоў прапанаваў вызначаць дзве фазы – дэмакратычны пераход (разбурэнне аўтарытарызма) і дэмакратычную кансалідацыю (станаўленне стабільнай дэмакратыі) [гл. 21].

У аналізе працэсаў дэмакратызацыі ў краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і былога СССР аформілісь дзве супрацьлеглыя пазіцыі: тэорыя "спадчыны мінулага" і тэорыя "імператываў лібералізацыі". Першая пазіцыя прадугледжвае тлумачэнне пераходных працэсаў як заканамернага развіцця папярэдніх былых аўтарытарных палітычных сістэм, а другая базуецца на дапушчэнні аб універсальнасці правілаў ліберальнай дэмакратыі і яе дасяжнасці пры выкананні пэўных умоў [гл. 6, с. 39-40]. Сцэнарый дэмакратычнага пераходу ў Беларусі, здавалася б, павінны пацвердзіць тэорыю "спадчыны мінулага". Але трэба зазначыць, што спадзяванні на лібералізацыю рэжыма як на гістарычную заканамернасць грунтуюцца на той жа недаацэнцы палітычнымі сіламі значэння ўласнай волі, што і ідэя "спадчыны мінулага". Спадзяванне палітычных гуль-

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

цаў на "аб'ектыўную заканамернасць" дэмакратызацыі постсавецкага грамадства абярнулася для найбольш аптымістычных з іх нечаканымі наступствамі. Назіраючы змену эліт у суседніх краінах, беларуская дэмакратычная апазіцыя пачатку 90-х гадоў не чакала, што партнаменклатура здолее захаваць ініцыятыву дэмакратычных пераўтварэнняў у сваіх руках. Сёння беларускі вопыт дае падставу меркаваць, што адставанне дэмакратызацыі ў грамадстве ад аналагічных працэсаў у суседніх краінах спрыяе таму, каб палітычныя гульцы дзейнічалі на падставе "імператыва лібералізацыі". Занядбанне такіх ўласцівасцяў постаўтарытарнага грамадства, як адсутнасць у насельніцтва досведу палітычнага ўдзельніцтва, недастатковае ўсведамленне ім уласных інтарэсаў і негатоўнасць успрымаць дзяржаўныя інстытуты і палітычную дзейнасць у якасці сферы пераўтварэння ўласных інтарэсаў і патрэб у рашэнні, падмацаваныя паўнамоцтвамі службовых асоб, вядзе да палітычнай паразы.

Такім чынам, дыхатамія "спадчына мінулага – імператыў лібералізацыі", як і любая апеляцыя да "аб'ектыўных" сацыяльных заканамернасцяў, не дапамагае, а перашкаджае праясненню тэндэнцый ўскладняючыхся і супярэчлівых дэмакратычных пераўтварэнняў. Больш дарэчным дзеля гэтай мэты выступае аналіз суадносін структурных змен у грамадстве са стратэгіямі яго важнейшых суб'ектаў, у ролі якіх выступаюць, у першую чаргу, палітычныя лідэры і арганізацыі.

Праблема знаходжання прыкмет грамадзянскай супольнасці ў пераходным грамадстве, тым больш, у соцыуме, які знаходзіцца ў стане прыпыненага дэмакратычнага пераходу, можа здацца некарэктнай і нагадваць пошукі чорнай кошкі ў чорным пакоі. Пошукі грамадзянскай супольнасці ў Беларусі азначаюць аналіз не столькі наяўнага, колькі верагоднага стану грамадства. Тым не менш, паколькі ўяўныя сітуацыі маюць рэальныя наступствы, то сімвалічныя дзеянні граюць далёка не апошнюю ролю ў станаўленні грамадзянскай супольнасці. Сам факт распаўсюджання рыторыкі грамадзянскай супольнасці, апеляцыя палітыкаў у сваіх дзеяннях да дэмакратычных норм ды іншыя сімвалічныя дзеянні прадастаўляюць дастаткова падставаў дзеля пошука элементаў грамадзянскай супольнасці ў беларускім грамадстве. Менавіта праз прызму паняцця грамадзянскай супольнасці можна прасачыць змены ў канкрэтных практычных формах узаемадзеянняў улады і грамадства. Усведамленне таго, што беларускае грамадства не дасягнула стану, блізкага да заходніх дэмакратый, зусім не замінае шукаць у ім элементы грамадзянскай супольнасці ў выглядзе апасродкаваных інстытутамі камунікацыі і кардынацыі дзеянняў свабодных індывідаў і груп.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направления дальнейших исследований. // Политические исследования, 1995, №3, с.48-57
2. Восточная Европа на новом пути. Хроника событий, документы, комментарии. Отв. ред. Л.Н. Шаншиева. М.: РАН. Институт научной информации по общественным наукам, 1994, 237 с.
3. Гавел В. Власть безвластных. Отрывки из книги. // Даугава, 1990, №7, с.105-111
4. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Margiem, 1995, 222 с.
5. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России. // Социологические исследования, 1997, №3, с.25-36
6. Дробижева В.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996, 383 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Издание подготовил А.Б.Гофман. М.: Наука, 1991
8. Колбановский В.В. Основные функции гражданского общества. // Проблемы формирования гражданского общества. М.: Институт социологии РАН, 1993, 159 с., с. 4-44
9. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М.: Московский общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 1999, 108 с.
10. Самардак Н. Проблемы соотношения общественного и индивидуального сознания в социологии познания Э. Дюркгейма. Львов, 1980, 41 с.
11. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс-Литера, 1994, 559 с.
12. Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество. // Политические исследования, 1997, №5, с. 68-87; №6, с.15-33
13. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Политические исследования, 1996, №5, с.16-27
14. Cohen J.L., Arato A. Civil society and political theory. Cambridge: The MIT Press, 1994, 771 p.
15. Dahl R. Polyarchy: Participation and opposition. London: Yale University Press, 1971, 257 p.
16. Democratization. Ed.by Potter D. ed al. Cambridge: Polity press; Milton Keynes: Open univ., 1997, 550 p.
17. Durkheim E. Moralizing Economic Life and emancipation the Individual. Arblaster A., Lukes S. The good society: a book of readings. L.: Methuen, 1971, 436 p., p.253-258
18. Held D. Models of democracy. Cambridge: Polity Press, 1987, 321 p.
19. Huntington S. The third wave: democratization in the late twentieth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991, 366 p.
20. Pluralism. // Bogdanor V. Blackwell encyclopaedia of political science. Cambridge.: Blackwell Publishers, 1991, 667 p.
21. Rustow D. Transitions to Democracy. // Comparative Politics. 1970, vol. 2, pp.337-363
22. Seligman A. The idea of civil society. Princeton: Princeton University Press, 1992, 241 p.
23. Пачатак філасофіі камунітарызма быў пакладзены кнігай М. Сандэла "Лібералізм і межы справядлівасці" (1982), дзе такія палітычныя вартасці, як справядлівасць, правы і свабода, разглядаліся ў спецыфічным культурным кантэксце. Адмаўляючысь ад характэрнага для класічнага лібералізма абстрактнага, атамістычнага разумення сацыяльнага "я", М. Сандэл выводзіў сацыяльнае "я" з грамадскіх сувязяў і абавязацельстваў і паказваў недастатковасць фармальнага вымярэння сацыяльных адносін без уліку сувязяў і адносін паміж людзьмі.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПОЛИТОЛОГОВ НА ТЕМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Плиско М.К.: У Михаила Булгакова есть выражение, ставшее крылатым, что, мол, разруха в обществе является следствием разрухи в головах. Конечно, всякое сравнение хромает, но нельзя ли то же самое сказать о политических процессах, которые происходили в Беларуси в конце 80-х гг.? Ведь если бы тогда у белорусской элиты имелся приемлемый проект развития общества, то, возможно, сегодня мы не имели бы столь печальных результатов своей деятельности. С середины 90-х гг. под руководством "железной" руки начал реализовываться новый политический проект, а мы как не имели, так и не имеем ни свободы, ни колбасы. Но могло ли быть в то время иначе? Могла ли страна пойти по тому пути развития, по которому пошли наши соседи: Польша Литва, Латвия и даже Россия? Может быть, нам не хватило для того, чтобы пойти по пути демократии и рынка, того, что раньше называли идейным обоснованием проведения реформ? Понимала ли элита – партийная, государственная, хозяйственная, гуманитарная и т.д., что такое демократия и рынок и, грубо говоря, с чем их едят? Понимала ли она значение политической теории для перехода к демократическому обществу? Скорее всего – нет.

В своё время меня поразил такой факт. Так называемая неоконсервативная революция в странах Запада, приведшая к потрясающим успехам в развитии экономики и культуры, произошла в начале 80-х годов. Но идеологическая подготовка к её проведению заняла не один десяток лет, по крайней мере, она началась с конца 50-х годов. И не только идеологическая, но и организационная. Были созданы десятки институтов в различных сферах общественной жизни, если угодно – целая неоконсервативная сеть учреждений, которая занималась распространением нового подхода к решению общественных проблем. И если бы неоконсерваторам не удалось осуществить своеобразную революцию в умах, если бы они не подготовили идейную почву для восприятия неоконсервативных ценностей – вряд ли им удалось бы в короткий срок достичь столь потрясающих успехов. Так, может быть, нечто подобное происходит у нас сейчас? Да, нам не удалось с ходу перейти к демократии и рынку. Но, может быть, сейчас, десять лет спустя, общество и, в первую очередь, элита идейно "созрели" для восприятия ценностей демократии и рынка? А может быть, у нас ничего и не изменилось, и общество, а вместе с ним и элита, по-прежнему пребывает в летаргическом сне?

Бобрович В.И.: В плане отношения к политическим знаниям, как и к политике вообще, мы находимся в очень странной ситуации. Первый политик нашего государства – президент – пугает всех, заявляя, что занятие политикой – это грязное дело, советует никому ею не заниматься, что он сам будет тянуть эту ношу и т.д. и т.п. И это при том, что демократия основана на политическом участии, на знании граждан о политических процессах, на их способности судить об этих процессах и контролировать их. Не только обыватель, но и те, кто по долгу службы занимается политикой, также зачастую не понимают роли политических знаний в жизни общества. Во время одной из дискуссий, которая проходила в журнале "Адкрытае грамадства", Валерий Карбалевич очень верно заметил, что главной причиной наших бед является неготовность политической элиты и общества воспринять ценности демократии и рынка. Подобное отношение к политике и, в частности, к политическим знаниям можно объяснить воспроизведением у элиты и интеллигенции прежних советских стереотипов. Тогда в моде было отрицательное отношение к политике и к идеологии вообще. Это был стихийный протест интеллигентных людей против излишней заидеологизированности в обществе и всеобщего лицемерия, царившего в политике. Существовавшая в то время наука о политике – научный коммунизм – обслуживала исключительно интересы партийной верхушки. Надо было партии обосновать победу коммунизма через двадцать лет – обосновывали. Когда стала очевидной лживость этого постулата – придумали концепцию развитого социализма. Поэтому не случайно аполитичность стала символом советской эпохи. Для нормальных людей моральным считалось "не влипаться во власть". Другого отношения к политике идеологический диктат породить не мог. Когда в период перестройки появился новый предмет – политология, отношение к нему, как и следовало ожидать, было соответствующим, т.е. негативным. Никто её не хотел воспринимать всерьёз. Но времена изменились, и сейчас демократия не может строиться на подобном отношении к политике. Может быть, именно поэтому сегодня она делается не интеллигентными людьми и не в рамках демократической традиции и процедуры. Справедливости ради следует сказать, что дистанцирование интеллигенции от политической науки нельзя объяснить только воспроизведением прежнего негативного к ней отношения. Дело обстоит гораздо сложнее. Процесс усвоения политических знаний обладает рядом гносеологических особенностей. В отличие от других наук, которые оперируют специальным категориальным аппаратом, в политологии сплошь и рядом используются привычные для всех термины и понятия. Это создаёт иллюзию простоты, доступности политических знаний для всех и вся. Каждый из нас с гордостью заявляет: уж в чём в чём, но в политике-то я разбираюсь. Особенно это характерно для людей, которые волею судеб оказались на вершине власти и никогда серьёзно не изучали политических наук. Это ведёт к упрощенчеству в понимании развития политических процессов и создаёт ложное представление о многих политологических понятиях. Так, например, понятие "разделение властей" превращается из системы сдержек и противовесов властей в обыкновенное разделение труда по управлению государством, а понятие "правовое государство" сводится к верховенству закона и только, но ведь закон может быть и не правовым, посягающим на неотъемлемые права и свободы человека. Вспомните, ещё Гегель говорил, что рассуждать о философии и воспитании может каждый, а уж о политике тем более. Но такой упрощенческий подход чреват негативными последствиями, и мы в этом уже успели убедиться.

Грицанов А.А.: Пожалуй, можно согласиться с Вячеславом Ивановичем о довольно-таки странной ситуации с положением политических знаний у нас в конце 80-х – начале 90-х годов. В этой связи я хотел бы указать на два момента. Да, действительно, первоначально у нас в науке господствовали моноидеологические построения, т.е. марксистские, даже не марксистские, а скорее вульгарно-материалистические. В конце 80-х на нас хлынул поток западной литературы – политологической, социологической, философской, методологической, на основе которой можно было бы попытаться выстроить некие проекты социального развития общества. Но мы столкнулись с тем, к чему многие оказались не подготовленными. На западном политическом рынке всегда существовало и существует множество теоретических построений, по-разному объясняющих развитие общественных процессов или основополагающих понятий демократии и рынка. Действительно, что такое "демократия"? Это власть большинства или общество, в котором гарантируются права меньшинства? Рынок в духе построений лорда Кейнса или либертарианцев? Другими словами, на Западе нет и не может быть готовых рецептов общественного переустройства или исчерпывающих объяснений, что из себя, например, представляет демократия или рынок, которые можно было бы механически перенести на белорусскую почву. Интересно отметить и то обстоятельство, что у нас на книжном рынке по вполне понятным причинам преобладала американская обществоведческая литература. А её авторами во многих случаях была американская профессура, известная всему миру своими левыми взглядами. Это имело негативное влияние, если так можно сказать, на не очень продвинутые и неокрепшие умы белорусских политиков и обществоведов, которые, в общем-то, никогда всерьёз не изучали даже марксистскую литературу. Они если и читали Маркса, то только в изложении "товарища Сталина". Но теперь они получили шанс подкреплять свои доморощенные построения авторитетом заокеанских профессоров, которые, в свою очередь, не имели возможности испытать на собственной шкуре прелести сталинского социализма. Это во-первых. Теперь несколько слов о социологии и о возможностях применения этой науки у нас. Я считал и считаю, что пока применение социологических методов для исследования белорусского общества может иметь только условное значение. Социология является нормальным инструментом для исследования состояния общества, которое можно назвать гражданским, общества, в котором у людей на базе частной собственности сформировались нормальные экономические интересы. Тогда социология как наука будет не только фиксировать температуру тела больного человека, но и, определив диагноз, указывать способы его лечения. Приведу только один пример. Накануне выборов в Палату представителей все социологические службы давали цифру 50-60%-ой явки избирателей на выборы. Однако можно ли говорить всерьёз о каких-то цифрах, если мы точно знаем, как происходит голосование у нас в сельской местности? А голосует деревня не добровольно, а принудительно, как скажет местное начальство. Можно ли в этой ситуации говорить о том, каким было отношение белорусского избирателя к подобным выборам и разглагольствовать о каких-то серьёзных социометрических исследованиях? Вряд ли. Не случайно, вопреки официальным цифрам о явке белорусских избирателей на выборы, в западных источниках всюду указывается другая цифра – 36%. И, на мой взгляд, эта цифра более достоверна, чем та, которая получена социологами на основании данных социологических исследований. Я считаю, что в Беларуси пока нет реальных оснований для существования такой серьёзной науки, как социология. И это не потому, что у нас нет своих квалифицированных кадров: они-то как раз есть, – проблема в особенностях белорусского общества, которое по своей сути носит феодальный характер, в котором у людей ещё не оформились экономические интересы. Это во-вторых. И последнее замечание. Сейчас среди московской, да и части белорусской элиты стало модным увлечение серьёзными философскими, социологическими и политическими построениями и концепциями. Началось чуть ли не соревнование, кто что прочитал и кто что знает. Эту часть работы, конечно, надо делать, но не это самое главное на пути достижения демократического общества. Лечить необходимо, как это ни парадоксально может прозвучать, не только народ, но и элиту. И начинать надо не с изложения высоких теорий, а пропаганды элементарных понятий, присущих демократическому обществу. Если эти понятия будут по-разному пониматься, если для большинства населения они останутся пустым звуком, то мы ничего путного не добьёмся. Смотрите, ведь у нас в отличие от западного обывателя слово "коммунизм" по-прежнему ассоциируется не с ГУЛАГом, а с молочными реками и кисельными берегами. Можно ли "войти" в рынок, если у большинства населения остаётся отрицательное отношение к частной собственности и частным собственникам, особенно, к торговцам? Вообще, надо сказать, на Западе, особенно в Америке, существует эффективная защита ценностей демократии. Это находит своё проявление и в литературе, и в искусстве, и в образовании, и особенно в кино. Ни в одном американском кинофильме вы не увидите, чтобы понятие "коммунизм" могло вызвать у зрителя позитивную ассоциацию. У нас же, как я уже говорил, большинство населения ничего плохого не видит ни в коммунистах, ни тем более в слове "коммунизм". Я бы даже сказал так: пока в сознании людей будут возникать позитивные ассоциации с понятиями, которые нам принесли неисчислимые бедствия, мы не сможем вырваться из своего мрачного прошлого, и до тех пор профессор Шушкевич, рассказывая, как было плохо раньше и как будет хорошо при демократии, будет говорить в пустоту. Вспомните, что говорил З. Фрейд о роли и значении свободных ассоциаций в жизни человека, и вам всё станет понятным. Главное, что нам необходимо сделать сейчас, – это определить пути лечения общественного сознания, в том числе и интеллигенции. И начинать эту работу надо с системы образования, с учеников старших классов, учителей, студентов, преподавателей ВУЗов, журналистов, с написания новых учебников и утверждения новых учебных планов.

Бугрова И.И.: Я согласна с тем, что пришла пора взяться за очищение содержания терминов и понятий, которыми оперирует не только массовое сознание и СМИ, но и политологическая наука. А это, в свою очередь, невозможно сделать без реабилитации роли социально-политических знаний в жизни общества. Период, о котором мы сейчас говорим, я разделила бы на два условных этапа. Первый – это конец 80-х – начало 90-х годов, когда на нас обрушилось море социально-политической информации: и своей, доморощенной, и зарубежной, переводной. Такие понятия как "демократия", либерализм", "права человека", "рынок", "свобода", которые ещё вчера были

далёкими и недоступными, а от этого и более желанными, вдруг вошли в нашу жизнь. Они были похожи на некие заморские фрукты: их хотелось вкушать как можно больше и казалось, что это никому не может навредить. В обществе в то время царила эйфория. Многие искренне верили, что стоит только показать порочность старой коммунистической системы, как всё автоматически наладится и наступит новое общество. Всем всё казалось простым и понятным. Все были увлечены демократическими идеями и рынком, хотя на самом деле мало кто себе представлял, что же это всё-таки такое. Но чудес не бывает. Жизнь – не сказка, и из гоголевской шинели, пусть даже по западным лекалам, нельзя в одночасье сшить приличный вечерний фрак. В том, что мы не смогли пойти по пути строительства нормального демократического общества, на мой взгляд, прежде всего, виновата элита. В условиях переходного общества она оказалась не в состоянии предложить народу приемлемый путь развития, хотя на политическом рынке имелось немало проектов социально-политического переустройства страны. Для этого ей не хватило политических знаний и гражданской ответственности.

В начале 90-х годов белорусское общество находилось на распутье. В условиях советского политического пространства Беларусь была наиболее спокойным регионом и чувствовала себя достаточно комфортно. Здесь, как мне кажется, в равной степени могли реализоваться несколько социальных проектов. В Беларуси, например, не существовало ярко выраженного альтернативного национального проекта, который на протяжении длительного времени вынашивала прибалтийская элита и который она с успехом смогла реализовать с наступлением перестройки и гласности. Неприемлем ей был и среднеазиатский путь обособленного развития с сочетанием элементов рынка и феодального строя. Отличалась Беларусь и от Украины, которой был присущ региональный национализм (Галиция) и извечная тяга к так называемой "самостийности". В этом плане Беларусь была "ни рыба, ни мясо". Поэтому одним из возможных вариантов развития страны мог стать проект возвращения в модернизированное советское прошлое с постепенным вхождением в рынок и элементами авторитаризма в политической жизни. Насколько мне помнится, тогда в СМИ велась даже дискуссия, что стране нужен авторитаризм, но "просвещённый", мол, без этого нельзя провести рыночные реформы и создать средний класс, который является опорой демократического общества. Тем не менее я не исключаю, что Беларусь могла пойти по "гайдаровскому" или польскому пути проведения реформ, по пути так называемой шоковой терапии. Сегодня нередко приходится слышать, что, мол, этот вариант у нас был невозможен, что народ не принял и не поддержал бы его, что люди были не готовы нести тяготы и социальные последствия реформ. Но я так не думаю. Наоборот, я считаю, что белорусское общество достаточно мобильно, что оно показало высокую степень адаптации и выживаемости в условиях так называемого "рыночного социализма", который для населения также является шоком, только, к сожалению, без терапии.

Резюмируя, можно сказать, сказать, что белорусская элита пошла по пути, который был ей более всего знаком – возврат в модернизированное советское прошлое. Этот путь не требовал особых интеллектуальных усилий. Если сказать образно, то вместо того, чтобы засесть за чтение книг, хранящихся в Александрийской библиотеке, белорусская элита пошла по пути Герострата: она предпочла их сжечь, лишь бы не вести страну за цивилизованным миром.

Плиско М.К.: Во второй половине 80-х годов мне посчастливилось выступать в двух ипостасях. Я был одним из организаторов известного тогда в кругах интеллигенции политического клуба "Современник". Мы являлись не только организаторами, но и в меру своих сил пытались учить политической науке людей, приходивших на наши заседания. Тематика была самой разнообразной: от причин появления сталинизма до рассмотрения концепций прав человека. К сожалению, наши попытки придать учёбе некий академический и системный характер закончились неудачей. Скорость, с которой происходили общественные перемены, была столь велика, что мы за ними не успевали. Поэтому многим из нас приходилось, если так можно сказать, доучиваться на ходу. Возможно, позднее наша общая недоученность и стала одной из причин возврата в советское прошлое. Для некоего рывка вперёд нам не хватило тогда поддержки со стороны государственных структур и профессиональных обществоведов. Усилий одного клуба "Современник", пытавшегося донести до начинающих политиков немарксистский взгляд на развитие общественных процессов, было явно недостаточно. Государство не только не помогало нам в нашей работе, но, наоборот, на каждом шагу вставляло палки в колёса. Единственным союзником в нашей работе были в то время "Философские четверги", организованные присутствующим здесь г-ном Грицановым. Наверное, я сгущаю краски, но, если говорить лично о себе, то, занимаясь практической партийной работой, я всегда испытывал недостаток знаний в области общественных наук. У меня просто не было времени следить за новинками политической литературы. В начале моей политической деятельности у меня для этого было гораздо больше времени, чем в бурные 90-е. Думаю, что и другие политики находились в подобной ситуации. Может быть, даже в худшей, чем я. По крайней мере, я был профессиональным историком, и в советское время чтение политической и обществоведческой литературы занимало в моей жизни не самое последнее место. Я разделяю точку зрения Ирины Ивановны, что прибалтов от возврата в советское прошлое спас долго вынашиваемый элитой этих республик национальный проект. Москва, которая являлась средоточием передовой обществоведческой мысли и ярких политических деятелей – "прорабов перестройки", также, хотя и не без труда, смогла избегнуть возврата в прошлое. Минск же в то время представлял собой в интеллектуальном плане тихий провинциальный город. Конечно, какое-то шевеление в мозгах некоторой части интеллигенции было, но в целом в среде обществоведов и политиков царил вульгарно-материалистический подход к описанию действительности. Много ли авторитетных имён мы можем назвать из академической и номенклатурной среды, которые открыто поддержали демократические процессы в нашей республике? Полагаю, что для этого хватит пальцев на одной руке. Попытки отдельных энтузиастов изменить интеллектуальную ситуацию в стране на рубеже 80-х – 90-х гг. окончились неудачей. Количество не могло перерасти в качество из-за отсутствия самого количества. Именно элита, а не народ, оказалась не готовой к восприятию ценностей демократического общества. Именно она ничего плохого не увидела в возврате в советское прошлое и, чтобы оправдать свой выбор, принялась утверждать, что, мол, народ не готов нести социальные последствия перехода к демократии и рынку. При этом некоторые из таких советских полити-

ков были не прочь использовать терминологию и понятия, присущие демократическому обществу, для раскручивания своего имени. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать статью депутата А. Лукашенко "Диктатура: белорусский вариант?", опубликованную в "Народной газете" 25 мая 1991 года. Деятельность подобного рода политиков, любой ценой рвущихся к власти, вела, в конечном счёте, к дискредитации демократических идеалов. Для них демократическая фразеология была инструментом прихода к власти и только. Достигнув вершин власти, они стремились как можно скорее отречься от своего "демократического" прошлого и начинали говорить о демократах и о рынке только в уничижительных тонах. Это сбивало с толку многих людей, которые не были искушены в тонкостях большой политики.

Бугрова И.И.: Я согласна с тем, что проведение демократических и рыночных реформ людьми, которые имели весьма смутное представление о демократии, дискредитировало ценности и понятия открытого общества. Вспомните, как долго Кебич и его окружение тянули с принятием закона о приватизации. Отсутствие закона давало им возможность занять лучшие стартовые позиции, а значит – успеть раньше других к дележу государственной собственности. Естественно, что у населения номенклатурная приватизация не могла пользоваться симпатией и поддержкой. Не случайно в народе с подачи любителей советского прошлого приватизацию окрестили "прихватизацией", демократию стали сравнивать с хаосом, болтовней и беззаконием, а сторонников укрепления национального государства обвинили в развале экономики, поставив им в вину разрыв прежних хозяйственных связей. В этом плане мало что изменилось и после 1994 года. Происходила чудовищная демонизация ценностей демократии. Простому человеку внушали, что все его беды, как и беды общества в целом, произошли из-за отказа от прежних советских ценностей, забвения славной и героической советской истории, развала СССР, отказа от плановой экономики и вообще из-за происков "тлетворного Запада". Ну и, конечно, во всём этом виноваты так называемые демократы.

Бобрович В.И.: Я согласен с тем, что сейчас перед нами как никогда остро стоит проблема реабилитации политического знания, политики как таковой. Безотносительно к тому, вольно или невольно произошла дискредитация основных понятий демократического общества. Трудность состоит в том, что в начале 90-х гг. большинство людей, имея смутное представление об этих понятиях, всё же хотело докопаться до истины и на эмоционально-психологическом уровне благожелательно к ним относилось. Теперь же мы столкнулись не просто с незнанием, но с превратным, искажённым их толкованием. Это затрудняет работу политологов, так как теперь необходимо не только учить, но и переучивать, формировать эмоционально-положительное отношение к политике вообще.

Грицанов А.А.: Я заметил, что в нашем разговоре мы часто употребляем слово "элита". На мой взгляд, в контексте нашей дискуссии уместнее было бы употреблять термин "номенклатура", так как он более предметно отражает суть происходящих в Беларуси политических процессов. Элита представляет собой нечто более возвышенное и духовное. У нас же в начале 90-х гг. именно управленческая номенклатура при поддержке директоров и председателей совхозов и колхозов в схватке с национально ориентированными завлабами и завкафедрами смогла одержать победу. Этот слой номенклатуры и сейчас находится у власти в стране. По-моему, наши политологи и социологи ещё не осознали того простого факта, что и в Беларуси, и в России, да и во многих других странах демократия не побеждала да и не может победить на выборах. Победа Ельцина в 1991 году на президентских выборах была следствием протестного настроения людей. Избиратели голосовали не столько за Ельцина, сколько против всех других кандидатов. Поэтому победу Ельцина нельзя рассматривать как победу людей, сделавших осознанный выбор в пользу ценностей демократического общества. Примерно то же самое произошло и в Беларуси в 1994 году. Для людей главным было голосовать не за Кебича. По чистой случайности для обывателя наиболее подходящим среди других кандидатов оказался нынешний президент. И людям было совершенно не важно – демократ Лукашенко или нет, главное, чтобы не прошёл надоевший всем Кебич. Повторю ещё раз: на мой взгляд, и в Беларуси, и в России у демократов в обозримом будущем нет и не будет никаких шансов прийти к власти посредством победы на выборах. Возможно, это заявление кому-то покажется слишком жестким, но я думаю, что это и есть та "сермяжная" правда, которую мы хотим узнать. И причина этого не столько в элите или номенклатуре, сколько в особенностях самого белорусского народа. Дело в том, что в силу ряда исторических факторов белорусский народ претерпел значительные изменения, и сегодня как никакой другой народ в мире является искусственно созданным образованием. Вспомните демографические последствия последней войны, наплыв в Беларусь военных пенсионеров, вытеснение белорусского языка из сферы повседневного общения и т.п. С другой стороны – из Беларуси Москва забирала к себе лучшие кадры, которые, однажды попав в столицу империи, навсегда утрачивали свою национальную идентичность. Эту особенность Беларуси мы должны учитывать, когда ведём разговор о проблемах демократии и политического знания. Попутно обращу ваше внимание на такой интересный момент. Английский язык – единственный язык в мире, в котором слово "freedom" имеет два значения. В переводе на русский язык это звучит так: "свобода от..." и "свобода для...". У нас же на обыденном уровне понятие "свобода" ассоциируется с поведением, которое можно выразить словами: "что хочу, то и ворочу", т.е. с беспределом и анархией. Именно так понимает это слово обыватель, именно такую трактовку этого понятия можно услышать в курилках и в разговорах на кухнях, т.е. там, откуда берёт своё начало большая политика. Я бы даже сказал так: пока мы не наполним содержание этого понятия цивилизованным, европейским смыслом, мы будем находиться в том состоянии, в котором находимся сейчас.

На мой взгляд, вообще в мире существуют две-три исторические нации, которые продвигают весь остальной мир по пути прогресса и демократии. Во-первых, это французы, которые отстроили в начале XIX века Европу и, в первую очередь, Германию. Вообще, французы, видимо, единственный народ в мире, где философия вот уже на протяжении последних 150 лет преподаётся в школе в качестве основного предмета и где существует совершенно иной интеллектуальный климат.

Во-вторых, это американцы, которые уже в XX веке заново отстроили Японию и Германию. Сейчас эти страны являются процветающими демократическими государствами. Россияне же никогда не являлись исторической нацией и тем более ею не являются белорусы. Как это уже было в прошлом, Беларусь может создать себя "по образу и подобию" или своего более сильного восточного соседа, т.е. России, и тогда мы станем вновь Северо-Западным краем, или западных государств – например, по польской или югославской модели. Но в любом случае для Беларуси внешнее воздействие на процесс создания демократического общества будет иметь решающее значение.

Бобрович В.И.: Мне кажется, что у нас завязался достаточно интересный разговор и что мы говорим об одной и той же проблеме, только на разных этапах её развития. Если я правильно понимаю г-на Грицанова, то сегодня дело не столько в политической теории и знаниях, сколько в особенностях менталитета и политической культуры народа. В этом утверждении есть известная доля истины. Конечно, "идти в народ" с чистой теорией бессмысленно. Но я не могу полностью согласиться с этим подходом. Часто за ним стоит нежелание учиться западной политической науке, что, мол, она нам не подходит, что нам надо нечто своё, особенное. Поэтому мы должны сформулировать свое собственное видение и демократии, и свободы, и прав человека, и рынка. Вспомните, как пытались трактовать понятие "демократия" большевики. Есть, мол, буржуазная демократия, а есть наша – пролетарская, которая на порядок выше их "загнивающей" демократии. Точно так же сегодня поступают и идеологи, обслуживающие нынешний режим, да и сам президент. Дело доходит до предложений о написании своих собственных доморощенных учебников по политологии, социологии, которые не должны походить ни на какие другие и которые должны отражать уникальность и самобытность белорусского пути развития. Опасность подобного подхода я вижу в том, что в этом случае теряются объективные критерии для оценки как существующего режима, так и общественного развития в целом. Так можно договориться до того, что сегодня в Беларуси уже существуют демократия, рынок, свобода слова, вероисповедания и т.д. Конечно, каждая страна имеет свою специфику, то, что отличает её от других стран. Западная политическая культура тоже не представляет собой единого целого. Тем не менее, в основополагающих понятиях современной теории демократии есть нечто общее, универсальное, без чего демократия теряет свой смысл. Без кропотливой работы по политическому просвещению народа я вообще не представляю себе, как можно перейти к демократическому обществу. Мы должны преодолеть настроения воинствующего антиинтеллектуализма, которые распространились в настоящее время не только среди обывателей, но и части интеллигенции и номенклатуры. В противном случае люди ещё длительное время будут оставаться жертвами популизма и объектом политического манипулирования со стороны властей.

Я не отрицаю того, что, преподавая политическую науку, мы должны учитывать национальную специфику той или иной страны, и всё же необходимо определить основополагающие принципы демократии и рынка, иначе мы просто не поймём друг друга и будем вести разговор на разных языках. Как только мы сделаем это, можно будет перейти к изучению проблемы реализации этих принципов в той или иной стране. Пока же на протяжении последних десяти лет никаких сдвигов в этой области у нас не происходит. Тот, кто этого не видит, не может понять и смысла деятельности западных фондов в бывших посткоммунистических странах. Некоторым политикам кажется, что они впустую тратят деньги, пытаясь привить "чуждые" нашему народу ценности. По их мнению, эти средства можно было бы направить на реализацию других, более важных программ, например, социальных. Если наша интеллигенция не понимает важности политического образования, то сможет ли она повести за собой народ и можно ли в этом случае говорить о ней как элите?

Грицанов А.А.: Я всё же хотел бы вернуться к проблеме геополитического выбора в развитии Беларуси. Без этого нельзя адекватно оценить политические процессы, которые у нас происходят. Если белорусская номенклатура, а вместе с ней и народ выберут российский вектор развития, то мы окажемся на обочине европейской цивилизации. Лично я уверен, что к России еще длительное время будут неприложимы постулаты западной политической науки. Россия – это страна с другой системой ценностных координат. Философскую основу её развития составляет евразийство. Не случайно все попытки модернизации этой страны по западноевропейским моделям завершались крахом. Беларусь в этом плане – совершенно иное дело. У неё есть реальный шанс стать нормальной европейской страной подобно тому, как это произошло, например, с Польшей, Словакией или Чехией. Для этого нашей номенклатуре необходимо последовательно ориентироваться на Европу, выбрать западную модель развития и западную систему ценностей. И в этом плане еще не всё потеряно, несмотря на политику, которую проводит нынешний режим. Обратите внимание, что за гуманитарными знаниями наша молодёжь едет не в Москву, а в Европу, а ведь именно она через какое-то время будет оказывать решающее воздействие на выбор геополитического вектора развития страны. Лично меня это радует и обнадёживает.

Плиско М.К.: Я всё же не согласился бы с Вячеславом Ивановичем, что за последнее десятилетие у нас мало что изменилось в области политического образования. Определённые сдвиги произошли, и, на мой взгляд, весьма существенные. В начале 90-х гг. в стране в области гуманитарного образования, в том числе и политического, безраздельно господствовал вульгарный марксизм. Теперь у нас есть частные высшие учебные заведения, где студенты имеют возможность изучить последние достижения западной политологической, социологической, правовой и философской мысли. Белорусское общество стало более открытым, появились независимые СМИ и неправительственные общественные организации, в библиотеках не стало так называемых спецфондов, больше стало издаваться западной литературы по общественным наукам. Проводятся семинары, научные конференции по проблемам гражданского общества и рыночной экономики, а молодёжь, как здесь уже говорилось, имеет возможность уехать учиться в европейские страны. Появились наконец-то собственные ученые и преподаватели, не уступающие по квалификации своим западноевропейским коллегам. И особенно большой прогресс наблюдается среди активистов оппозиционных политических пар-

тий. Радует то, что подавляющее большинство из них разделяют и исповедуют, по крайней мере на словах, демократические ценности. Всего этого не было в начале 90-х гг. Другое дело, что пока эти количественные изменения не привели к качественным как в сфере политического образования, так и в массовом общественном сознании. Это могло бы произойти, но, к сожалению, существующий режим не проявляет в этом никакой заинтересованности. Наоборот, в укоренении западной системы ценностей он видит угрозу своему существованию. Отсюда и заявления президента о том, что он не поведёт свою страну за цивилизованным миром. Но, несмотря на эти заявления, белорусская номенклатура очень болезненно переживает изоляцию от Европы, невозможность туда беспрепятственно выезжать. Следует сказать, что десятилетие независимого развития привели к тому, что у нас наконец-то появился слой номенклатуры, который обладает навыками управления страной как самостоятельным государством. В конце 80-х годов трудно было представить себе белорусского чиновника, который бы действовал без оглядки на Москву.

Я согласен, мы не должны изобретать велосипед. Не может быть какой-то особой белорусской демократии – хватит, у нас уже была советская, но все же важно, чтобы на прилавках магазинов мы видели больше отечественных книг и учебников по обществоведческой проблематике, написанных именно белорусскими авторами и на основе белорусского материала. Наконец, у нас должны появиться своя собственная политологическая школа, собственный авторитетный политологический журнал и собственные традиции в сфере политического знания. Тогда мы станем интереснее своему читателю, нас больше будут уважать за пределами страны. Уверен, что без этого мы не станем нормальной демократической страной.

Бугрова И.И.: Я думаю, что пришла пора вспомнить, что мы европейская страна, что мы всегда жили и будем жить в Европе. Это воспоминание о Европе особенно важно для молодежи. Ведь во времена Великого Литовского княжества мы находились в контексте становления европейских демократических традиций. Мы не должны забывать о Статуте Великого Литовского княжества, передовом для тогдашней Европы своде норм права, действовавшем почти до середины XIX века. Ничего подобного в России тогда не было. Это должно облегчить нам усвоение демократических ценностей современной Европы. И, видимо, не случайно сегодня власть взялась за переписывание учебников по истории, в которых уже почти ничего не говорится о тех исторических, политических и культурных событиях, которые сближали нас с Европой. Я не берусь утверждать, являемся ли мы исторической нацией, но в одном я убеждена: какие бы тяготы ни выпадали на долю того или иного народа, он способен создать свое демократическое государство. Примером этому может служить маленькая Швейцария, которая, как и Беларусь, находилась в сфере интересов более могущественных соседей. Мы должны помнить, что просто так, без усилий и гражданской ответственности каждого, у нас не появятся демократия и рынок. Демократия – это процесс, и демократии надо учиться. Один американский судья очень удачно сказал, что демократия – это умение жить вместе, это образ жизни, где каждому предоставлена возможность свободы выбора.

В последнее время я с тревогой наблюдаю, как сокращается время, отводимое в учебных планах на изучение общественных наук, в том числе – политологии. Я думаю, что мы не должны этого допустить, тем более что, на мой взгляд, сегодня в обществе ощущается потребность в политических знаниях, люди хотят разобраться, что всё-таки с нами происходит и куда мы идём. Перед нами стоит задача восстановления первоначального неискажённого смысла понятий, характеризующих демократическое общество, мы должны вернуть им доброе имя.

Плиско М.К.: Я согласен с Ириной Ивановной, что демократия – это процесс, что демократии надо учиться и что без усвоения основных понятий, характерных для демократического общества, мы не сможем сдвинуться с мертвой точки. Но, на мой взгляд, теория не должна расходиться с практикой. Иногда мне кажется, что именно из-за этого и происходят наши беды. На словах никто из политиков не выступает против основных принципов демократии, но в жизни, в реальной политической деятельности они часто поступают совершенно по-другому, по-большевистски, и не только когда ведут борьбу со своими политическими противниками, но и во взаимоотношениях со своими коллегами по партии или общественной организации. Глядя на них, можно подумать, что они продолжают жить и работать в советское время. Возможно, в этом причина того, что они проигрывают в борьбе с существующим режимом, так как их методы борьбы часто похожи на те, которые власть применяет против них самих. Видимо, люди это ощущают и, не видя разницы между теми, кто находится у власти и кто к ней стремится, предпочитают не верить никому. С моей точки зрения, выражение "учиться демократии" включает в себя не только процесс усвоения политических знаний, но и умение организовывать свою жизнь и деятельность в соответствии с демократическими принципами. Теория не должна расходиться с практикой. Без этого настоящей демократии не бывает.

Бугрова И.И.: Действительно, многие политики продолжают недооценивать роль профессиональных политических знаний для своей практической деятельности. Они редко пользуются услугами экспертов, политологов и политтехнологов. Своё нежелание обращаться к специалистам они оправдывают тем обстоятельством, что, мол, и без них добились неплохих результатов, что доверяют только своей интуиции. Чаще всего подобное поведение – следствие старого принципа: я начальник, значит, я прав. Но это не единственная причина. Сохранению прежних стереотипов поведения способствует политическая ситуация, которая сложилась у нас в обществе. Оппозиция загнана в угол, она вынуждена занять круговую оборону, и это подталкивает её к применению таких же методов борьбы, какие использует против них правящий режим. Разорвать этот замкнутый круг, воспроизводящий авторитарный стиль поведения, очень трудно. Вот здесь бы политикам к месту пришлись помощь и консультации профессиональных политологов. Лидеры политических партий должны осознать, что возглавляемые ими организации только тогда смогут добиться успехов, когда в основу своей деятельности положат принципы открытости, прозрачности, сменяемости лидеров, состязательности, уважения к профессионализму и т.п. Принципы демократии универсальны, они предназначены не только для других, но и для самих себя.

Филипп К. ШМИТТЕР,
Терри Линн КАРЛ

ЧТО ЕСТЬ ДЕМОКРАТИЯ

Довольно долго слово "демократия" обращалось на политическом рынке как необеспеченная валюта. Самые разные политики наклеивали его как ярлык на свои взгляды и позиции. В отличие от них, исследователи старались не злоупотреблять этим неоднозначным понятием. Выдающийся теоретик американской политологии Роберт Даль (Robert Dahl) даже пытался ввести новый термин "полиархия", безуспешно стремясь достичь большей точности. Однако хорошо это или плохо, но "демократия" остается ключевым понятием в современной политике. Конкретизировав его значение, можно принести реальную пользу политическому анализу и политической практике. В настоящее время уже достигнуто соглашение относительно тех минимальных требований, соблюдение которых позволяет той или иной политической линии именоваться "демократической". Более того, за соблюдением этих условий следят теперь международные организации. Некоторые страны даже реально учитывают их при выработке своей политики.

Что есть демократия

Начнем с широкого определения демократии, с общих принципов, отличающих эту систему отношений между управляющими и управляемыми. Затем рассмотрим кратко процедуры, условия и мероприятия, необходимые для ее стабильного существования. Наконец, обсудим два дополнительных принципа, обеспечивающих функционирование демократической системы, которые намеренно не отнесены к общим принципам и формальным условиям, но без которых, однако, перспективы демократии становятся весьма туманными. Хотелось бы сразу заметить, что демократия не сводится к некоему единственно возможному набору институтов. Конкретная форма демократии в конкретной стране зависит от социально-экономических условий, от традиционной структуры государства и принятой политической практики.

Как и любая другая система, демократия зависит от носителей власти – людей, играющих особую роль в управлении и наделенных по закону распорядительной функцией. Нормы, определяющие легитимные способы прихода к власти и ответственность управляющих за свои решения, отличают демократическую систему от недемократической.

В общественной сфере действуют коллективные нормы и коллективный выбор, становящийся обязательным для общества и подкрепленный силой государства. При разных формах демократии сфера эта может быть больше или меньше, в зависимости от предшествовавшей системы отношений между частным и общественным, государством и обществом, правовым принуждением и волюнтаризмом, нуждами коллективов и индивидуальными предпочтениями. Либеральная концепция демократии максимально ограничивает общественную сферу, в то время как социалистический или социал-демократический подходы расширяют ее путем государственного регулирования, субсидий, а в ряде случаев – коллективного владения собственностью. Ни одна из этих разновидностей не является более демократичной, чем другая, – они попросту демократичны по-разному. Но в крайнем своем выражении обе могут подорвать демократию: первая – невозможностью удовлетворения коллективных потребностей и исполнения решений законной власти, вторая – отсутствием индивидуального выбора и контроля за незаконными действиями правительства.

Ключевой элемент демократии – полноправие граждан. Истории известны жесткие ограничения в правах, вводившиеся большинством ранних (или частичных) демократий по признакам возраста, пола, общественного статуса, расы, грамотности, владения собственностью, уплаты налогов и т. д. Право избирать и быть избранным распространялось на небольшую часть населения. Лишь некоторые социальные группы могли объединяться в общественные организации. Продолжительная борьба, доходившая порой до гражданских или межгосударственных войн, покончила с большинством этих ограничений. В отличие от ранних американских и европейских демократий XIX века, ни одно из недавно ставших на демократический путь государств Южной и Восточной Европы, Азии, Латинской Америки не пыталось установить формальных ограничений на право избирать и быть избранным. Впрочем, ситуация может сильно осложняться за счет неформальных ограничений гражданских прав.

Состязательность не всегда признавалась сущностным элементом демократии. В классических демократиях упор делался на прямое участие граждан в принятии решений, якобы обеспечивающее единство. Собранию граждан предстояло, выслушав различные предложения и взвесив их относительные достоинства и недостатки, избрать единый способ действий. Демократическому мышлению свойственна традиционная враждебность к фракционности и "особым интересам". Но, по крайней мере, с появлением "Федералист Пейперс" (The Federalist Papers) всеми было признано, что фракционность и соперничество есть неизбежный недостаток демократий – на уровне выше местного. Как утверждал Джеймс Мэдисон (James Madison), "корни фракционности лежат в человеческой природе", и если мы избавимся от "болезни фракционности", то последствия этого будут, возможно, хуже самой болезни. Поэтому следует, не отвергая фракционность, стараться по возможности контролировать ее проявления. Демократы признают, что фракции возникают неизбежно, но в то же время предлагают различные формы и методы регулирования межфракционной борьбы. Именно этими методами в основном и отличаются друг от друга разные подтипы демократий.

Расхожее определение демократии сводит ее к регулярным выборам, проводимым на честной основе при строгом подсчете голосов. Это заблуждение называют "электорализмом" – верой в то, что выборы сами по себе способны направить политическую активность в русло мирного соревнования между элитами и легитимно наделить победителей законодательной властью

от имени общества. При этом игнорируются как методика подсчета голосов, так и другие способы манипуляций или давления со стороны победителей выборов. Несмотря на то, что периодические выборы очень важны для демократической системы, они всего лишь позволяют гражданам отдать предпочтение одной из стратегий, предлагаемых политическими партиями. В период же между выборами граждане могут воздействовать на государственную политику посредством иных институтов: объединений по интересам, общественных движений, местных группировок, профессиональных союзов и т. д. Все эти формы являются составными частями демократической практики.

Другой общепризнанный показатель демократии – власть большинства. Всякий орган управления, принимающий решения относительным большинством голосов, демократичен – идет ли речь об избирательном округе, парламенте, комитете, городском совете или партийном собрании. В исключительных случаях (например, для внесения поправок в конституцию или исключения одного из членов) требуется квалифицированное большинство, то есть более чем 50 процентов голосов.

Однако и здесь возникает проблема. Что, если законно избранное большинство (особенно стабильное и самовоспроизводящееся) регулярно ущемляет своими решениями некое меньшинство (например, культурную или этническую группу)? В подобных случаях успешно действующие демократии обычно сочетают принцип власти большинства с защитой прав меньшинств. Это может реализовываться в форме конституционных оговорок, выводящих отдельные вопросы за пределы компетенции большинства (Билль о правах); в виде требований, предъявляемых в отдельных округах к доминирующему большинству (конфедерализм); в гарантиях автономии местных властей от центрального управления (федерализм); в коалиционных правительствах, включающих представителей всех партий (консенсуализм); или же путем переговоров между основными социальными группами и достижением общественных соглашений – например, между предпринимателями и наемными трудящимися (неокорпоративизм). Самую же эффективную защиту меньшинств осуществляют многочисленные объединения по интересам и общественные движения. Эти структуры отражают – а иногда и порождают – различные гражданские ориентации, тем самым воздействуя на демократически избранных представителей власти.

Демократические свободы должны также способствовать развитию коллективного сознания граждан, пониманию ими общих нужд и принятию решений – без расчета на каких-то властителей. Классическая демократия уделяла этим процессам особое внимание, но они происходят и теперь, хотя современные теоретики проводят аналогию между политической жизнью и рынком, видя смысл всех демократических процедур в достижении максимального успеха в конкуренции. Носители разнообразных социальных статусов и интересов, оставаясь независимыми от государства, а может быть, и от партий, не только ограничивают произвол власти, но и формируют то, что в современных политологических исследованиях именуется "гражданским обществом", новый, лучший тип граждан – более информированный, более социальный по складу сознания, готовый на жертвы ради общего блага. В идеале гражданское общество создает промежуточный уровень управления между индивидуумом и государством. Оно способно разрешать конфликты и контролировать поведение граждан, не обращаясь к механизмам общественного принуждения. Вместо того чтобы забрасывать ответственных лиц все новыми требованиями и тем самым делать систему неэффективной, жизнеспособное гражданское общество смягчает конфликты и улучшает социальный климат – и при этом опирается не только на законы рынка.

Прямо или опосредованно избираемые представители выполняют в современных демократических обществах бульшую часть реальной политической работы. Большинство из них – профессиональные политики, настроенные на занятие видных государственных постов. Сомнительно, чтобы какая-либо из демократий могла действовать без таких профессионалов. Вопрос заключается не в том, будет ли существовать политическая элита – или даже класс профессиональных политиков, – а в том, как избираются эти представители граждан и как они отвечают за свои действия.

Одновременно с этим за счет роста структур управления (происходящего в значительной мере под влиянием общественных требований) увеличилась численность и упрочилась власть государственных деятелей, принимающих важные для общества решения, но не избираемых публично. Вокруг упомянутых структур возник обширный аппарат советников, подбираемых преимущественно по профессиональному, а не по территориальному признаку. Такие организации, в отличие от политических партий, стали основными представителями гражданского общества в наиболее стабильных демократических странах. Несколько реже проявляют себя в этом качестве общественные движения.

Процедуры обеспечения демократии

Принципы демократии абстрактны и могут давать начало разнообразным институтам и подтипам. Однако для демократического развития необходимо соблюдение определенных процедурных норм и уважение гражданских прав. Всякое неправовое общество – общество, не ограничивающее себя подобными нормами, не соблюдающее таких процедур, – не может быть признано демократическим.

Роберт Даль назвал следующие условия, необходимые для существования современной политической демократии (или, по Далю, "полиархии"):

1. Контроль за решениями правительства конституция возлагает на выборных официальных лиц.

2. Эти официальные лица периодически избираются в ходе честно проводимых выборов, исключающих по возможности всякое принуждение.

3. Практически все взрослое население имеет право выбирать официальных лиц.

4. Практически все взрослое население имеет право претендовать на выборные должности.

5. Граждане имеют право выражать свое мнение, не опасаясь серьезного преследования по политическим мотивам.

6. Граждане имеют право получать информацию из альтернативных источников. Альтернативные источники информации находятся под защитой закона.

7. Граждане имеют право создавать относительно независимые ассоциации и организации, включая политические партии и группировки по интересам.

Для большинства теоретиков эти семь условий исчерпывают всю сущность демократии, однако мы предлагаем добавить еще два.

8. Избранные народом официальные лица должны иметь возможность осуществлять свои конституционные полномочия, не подвергаясь противодействию (даже неформальному) со стороны невыборных официальных лиц. Демократия оказывается в опасности, если военные либо сотрудники государственных учреждений или предприятий имеют возможность действовать независимо от выборных руководителей и тем более накладывать вето на решения народных избранников.

9. Государство должно быть суверенным и действовать независимо от политических систем более высокого уровня. Даль и другие современные теоретики, очевидно, считали это условие само собой разумеющимся, поскольку вели речь о формально независимых национальных государствах. Однако после раздела сфер влияния, заключения множества неоколониальных соглашений, возникновения союзов и блоков проблема автономии стала достаточно серьезной. По-настоящему ли демократична система, если выборные руководители не способны принять обязательные для всех решения без утверждения их извне? Этот вопрос весьма существен, даже если внешнее воздействие исходит от государства с демократической конституцией, а внутренние власти способны в той или иной мере противостоять ему (как в случае с Пуэрто-Рико). В противоположном же случае, как, например, в республиках Прибалтики [1], он оказывается принципиальным.

Принципы, обеспечивающие функционирование демократической системы

Перечисление условий и процедурных норм позволяет определить, что такое демократия. Но оно ничего не говорит о том, как реально функционирует демократическая система правления. Простейший ответ: "Согласно воле народа". Более сложный: "Согласно коллективной воле политиков, действующих в условиях ограниченной неопределенности".

В демократическом обществе представительная власть должна хотя бы неформально постановить, что группа, победившая на выборах или добившаяся большего политического влияния, не станет использовать свое временное превосходство для того, чтобы в будущем отстранять проигравших от выборных постов и блокировать их влияние. Проигравшие же, сохраняя возможность конкурировать, будут уважать право победителей выносить обязательные решения. Граждане подчиняются решениям, вырабатываемым в ходе соперничества, если результат соответствует их коллективной воле, периодически выражаемой на честных выборах либо на открытых и регулярных переговорах.

Проблема заключается не столько в определении целей, которые обеспечили бы широкое единство в обществе, сколько в выработке правил, устраивающих всех. Конкретная форма этого "демократического торга" (выражение Даля) может сильно различаться в разных странах. Она зависит от социального деления и от таких субъективных факторов, как взаимное доверие, кодекс чести, готовность идти на компромисс. Подобное соглашение может даже предусматривать значительные разногласия по существенным вопросам политики.

Любой демократический режим предполагает некоторую непредсказуемость: неизвестно, кто победит на следующих выборах и чья политика будет реализовываться. Даже в обществах, где постоянно побеждает одна и та же партия или проводится однонаправленная политика, существует возможность изменений в результате независимых коллективных действий – например, в Италии, Японии, скандинавских странах. Если такой возможности нет, система не является демократической – как в Мексике, Сенегале или Индонезии.

Эта характерная для всех демократических систем неопределенность существует лишь в определенных пределах. Включиться в политическое соревнование может не каждый: есть правила, которые необходимо уважать. Не всякая политика может проводиться – должны соблюдаться необходимые условия. Допустимый при этом разброс в разных странах неодинаков. Частично он определяется конституционными гарантиями прав собственности, личных свобод, возможности самовыражения. Однако по большей части эти ограничения выявляются в ходе соперничества между группами и партиями и в процессе гражданского взаимодействия. Что бы ни говорилось после того, как будет достигнуто согласие по поводу правил, установленных коллективной волей (а в некоторых странах гражданам предлагаются весьма радикальные преобразования), реальный разброс позиций должен оставаться в предсказуемых и общеприемлемых пределах.

Заметим, что предложенные нами принципы основаны на здравом смысле, а не на укоренившихся традициях терпимости, умеренности, взаимоуважения, "честной игры", готовности к компромиссам или доверия к руководителям. Мы уверены, что коллективная воля и ограниченная неопределенность могут возникнуть из взаимодействия антагонистичных и относящихся друг к другу с подозрением общественных субъектов – в то время как нормы гражданской культуры скорее должны восприниматься как следствие демократии, чем как ее источник.

Чем демократия не является

Мы попытались передать общий смысл современной демократии без упоминания конкретных правил и организационных структур, не сводя ее к определенной культуре или уровню развития. Мы считаем, что демократия не определяется регулярным проведением выборов и не отождествляется с некоей особой ролью государства. В то же время мы мало сказали о том, чем демократия не является, на что она не способна.

Очень соблазнительно представить себе быстрое решение на демократическом пути всех политических, социальных, экономических, административных и культурных проблем. Желание это вполне объяснимо. Но увы, – как говорится, хорошего понемногу.

Во-первых, экономически демократия не всегда эффективнее других форм правления. Темпы роста экономики в целом, сбережений и капиталовложений в демократических странах не обязательно будут выше, чем в недемократических. Особенно вероятно это в переходный период, когда собственники и административная элита могут реагировать на реальную или воображаемую авторитарную угрозу, вывозя или омертвляя капитал, устраивая саботаж. Со временем (в зависимости от типа демократии) благоприятные тенденции распределения доходов, рост общего спроса и уровня образования, увеличение производительности труда, развитие творческой активности могут, объединившись, улучшить экономическую и соци-

альную обстановку. Но, конечно же, наивно ожидать немедленных изменений. Еще менее вероятно, что такие благоприятные черты будут определяющими в процессе демократизации.

Во-вторых, демократические режимы не обязательно эффективны в административном плане. Решения могут приниматься и менее оперативно, чем при других режимах, приходится считаться с большим числом участников общественной жизни. Стоимость реального результата возрастает уже потому, что необходимо "стимулировать" большее число изобретательных чиновников (хотя не следует приуменьшать масштабы коррупции в автократиях). Народ не всегда поддерживает новое демократическое правительство, поскольку неизбежные компромиссы полностью не удовлетворяют никого, а проигравшие свободны в выражении своего недовольства.

В-третьих, демократические режимы навряд ли окажутся более упорядоченными, едиными, стабильными и управляемыми, чем их автократические предшественники. Отчасти это плата за демократические свободы, с другой стороны – отражение недовольства новыми правилами и государственными структурами. Поначалу результаты временного компромисса двух режимов весьма противоречивы и непредсказуемы – пока общество не адаптируется к ним. Более того, эти результаты возникают как следствие серьезной борьбы, мотивированной высокими идеалами. Лица и группы, недавно обретшие автономию, отрицают определенные правила, протестуют против тех или иных действий государственных структур, настаивают на укрупнении своей доли в "демократическом торге". Поэтому присутствие антидемократических партий неудивительно и не должно восприниматься как провал демократической консолидации. Важно заставить такие партии, пусть без энтузиазма, придерживаться общих правил ограниченной неопределенности и коллективной воли.

Проблема управляемости стоит не только перед демократическими, но и перед всеми режимами. Если учесть политическую изношенность и правовое падение, приведшие к краху автократические государства от султанистического Парагвая до тоталитарной Албании, может показаться, что только демократии способны управлять эффективно и законно. Однако по опыту известно, что демократии также могут утрачивать управленческую дееспособность. Широкая общественность, бывает, разочаровывается в демократическом руководстве. Еще большую угрозу несут попытки руководителей жонглировать процедурами, подрывая в конечном счете принципы коллективной воли и ограниченной неопределенности. Критический момент может наступить, когда политики начинают осваиваться в более предсказуемых ролях, в отношениях зрелой демократии. Многие обнаруживают крушение своих ожиданий; некоторые понимают невыгодность своей позиции в новых условиях; другие могут увидеть угрозу своим интересам со стороны народного большинства.

Наконец, демократические режимы создают по сравнению с автократическими более открытые общества, что не обязательно подразумевает, однако, более открытую экономику. Многие из ведущих демократических стран пришли к протекционизму и закрытию границ, в значительной мере опираясь на общественные структуры в стимулировании экономического развития. Демократия и капитализм, несомненно, совместимы, несмотря на то, что между ними до сих пор продолжается борьба. Неясно, однако, укрепляет ли демократию утверждение таких либеральных экономических принципов, как право граждан владеть собственностью и присваивать доходы, рынок, разрешение конфликтов в частном порядке, освобождение производства от государственного регулирования, приватизация государственных предприятий. Демократические государства нуждаются во взимании налогов и контроле за заключением отдельных сделок, особенно при существовании частных монополий. Возможно, граждане и их представители предпочтут защищать права коллективов от посягательств со стороны состоятельных частных лиц. В этом случае они могут выделить отдельные виды имущества в общественную и коллективную собственность. Словом, экономическая свобода, пропагандируемая современными неолиберальными теоретиками, не является синонимом свободы политической и может даже подрывать последнюю.

Демократизация не обязательно принесет с собой экономический рост, социальный мир, эффективное управление, политическую гармонию, свободный рынок или "конец идеологии". Менее всего она приведет к "концу истории". Несомненно, некоторые из этих факторов способствуют укреплению демократии, однако они не являются ни ее предпосылками, ни непосредственными результатами. Но мы должны рассчитывать на зарождение политических структур, мирно конкурирующих, формирующих правительства и воздействующих на общественную политику; способных решать социальные и экономические конфликты посредством установленных процедур. Такие структуры, органично связанные с гражданским обществом, будут побуждать своих избирателей к коллективным действиям. Некоторые демократии, особенно в развивающихся странах, не оправдали подобных ожиданий. В то же время большое преимущество демократии заключается в том, что такой режим, единожды установившись, не только способен к самовоспроизводству в рамках начальных условий, но и в перспективе перерастает эти условия. В отличие от автократий, демократии способны изменять свои законы и организационные структуры под воздействием меняющихся обстоятельств. Возможно, они не сразу добиваются всего перечисленного выше, но на этом пути у них гораздо больше шансов на успех, чем у автократических режимов.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Напомним, что речь идет о ситуации, существовавшей к моменту публикации статьи в "Journal of Democracy" (середина 1991 г.) – Прим. ред.

Сокращенный вариант. Первоначально статья "Что есть демократия" была опубликована в "Journal of Democracy", Summer 1991, Volume 2, Number 3, p. 75-88

http://www.russ.ru/journal/predely/97-08-14/shmitter.htm

Роман РЕДЛИХ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ВЧЕРА

Либерализм

Понятие "либерализм" сплошь и рядом употребляется для обозначения характера как отдельного человека, так и сообщества. Оно содержит в себе, прежде всего, черты благодушия, уважения к свободе и миролюбия, но также и черты лености, равнодушия и вытекающей из него уступчивости и желания договориться по-хорошему. Латинское слово "liber" значит "свободный". В политической жизни, казалось бы, свобода и есть первоценность либерализма. Однако это не так. Его первоценность – мир. Говорю это, забегая вперед. О демократии скажу позже.

Либеральные настроения существовали, конечно, всегда и везде, но четкой политической идеологией либерализм сделался только в Англии, начиная с XVII века, где и положил начало капитализму. И тут проявились в нем две связанные между собой задачи. Это, с одной стороны, расширение свободы личности, с другой – ограничение полномочий государственной власти. Обе входят в любую либералистическую программу, но отличаются в оценках значения властвующих сил и прав человека в окружающем его мире.

Расскажу, однако, сначала о двух широко распространенных в XVII и XVIII веках и развенчанных в XIX веке мифах. Это была доработка существовавших уже в греко-римское время, но не до конца продуманных представлений. Я имею в виду а) идею так называемого "общественного договора" и б) понятие естественного права и обязанностей человека.

Общественный договор

Понятие естественного права – jus naturalis – существовало уже в древнем мире, но разъяснением его вплотную занялся Томас Гоббс в трактате о государстве, выпущенном в 1651 году под названием "Левиафан". Думая о жизни догосударственного общества, Гоббс полагает, что жизнь еще дикого человека была "одинока, бедна, жестока и коротка", ибо в ней шла "война всех против всех". И вот, научившись разумно мыслить, люди согласились объединиться и нашли выход из хаоса, подчинившись монарху и передав ему власть над обществом. Они видели в этом разумный выход из дикой жизни, "лишенной порядка, мира и права". Созданное монархом государство стоит у Гоббса над личностью и обществом и служит охране мира и благоденствия его подданных. Если же государству не удается сохранить внутренний мир, подданные могут отвергнуть общественный договор и выступить против него.

У нас на Руси такой "общественный договор" описан в Несторовой летописи, в приглашении варягов на Русь, словами: "Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите владеть и править нами".

Разумеется, дело историков доияснить, какие факты и домыслы лежат в основе этой записи. Это очень важно, но для нас в данном контексте согласие славян объединиться в едином государстве отмечено как договорное соглашение, которое Гоббс, а затем и Локк и Руссо назовут "общественным договором". А идея "общественного договора" станет мифологической основой представлений о государстве европейских мыслителей XVII и XVIII веков. И только к середине XIX века наука установит, что семья, а за ней род и племя образовались безо всякого договора, и что только наивный читатель, читая заглавие прославленной книги Руссо "Общественный договор", готов был представить себе, будто люди в один прекрасный день перестали быть дикарями и путем разумных переговоров договорились об условиях совместной жизни, чуть ли не скрепив этот договор торжественной клятвой.

Как Гоббс, так и Локк и Руссо понимали, конечно, что общественный договор сделался как-то иначе. Люди просто со временем стали разумней и научились договариваться между собой и жить дружно, соблюдая естественные правила общения, из которых и выросла государственная власть.

Думается, что и сам Руссо, выписывая заглавие своей книги "Общественный договор", не понимал эти слова буквально. С зарождением и развитием общих целей и интересов само собой сложилось общественное согласие, потеснившее так выразительно описанный Гоббсом стихийный хаос догосударственной жизни как "войны всех против всех". Можно ли назвать это согласие "общественным договором", указывая на наличие в нем естественной внутриродовой солидарности, судите сами. Но так или иначе отвергнутое теперь наукой понятие "общественного договора" содержало в себе существенный момент правды, силой которого согласие на определенные правила совместной жизни стало основой любой государственной власти, в том числе и современной демократии.

Развитие либеральной демократии, однако, нужно начинать не с Гоббса. Гоббс не был демократом; он был монархистом. И основы современной либеральной идеологии удалось изложить только Джону Локку, который в 1690 году в своих "Двух трактатах о государственном правлении" утверждал, что человек от рождения обладает неотчуждаемыми естественными правами на жизнь, свободу и собственность, и что естественное право предшествует любым отношениям общества со своим правителем и ограничивает власть последнего.

Государство, по мнению Локка, всего лишь инструмент для реализации воли общества. Согласно Локку, государству поручена, прежде всего, защита прав личности. Задача государства обеспечить гражданам возможность пользоваться своими правами и только для этого исполнять налагаемые на них запреты и обязанности.

Нет сомнений, что позиция Локка выражает идеологию начинающего в XVII веке набирать силу позитивистского либерализма.

Вслед за Локком идею общественного договора существенно изменил гораздо шире известный у нас французский политический мыслитель Жан-Жак Руссо. Руссо не случайно дал в 1762 году своей книге заглавие "Общественный договор". У него, соглашаясь на договор, люди делегируют свои права суверенному народу, образуя его "общую волю", которой он предлагает признать волю большинства. Для Руссо возникающее посредством общественного договора общество стано-

вится "морально совокупным телом", своего рода "общественным человеком" и приобретает жизнь и волю, которую не следует отождествлять с эмпирической волей отдельных индивидов. В обществе "каждый член превращается в нераздельную часть целого"; из "естественного индивида" становится "моральным гражданином", мораль которого и сама становится продуктом общей воли. Тех же, кто не соглашается принять ее, общество может и должно заставить подчиниться.

Можно ли считать Руссо либералом? Конечно, нет! Вдохновленная его мыслями Великая французская революция провозглашала свободу, но была лишь освобождением от произвола королей, на смену которому звала произвол "совокупного тела государства" "моральных граждан". Не буду описывать, что из этого получилось. Мы, русские, сами это еще раз попробовали.

Либералом был Локк, который считал важнейшей задачей упорядочение и ограничение государственной власти, понимаемой как власть закона, противостоящего произволу. Классическим стало в этом плане вышедшее в 1748 году сочинение Шарля Луи Монтескье "О духе законов", с его разделением властей, при котором "власть ограничивает власть", считая потому единственной задачей государства исполнение и охрану законов. Государство стали тогда, не без юмора, называть "ночным сторожем".

Этот "ночной сторож" должен был, в частности, сторожить и неограниченное право собственности как фундамент экономической свободы, иначе говоря, "классического капитализма", а либеральное понимание политической свободы заставило его ограничиться идеалом юридического равенства. Классический либерализм с его первоценностью свободы распахнул, таким образом, дверь идее либеральной демократии.

Демократия

Равенство в свободе объединило либералов с демократами, выработавшими технические правила уловления воли народа, хоть с самого начала было ясно, что из равенства прав всех граждан на выборах не вытекает ни социальное, ни экономическое равенство. Юридическое равенство в свободе, за которое ратовали либералы, легло в основу так называемого "Манчестерского капитализма" с его "laissez faire", "делать, как знаешь", т.е. с позволения производить любой товар и продавать его по цене, диктуемой спросом и предложением, как это изложено в 1776 году Адамом Смитом в его "Исследовании природы и причин богатства народов".

Выход либерализма во главу прогрессивной политической мысли привел к появлению целого ряда либеральных партий и поставил перед ними задачу снятия сословных перегородок. Либералы оказались союзниками не только капитализма, но и демократии с ее требованием равноправных всеобщих выборов.

Всеобщие выборы, в которых поголовно все граждане получают право голоса, – важнейшее требование демократии. В идеале голосование должно было бы производиться общим собранием всех голосующих, как это с незапамятных времен происходило и происходит для принятия конкретных общеобязательных решений в не слишком больших и отнюдь не обязательно политических сообществах.

Само собой понятно, однако, что такая "прямая демократия" даже в маленьких государствах практически неосуществима и ее приходится заменять выбором представителей, уполномоченных принимать как разовые конкретные, так и долгосрочные принципиальные решения.

Реально существующие политические демократии характеризуются поэтому признанием народа сувереном, т.е. высшей инстанцией государственной власти, построенной на равенстве прав всех граждан и выборности управляющих органов государства. Принятие же общеобязательных решений осуществляется в процессе обсуждения и голосования в собрании представителей народа, которое называется парламентом или как-нибудь иначе. Реально существующие демократии суть таким образом виды конкурентной, репрезентативной демократии.

В разное время, в разных местах эти правила исполняются заведомо несовершенно. Их везде приходится видоизменять по требованиям обстановки и считаться с изменениями настроений как среди голосующих граждан, так и в самом парламенте. Регулирование политической жизни по действующим правилам – единственная цель демократии. Никаких других целей у нее нет. Сама по себе она лишь организационный принцип, и при всех ее формах решение вопроса сводится к голосованию, в итоге которого "общей волей" объявляется воля большинства. Это принятое раз и навсегда фундаментальное правило.

Голосование – душа игры в народоправство. Борьба за голоса – это главное поле игры, призванной, как и другие игры, подменить собой увлекательнейшую борьбу за отнюдь не шуточный приз – государственную власть, утвержденную таким образом суверенным решением проголосовавшего за нее народа.

Выигравшие – это большинство, проигравшие – меньшинство, обязанное платить по проигрышу, т.е. подчиняться решениям большинства.

Таков принцип голосования. И факт, что на практике в нем участвуют не только две, а сколько угодно партий, приводит к распределению разыгрываемого драгоценнейшего приза власти соответственно полученным голосам, права на управление государством. Роль властвующего большинства достается одной определенной партии только тогда, когда она получила больше половины всех отданных выборщиками именно ей голосов. Если так не случилось, самая сильная партия вынуждена поделиться властью и войти в коалицию с кем-либо из проигравших партий, принять ее в состав большинства и допустить к соучастию в управлении страной.

Входить в подробности реальной работы демократии мы здесь не можем. Описать все варианты и роль в них политических партий не хватило бы и целой книги. Ее фундаментом, несмотря на все ее изменения, всегда была и останется власть большинства со всем связанным с нею риском.

Предел власти большинства

Сам основатель демократии в древних Афинах Перикл из предыдущего опыта знал ее основное противоречие. Как записал в своей "Истории" Фукидид, он сказал о созданном им политическом строе: "Называется этот строй демократическим потому, что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве граждан; по отношению же к частным интересам законы наши представляют равноправие для всех". Будучи реалистом, Перикл понимал, что на выборах народ проявляет себя всего лишь как источник власти, а получаемая большинством власть таит в себе опасность возрождения

тирании. Защиту же от нее он видел в "наших законах", под которыми понимал естественное право, силой своей неотменяемости ограничивающее всякую власть.

Периклова демократия как факт просуществовала недолго, но понятие естественного права сохранилось в римском обозначении "jus naturalis" и оказалось очень долговечным. В разных контекстах это понятие снова употребляется и сегодня как средство ограничения власти большинства. Меньшинство же сохраняет право думать по-своему, не покоряясь мнению большинства. Меньшинство не участвует в правлении и, разумеется, жестко критикует его. Оно составляет оппозицию и, распространяя свои взгляды, старается приобрести себе на следующих выборах желанное большинство голосов и перенять власть из рук соперников как законный плод решения народа.

Теоретически это очень привлекательно. Но не забудем, что меньшинство само по себе безвластно и большинство терпит его, только подчиняясь естественному праву на свободу выражения своих мнений.

Властвующие лица, потерявшие свою опору на большинство, как правило, не склонны так просто, с любезным поклоном, расстаться с властью. Последствия нетрудно себе представить.

Естественное право

Уважение к меньшинству, на мой взгляд, важнейший вклад сросшегося с демократией современного либерализма, работающего, однако, лишь там, где демократия безоговорочно подчинена естественному праву на свободу.

Отметим для ясности, что понятие естественных прав толкуется разными авторами по-разному и в разных формулировках вводится в позитивное право. Бесспорны они только у Локка, который называет из них только три – на "жизнь", "свободу" и "собственность". В "Кратком словаре основ политологии", изданном в Москве в 1993 году, они рассматриваются в разделе "Права человека" (стр. 108), где правильно указано, что "они присущи каждому человеку от рождения и действуют независимо от их конституционно-правового закрепления и государственных границ".

Под названием "прав человека" они толкуются, однако, недопустимо расширительно, отражая не только jus naturalis, но и многие позитивные права, как, например, "достойные условия существования", "право на труд" и т.п. Введенное в XX веке понятие "прав человека" не следует поэтому смешивать с естественным правом.

Требования естественного права не голосуются по той простой причине, что они решены Господом Богом, или – если вы в Него не верите – природой, или давно забытыми нашими предками. Правда их очевидна, потому что они суть аксиомы этики, утверждаемые не законом, а совестью, над которой ни народ, ни государство, а подавно ни большинство, ни меньшинство не властны. А без естественных прав нет ни правоспособного человека, ни общества, ни власти, достойной управлять им.

В Новое время, в XVIII и XIX веке, демократические начала все больше теснили монархию с ее верой в Промысел Божий. Вместо него все шире распространялась вера в науку. Разумеется, не сама наука, а слепая вера в нее подстрекнула человеческий ум не верить ничему не доказанному и без труда вела к религиозному неверию и убеждению, что естественные права – такое же создание человека, как и законы позитивного законодательства.

С появлением и утверждением воли большинства были, таким образом, сняты ограничения, которые могли быть наложены на неё законодательной властью. Исчезло различие между естественными правами человека и позитивными законами.

Потеряв связь со своим духовным источником, понятие естественного права перестало быть само собой разумеющимся, и известное утверждение Маркса, будто право есть "возведенная в закон воля господствующего класса" позволила коммунистам отвергнуть любые якобы буржуазные правоположения и руководствоваться своим якобы безошибочным "классовым чутьем", подсказывающим, как поступить с врагами пролетариата. О каких-то "естественных правах" врагов на жизнь, свободу и собственность могло говорить только заведомо буржуазное право, которое нужно было искоренить вместе с его носителями. Большевики принялись за это сразу же, как захватили власть.

Нужно ли еще говорить, что классовое чутье пролетариата формируется в его авангарде, а в конечном счете, в решающих фигурах его дежурного вождя и тирана, сначала Ленина, а за ним Сталина.

Позволю себе напомнить, что вопрос, жить или не жить человеку и позволить или не позволить ему пользоваться свободой и иметь собственность, был точно так же поставлен уже во время французской революции 1789 года и решался с помощью гильотины. Добродетель тогдашнего "морального гражданина" считалась продуктом общества, а противостоящее ей укорененное в естественном праве начало свободы и терпимости защищали противники гильотины – консерваторы.

Власть демократического большинства велика, но она ограничена естественным правом, отречение от которого неизменно ведет к бесправию. Пока люди верили в Бога, естественные права принимались за богоданные и на языке веры выражались в форме заповедей, а на языке права были названы "jus naturalis". Их считали неотменимыми правилами общественной жизни, не зависящими от их юридического оформления. Источник их видели в самой структуре мира. Иначе говоря, они возникли вместе с человеком. И самому Периклу, создателю демократии, было ясно, что победившее большинство не смеет нарушать этих прав и обязано принимать их как "наши законы". Великий острослов и скептик Франсуа Вольтер в своем XVIII веке недаром сказал полушутя: "Если бы Бога не было, пришлось бы Его придумать". Он, по-видимому, не очень крепко верил, но понимал, что без Высшей Силы не обойдешься, и только наши доморощенные вольтерьянцы, "потеряв своего Бога", как пишет Ключевский, "не просто уходили из Его храма, но норовили перед уходом набуянить, все перебить, все перепачкать". И отменить веру в Бога, разумеется.

В течение XIX века идея либеральной демократии окончательно овладела умами. Ее сторонники повсюду строили свои парламенты. Монархическая форма правления рухнула, однако, только в результате мировой войны 1914-1918 гг. XX век стал веком победы идейной либеральной демократии. Либерально-демократическое правление считается сегодня наилучшей возможной формой государственности.

"Посев", январь-февраль 1998, №1-2, (1444-1445)
Печатается с разрешения редакции журнала

Ежи МАЧКУВ,
dr. habil., доцент Европейского
университета Виадрина (Франкфурт-на-Одере)

ДЕМОКРАТИЯ, АВТОРИТАРИЗМ, ТОТАЛИТАРИЗМ – УСТАРЕЛА ЛИ ЭТА ТРИАДА В УЧЕНИИ О ФОРМАХ ПРАВЛЕНИЯ?

Расплывчатость понятий

В последние годы в учение о формах правления вводятся новые понятия, которые должны дополнить, а впоследствии и заменить господствующую до сих пор классическую триаду: демократия, авторитаризм и тоталитаризм. Если раньше политические системы, которые трудно было назвать демократиями, относили к авторитарному либо тоталитарному типу, то сегодня все чаще говорится о "делегированных" демократиях, "дефективных" демократиях или "гибридных" системах и, соответственно, режимах [1]. Такое важное, имеющее серьезные последствия изменение понятий вызвано трансформацией политических систем, начавшейся в последнее десятилетие XX в. Иногда наше время даже называют "эрой трансформации" [2]. Создается впечатление, что некоторые политологи хотят объявить "час икс" для учений о политических режимах: то, что считалось важным в научных спорах до 1989 г., не должно быть таковым и далее, так как стало далеким прошлым. Мир коренным образом изменился, и теперь самое главное для исследователя – регистрировать и анализировать эти изменения.

Основной предпосылкой для формирования новых понятий стало то, что с конца 80-х годов уже невозможно с помощью упомянутой триады объяснить перемену многочисленных политических систем. Эта характерная для современности перемена должна уже совсем скоро привести к качественно новой политической и социальной действительности, которая отбросит старые понятия – так же, как и мы окончательно покинули эру, когда ссылки на эти термины аналитически были еще плодотворны. Возникает вопрос: в чем суть этой перемены и этого нового качества?

Удивительно, что только один автор – Фрэнсис Фукуяма – решился на констатацию того факта, что с падением социализма началась качественно новая эра в истории человечества. Он сделал это в своем популярном эссе *"The End of History"* [3], резонанс от которого побудил его в 1992 г. написать на эту тему целую книгу – *"The End of History and The Last Man"* [4]. Фукуяма писал, что после падения тоталитарных режимов двадцатого столетия либеральная демократия не имеет ни сильных конкурентов, ни внутренних проблем, которые могли бы уничтожать ее как политический режим. При явной склонности к Гегелю и его линейной концепции "истории, развивающейся к лучшему", Фукуяма утверждает, что либеральная демократия решает основную проблему человеческой истории – удовлетворить все потребности человека – и в этом отношении означает "конец истории".

При всей уязвимости этих тезисов – линейную концепцию прогресса при желании можно принять за современный обскурантизм [5] – очевидно, что фактически Фукуяма создал логичную и самодостаточную концепцию, которая констатирует появление качественно новых видов развития человеческого сообщества и не в последнюю очередь именно в политической сфере. Характерно, однако, что американский автор не видит необходимости формулировать новые термины, чтобы понять эту общественно-политическую перемену. В описании наблюдаемой эволюции государств, до сих пор управляемых "жесткой рукой", он опирается, скорее, на наследуемый понятийный инструментарий учения о политических режимах – упомянутую выше триаду. В соответствии с этим авторитаризм превращается в демократию, а посттоталитарные государства – в авторитарные, если не вообще в демократические [6].

Итак, с одной стороны, вводятся новые понятия в учение о формах правления, с другой – приводятся доказательства того, что с конца 80-х годов изменение многих современных политических систем фактически оправдывает появление новых категорий в учении о формах правления. Правомерно ли утверждение, что классические понятия более не способствуют пониманию процессов, происходящих в переходных и трансформирующихся обществах?

Поставим вопрос по-другому: принадлежат ли новые политические системы к авторитарному либо демократическому типу или они вообще никогда ранее не существовали?

Классическая триада: определения

Начиная с 1975 г. в литературе чаще всего используется предложенное Линцем определение авторитаризма, включающее следующие признаки: традиционализм, ограниченный политический плюрализм и политическая апатия населения [7]. В этом отношении его нужно отличать от тоталитаризма: общественно-политической системы, в которой правящая партия стремится реализовать принципы тоталитарной идеологии, т. е. по возможности контролировать все сферы деятельности общества и управлять ими [8]. Определение "авторитарный" относится, следовательно, к режиму (а значит, и к политической системе или государству), в то время как слово "тоталитарный" характеризует всю общественную систему (соответственно, общественный порядок) [9].

Несмотря на разнообразие принятых в литературе толкований понятия "демократия" (плюралистическая, либеральная, представительная, свободная), определим ее как политическую систему, которая должна обеспечивать по возможности полное представительство народа под гарантией конституционного и правового государства, а также принципы политического равенства и политической конкуренции. Впрочем, независимо от количества определений вопрос о том, что такое демократия, обычно не перерастает в вопрос, существует ли демократия вообще.

С тоталитаризмом долгое время дело обстояло иначе. В течение десятилетий понятие тоталитаризма было спорным в социальных науках. Многие политологи (и не в последнюю очередь в Германии) снова и снова упрекали его в том, что это понятие используется для сравнения "лучших" недемократических систем (социалистических) с "худшими" недемократическими системами (фашистскими, национал-социалистскими). Понятие тоталитаризма всегда определялось как устаревшее теми интеллектуалами на Западе, которые пропагандировали концепцию "желательного" (каким хотелось бы его видеть) социализма, который являлся системой специфической демократии и общественной модернизации. Такая концепция была не нужна для аналитических целей – многих, если не большинство этих интеллектуалов совершенно не интересовало истинное состояние социалистических обществ. Скорее, это была система отношений, с помощью которой они могли упражняться в принципиальной критике "социальной несправедливости капитализма".

Характерно, что, как только в начале 90-х годов социализм окончательно проиграл в глобальной конкуренции систем, критика понятия "тоталитаризм" быстро сошла на нет. Когда поражение стало очевидным даже для большинства западных экспертов по Восточной Европе, это понятие стало использоваться как само собой разумеющееся.

Продолжительная борьба против понятия "тоталитаризм" имела яркие последствия. С одной стороны, при характеристике тоталитарных систем все чаще стали использовать понятие авторитаризма, так что триада учения о формах правления все более настойчиво теснится идеей дуализма типов (авторитаризм versus демократия) [10]; с другой – изменилось и понимание авторитаризма как такового. Некоторые аналитики определяли его в явном разграничении с тоталитаризмом, чем подчеркивали право на существование понятия тоталитаризма. Определяя авторитаризм, именно Линц учел темы и итоги многолетнего исследования тоталитаризма. Так, начиная с 30-х годов, в многочисленных дебатах о тоталитаризме неоднократно подчеркивались самые явные в то время признаки тоталитарных систем: модернизация общества путем так называемой мобилизации масс (населения), а также ликвидация политического и общественного плюрализма. Подчеркивая такие признаки авторитарных систем, как традиционализм, общественная апатия и ограниченный плюрализм, Линц тем самым косвенно защищал понятие тоталитаризма.

Перечисленные Линцем качества авторитарной политической системы трудно оспаривать, так как в большинстве случаев они подтверждаются результатами эмпирических исследований. В то же время нельзя считать их частью обширной и самодостаточной концепции. По крайней мере, не исключено, что авторитарная система (как и демократия) в состоянии мобилизовать "массы". Даже в тоталитарных режимах возможна только временная мобилизация широких слоев населения. Что касается модернизации общества, то авторитаризм (режимы Ататюрка, Франко, Пиночета, Чан Кайши и др.) проводил ее не менее успешно, чем тоталитаризм, если только авторитарные правители модернизации желали. Поэтому традиционализм и общественная апатия населения – не однозначные показатели авторитаризма.

Самым важным критерием, по которому можно различать формы правления, Линц считает отношение к плюрализму, поскольку именно *ликвидация политического и стремление к уничтожению общественного плюрализма представляют собой основные структурные качества тоталитаризма.* Акцентируя внимание на отрицании плюрализма в тоталитарном обществе, исследователь может отличить эту систему как от авторитаризма, так и от демократии. Таким образом, отношение системы к политическому и общественному плюрализму оказывается основным критерием, на базе которого вообще может существовать понятие триады тоталитаризм – авторитаризм – демократия.

Если анализировать образующие триаду базовые типы политических систем с других позиций, не по отношению к плюрализму, то различия между ними так отчетливо выделяются не всегда. Как бы то ни было, в предлагаемом ниже обзоре описываются особенности каждого из типов, которые при внимательном рассмотрении оказываются часто тесно связанными с этим критерием: наличием, ограничением или отсутствием плюрализма.

Оппозиция и сопротивление

Необходимой предпосылкой демократии является согласие правителей на существование политической оппозиции. Там, где отказываются от политического и общественного плюрализма, там нет ни политической оппозиции, ни гласности. Поэтому тоталитарным режимам присущи разного рода "движения сопротивления", распространенность в обществе всевозможных слухов, которые находят продолжение, а нередко и источник, в спекуляциях средств массовой информации свободного мира. Движение сопротивления при тоталитаризме порой даже называет себя демократической оппозицией, чтобы на свой лад подчеркнуть неотъемлемое политическое право на существование такой оппозиции. Официальные партии и союзы при тоталитаризме – это никакая не оппозиция (даже не "системно конформистская"), так как они не подвергают сомнению претензии тоталитарной государственной партии на единоличное господство и наслаждаются гарантированными властными привилегиями [11].

Разумеется, сопротивление при тоталитаризме может сформироваться только после того, как государство откажется от массового террора. Когда антитоталитарное сопротивление достигает значительных размеров и овладевает массами, автоматически возникает особый вид гласности, который в состоянии построить "в подполье" широкую сеть преследуемых государством (и формально нелегальных) средств массовой информации [12].

При авторитаризме же политическая оппозиция, как правило, настолько терпима, что для сохранения системы не нужно достигать политического единогласия всех слоев и партий. При этом контрольные функции оппозиции существенно подавлены, в то время как критика хотя и ограничена (например, с помощью цензуры), но все же может быть принята системой (например, путем фактического действия законов о цензуре). Это ограничение прав оппозиции вызвано большой опасностью для авторитаризма, которую таит в себе сильная оппозиция, поскольку уже само ее существование говорит о возможности смены режима. Не менее опасным для авторитарной системы может стать политическое сопротивление, которое открыто заявит о незаконности системы, а нередко и общественного порядка.

В любом случае сопротивление, часто вооруженное, в отсутствие мощной поддержки населения может дать авторитарному правительству законные аргументы для защиты системы от либерализации. Отсюда следует, что якобы только режим "жесткой руки" способен защитить общество от несущего хаос сопротивления или, если сопротивление грозит перерасти в революцию, защитить основные принципы общественного порядка. Поэтому господствующая элита консолидированного авторитарного режима может даже быть заинтересованной в наличии слабого сопротивления и при этом будет стараться не допустить возникновения сильной политической оппозиции, в случае необходимости кооптируя важного оппозиционного политика в правящую элиту [13].

Легитимация режима

При тоталитаризме легитимация происходит с помощью всеобъемлющей вездесущей, абсолютно уверенной в своей правоте идеологии [14]. Причем тоталитаризм способен на то, чтобы в критической ситуации запустить в массы популярные "легитимационные сказки" (обычно это национализм) [15], разумеется, без отказа от тоталитарной идеологии. Каждый тоталитарный правитель понимает, что отказ от тоталитарной идеологии означал бы конец тоталитарной системы [16].

Совершенно иначе обстоит дело при демократии. Эта система настолько серьезно относится к легитимации на принципах народного суверенитета и равенства, что готова оценивать себя с точки зрения реализации этих принципов на практике. Такое отношение способствует развитию как принципа демократического участия в управлении и принципа представительства, так и демократического учения о легитимации. Всегда имеющиеся дефициты "работающей демократии" побуждают искать пути их преодоления. Демократия, которая долгое время не следует этой "диалектике", перестает быть демократией и одновременно теряет свою законность.

В то время как идеологическая легитимация при тоталитаризме имеет явно догматический характер, а при демократии представляет собой действительно открытый процесс, основанный на принципах политического равенства и суверенитета народа, авторитаризм старается в первую очередь использовать только популярные формы легитимации. *Высшим принципом легитимации авторитарной системы является оппортунизм – в противоположность тоталитарному догматизму и демократической принципиальности.*

Обзор применяемых образцов легитимации позволяет выделить "виды легитимации" авторитаризма, что указывает на их неплохую гибкость. Если же говорить об исторических тенденциях развития авторитарных систем, то в первой половине XX в. они обычно рождались во время политических кризисов диктатур и держались на том, что заявляли себя идеологическими системами. Так, фашистские режимы узаконивали себя часто с помощью тоталитарных идеологий. В отличие от тоталитаризма они, однако, не пытались полностью упразднить автономию общественных субсистем по отношению к политике (режим Муссолини). В отдельных случаях, когда он мог, так сказать, "завербовать" почти все население для достижения целей тоталитарной идеологии, авторитаризм вполне мог переродиться в тоталитарную систему (пример – гитлеровский режим).

Срок действия идеологических авторитарных систем был в самом деле недолгим. Впрочем, параллельно всегда существовал национальный авторитаризм [17]. Он призывал спасти нацию от особой опасности – от коммунизма, экспансии соседей или "гибели нации" (Франко, Петен, Пилсудский, Пиночет). В то время как идеологический авторитаризм выступает против любой формы демократии, национальные авторитаризмы, находящиеся под влиянием стабильности и модернизированности западных демократий, были заинтересованы в том, чтобы их считали демократиями. Чем меньше авторитарные режимы ориентировались на тоталитаризм и чем чаще для достижения собственной стабильности они употребляли демократические процедуры и представления о легитимации, тем отчетливее принимали они *квазидемократические черты.* Сегодня среди авторитарных систем доминирует квазидемократический авторитаризм. Точно так же и посткоммунистические (следовательно, посттоталитарные) авторитарные системы в большинстве своем являются квазидемократическими [18].

Применение государственного аппарата принуждения

Временами тоталитарные системы приходят к массовому террору, и бывает сложно оценить, является ли насилие средством достижения каких-то политических целей (например, устранения потенциальных противников и, соответственно, дисциплинирования властного аппарата) или оно само является целью [19]. Но в основном даже при тоталитаризме, как и при авторитаризме и демократии, использование государственного аппарата принуждения – в первую очередь средство для достижения цели. Отличия между тоталитаризмом, демократией и авторитаризмом, наблюдаемые во взглядах на насилие и его применение государством [20], несколько схожи с отличиями принципов легитимации этих систем.

Тоталитаризм, при котором комплексная идеология только в редких случаях находит широкую истинную поддержку народных масс, представляет собой систему насилия *sui generis.* Без широкого применения силы даже там, где нет необходимости улаживать конфликт, тоталитаризм не имеет шансов выжить. Действие государственного аппарата принуждения, большей частью скрытое и направленное на "уничтожение" преследуемого, должно быть поставлено на службу идеологическим догмам.

В противоположность этому плюралистическая демократия стремится уладить конфликт без применения силы. С демократической точки зрения, применение государственного насилия допустимо только тогда, когда оно законно и направлено на защиту демократии. С точки зрения демократического консенсуса и демократического правового государства, неоправданное применение государственной силы представляет большую опасность для существования демократического строя. Поэтому демократия прибегает к применению аппарата принуждения только при необходимости отстоять свои принципы.

Авторитаризм, напротив, применяет силу так часто, как это кажется необходимым правящим структурам: чтобы устранить политических противников, врагов или припугнуть население; доказать дееспособность режима; подтвердить его силу в борьбе с общественным протестом; гарантировать интересы власти и ее доверенных лиц и, соответственно, реализовать их и т. п. Объем и вид применения силы государственной властью варьируется в зависимости от общественной поддержки режима и личного стиля правления автократа, а также от силы политической оппозиции и методов, которыми действует политическое сопротивление. Ни при тоталитаризме, ни при свободной демократии сила не становится таким "бессодержательным" инструментом господства, как при авторитаризме, и этот инструмент используется по-разному, в зависимости от надобности и свойств авторитарного режима.

Этот "инструментальный" характер применения силы правящей элитой говорит о том, что объем насилия в политической жизни не может стать одним из основных критериев учения о формах правления. Готовность к применению силы и фактическое ее применение в любом случае было и остается важнейшим моральным и уголовно-правовым критерием, на основании которого должны судить обо всех власть имущих. Особенно это касается недемократических систем: если они не придерживаются принципов правового государства, то персональная ответственность лица, принимающего решения, только возрастает.

В заключение отметим, что использование государственного аппарата принуждения свидетельствует о качестве режима – это мнение традиционно для политической мысли Запада. Только если считать себя не связанным этой традицией, качество системы можно оценивать, например, эффективностью модернизации. Оценка системы в первую очередь с точки зрения эффективности (способности достигать поставленных перед собой целей) может создать опустошающее впечатление, что якобы все политические системы в большей или меньшей степени аналогичны друг другу.

Автократия и олигархия

Еще со времен Михельса известно то обстоятельство, что для больших образований демократический путь развития представляется весьма проблематичным. Тем не менее, стремление и усилия демократических систем дать, по возможности, всем гражданам реальный шанс политической партисипации и соразмерно представлять интересы всех граждан не настолько далеки от действительности, чтобы ставить под сомнение существование демократии. Поэтому делать вывод о невозможности демократии, исходя из несомненно присутствующих в больших образованиях антидемократических тенденций, по меньшей мере нелогично [21].

Доказательство от противного: демократия несовместима с олигархией (господство группы над большинством) и автократией (абсолютное господство одного лица), и если она будет развиваться в направлении этих систем, то просто перестанет быть демократией, а тоталитаризм и авторитаризм расцветут в виде автократий. То, что эти системы скорее станут автократическими, чем демократическими, несомненно: хроническое неуважение принципов представительства и участия народа в управлении приведет к тому, что народ будет ожидать правителя (желательно харизматического) – "отца" нации или народа, чтобы он взял на себя интеграционные функции, которые не может выполнить правящая группа. Даже юные демократии могут требовать таких фигур. Яркие примеры – Конрад Аденауэр и Шарль де Голль. Однако при демократиях не пытаются внушить народу, что политический лидер, наделенный чрезвычайной властью и способностями, являет собой гарантию существования системы.

Любая автократия относительно быстро приходит к концу. Каждая новая система остается в течение нескольких лет институционально комплексной, и рано или поздно автократ оказывается вплетенным в самую середину сети более или менее формальных структур, которые он сам же и создал для получения и обеспечения своей власти. Институциализация автократической системы прибавляет уверенности правящей верхушке государственного аппарата, что тоже ослабляет власть автократа. Если он все же хочет сохранить за собой контроль над властными отношениями в системе, то вынужден регулярно проводить чистку государственного аппарата от фактических или потенциальных противников. В конце концов, каждый автократ умирает, а институты созданной им системы остаются. Поэтому весьма сложно в эпоху модернизма (постмодернизма) создать стабильную автократию. Удается это очень редко, т. к. требует наличия определенных общественно-политических условий, чрезвычайных качеств наследника умершего автократа (естественно, при неоспоримом условии наследования власти) [22].

Инсценировка тоталитарной или авторитарной системы как автократии, напротив, удается легче. В прошлом авторитаризмы могли позволить себе выступать в форме господства одного человека. Коммунистический тоталитаризм был расколот именно по этому пункту. В соответствии со своей легитимацией он представлял собой монистическую демократию и с 1953 г. ссылался на олигархический принцип "коллективного правления". При этом существовал так называемый культ личности, и даже после смерти Сталина режим существовал как автократия.

С точки зрения статистики неизбежность перехода недемократической системы от автократии к олигархии, без сомнения, означает расширение общественного базиса режима, что в системах, для которых не важны (или недостаточно важны) ценности правового государства, влечет за собой распространение коррупции.

Коррупция

Коррупция, понимаемая как поведение государственных чиновников, пренебрегающих правом и социальными нормами в собственных целях, принимает различные формы, в зависимости от того, в какой системе она процветает.

При демократии коррупция жива всегда, она выполняет важную функцию – сигнализирует о необходимости проведения реформ в тех областях, где коррупция возникла, где правовые нормы нарушаются или вообще не действуют. Разумеется, эта функция может быть реализована только потому, что при демократии работают механизмы контроля и гласности (свободная пресса, многочисленные специальные контролирующие институты и органы). В этом смысле можно говорить о коррупции как о "поведении, не всегда отклоняющемся (от нормы)". Такая трактовка верна там, где действуют абсурдные правовые или социальные нормы, следование которым становится бессмысленным. Социальная действительность тоталитаризма и посттоталитаризма создает благодатную почву для такого сорта коррупции. Одновременно в этих условиях распространяется и другой вид коррупции, которая опирается исключительно на криминальную личную энергию и недопустимое использование служебного положения для получения личной выгоды.

Этот второй вид коррупции – сознательное и ничем не оправданное злоупотребление служебным положением – может распространяться, как только достигнет "критической массы", когда большинство людей начинает понимать, что в обществе более не действуют никакие нормы. Про того, кто "по моральным соображениям" продолжает действовать согласно повсеместно нарушаемым нормам, говорят: "сам виноват, что не берет". От опасности такого угрожающего распространения коррупции меньше всего защищены те системы, где нет никаких контрольных механизмов и недооценивается общественное значение права или его просто не уважают. Подобные явления характерны как для авторитаризма, так и тоталитаризма, тем не менее, коррупция в этих системах имеет совершенно разный характер.

При авторитаризме коррупция может привести к тому, что для восстановления авторитета власти начнет действовать государственный аппарат принуждения (часто вследствие военного путча). Но даже если таким образом власть снова консолидируется, при авторитаризме обычно остается небрежное, неуважительное отношение к правовому государству. Насильственно восстановленное действие законов не может быть длительным, если правящие лица не воспринимают всерьез ими же установленные конституционные и правовые нормы и, соответственно, используют "дозированную" коррупцию как фактор, стабилизирующий систему. Авторитарное господство заполу-

чает себе госаппарат и общественную элиту, позволяя им безнаказанно вести себя коррупционным путем.

При тоталитаризме все выглядит иначе. Здесь власть подкупает государство и элиту тем, что включает их в систему привилегий, регулирующую распределение благ, недоступных для простого подданного (речь может идти как о новой ванне, так и о заграничном паспорте или о какойто информации). Коррумпированному лицу, как это ни парадоксально, совершенно нет нужды вести себя коррумпированно, т. е. нарушать право. Разрушается не право, а он сам, разрушается морально – тем, что *позволяет* делать себя просителем по отношению к всемогущей власти. Тем самым государственная власть нарушает нормы и права, формально действующие в системе и соответствующие эгалитарной идеологии. При тоталитаризме, в отличие от авторитаризма или демократии, эти правила вообще не соблюдаются, так как в этом случае действует только одно правило: что разрешено и считается законным (незаконным) на данный момент, решает только правитель.

Конституция, права человека и гражданина

Строительство конституционных и правовых основ западных государств шло долгим путем завоеваний и открытий. Решающую роль в формировании современной демократии сыграло возникновение и всеобщее принятие идеи конституционного и правового государства. Как считает Карл Левенштайн, демократия возможна только тогда, когда есть нормативная конституция, положения которой реально действуют и в политике, и в обществе. *Нормативной* демократической конституции противостоит *семантическая* конституция тоталитаризма, созданная для украшения этого режима, на практике ей не придается никакого значения [23]. Между ними находится (по Левенштайну) *номинальная* конституция, которая может уважаться политиками, но по своему значению она все же уступает нормативной конституции свободного демократического правового государства, поскольку "фактическое положение дел не допускает или еще не допускает полной интеграции норм конституции в динамику политической жизни" [24].

Различия между типами учения о формах правления особенно отчетливо видны, если взглянуть на них с точки зрения основных прав.

Гарантированные конституцией основные права – существенный элемент *демократического правового государства*, они обязательны для всех ветвей власти.

При *тоталитаризме марксистско-ленинского образца*, напротив, основные права юридически не закреплялись даже тогда, когда являлись действующими нормами, поскольку, в отличие от западного понимания прав, считалось, что они носят коллективный характер, т. е. касаются не отдельных индивидов, а "трудящихся масс" [25].

Авторитарное правление *приводит к тому, что основные права и нормы конституционного государства нарушаются тогда, когда это представляется политически необходимым, независимо от того, признает ли себя государство официально связанным этими нормами или нет. Причем авторитаризм не нуждается в собственном учении об основных правах (совершенно отличных от демократического понимания этих прав), потому что при определенных условиях (например, чрезвычайное положение) авторитарный правитель непременно признает определенные права.*

Наконец, пример германского Рейха (и других конституционных монархий) демонстрирует, что и при авторитаризме может быть нормативная конституция. Доминирующими чертами политической культуры в этом случае становятся антидемократическое отношение к политике и экстремальный правовой позитивизм. Доказательством того, что европейский авторитаризм XX в. обычно относился к праву и конституции менее серьезно, чем Германия Вильгельма, служит наблюдение, сделанное Норманом Девисом: из 18 европейских диктатур между двумя мировыми войнами только режим Йозефа Пилсудского не отказался от парламентско-конституционного фасада, за которым скрывалась антидемократическая сущность режима [26].

Почему бы не авторитаризм?

Обзор особенностей типов правления, образующих классическую триаду учения о формах правления, позволяет сделать некоторые общие выводы об авторитарных системах.

Очевидно, что по сравнению с тоталитаризмом при авторитаризме ограничение власти достигается не только с помощью ограниченного плюрализма, но и, по возможности, с действием конституции и права. В отношении остальных присущих системе качеств авторитарный тип правления достаточно эластичен: может использовать довольно убедительную легитимацию, даже включать в нее демократические принципы; может позволить себе как мягкость, так и твердость в применении государственного аппарата принуждения; может быть и автократическим и олигархическим; в конце концов, может терпеть коррупцию или бороться с ней. Авторитаризм может быть хорошей базой для развития в сторону как демократии, так и тоталитаризма. Этот тип системы дает больше всего вариаций и именно поэтому требует изучения и эмпирического анализа своих разновидностей.

В чем же причина настойчивого желания многих политологов уйти от понятия авторитаризма, вмещающего в себя так много разновидностей нетоталитарных и недемократических систем, когда речь заходит о включении в типологию политической системы с явно неудавшейся демократизацией – так называемой "третьей волны" [27]? Речь может идти о следующем: 1) демократия понимается (например, Шумпетером) только формально – как система, в которой кандидаты и партии в честном соревновании добиваются голосов избирателей; 2) отталкиваясь от современного понятия демократии, более "объемного", чем просто регулярное проведение свободных выборов, но декларированная цель – демократизация системы – рассматривается как достаточное основание для того, чтобы можно было говорить о демократии, а не об авторитаризме.

Очевидно, что оба аргумента слишком ограниченны. Ссылка на формальное понятие демократии не оправдана ни состоянием современной демократии, ни теорией демократии. И к целям политических процессов, декларированным правителями, следует относиться осторожно. Не всегда цели – серьезный критерий для классификации политических систем, т. к. не исключено, что их декларирование (как сказки коммунистов о модернизации или власти народа) может привести к узакониванию недемократического режима, чтобы ввести в заблуждение иностранных наблюдателей. Говоря точнее, чтобы сделать правильный вывод о системе, руководство которой объявило своей политической целью демократизацию и, применив демократические методы легитимации, назвало свой строй "несовершенной демократией", необходимо проанализировать фактические способы функционирования системы.

Системы неудавшейся демократизации как демократии

Самую большую карьеру в литературе о "неполных демократиях" сделал аргентинский политолог Гильермо О'Доннелл, который ввел понятие делегированной демократии [28], рассматривая ее как неконсолидированную. По мнению О'Доннелла, она успешно завершает "первую стадию демократизации" – переход от авторитаризма к инсталляции демократическим путем выборного правительства (через учредительные выборы – *founding election*) [29]. В этом варианте демократии ключевую роль играет президент государства, избранный в ходе прямых выборов, с его именем население связывает большие надежды [30].

"Делегированная демократия", тем не менее, терпит неудачу на второй стадии – при переходе к институциализированной демократии. Эта неудача правительства и других политических сил обусловлена непониманием участниками политического процесса важности общественных интересов при строительстве новых институтов. Поэтому делегированная демократия оказалась неспособной справиться с кризисом, оставшимся от прежней системы, и строилась на местничестве и коррупции. Однако она всегда представляла собой демократическую систему "в том смысле, что всегда соответствовала критерию Роберта Даля для определения полиархии" [31].

Концепция *"делегированной" демократии* показывает, как неточный термин приводит к путанице. Не говоря уже о недоразумениях, связанных с прилагательным "делегированный" [32], следует признать весьма неудачной и ссылку на понятие полиархии [33]. Для Даля полиархия означает все же союз семи институтов [34], которые при благоприятных обстоятельствах [35] допускают существование демократических тенденций и последующую демократизацию. Следовательно, полиархия не возникает автоматически, одновременно с инсталляцией демократическим путем выбранного правительства, скорее, она создает институциализированный вследствие этого политический порядок.

В общем и целом: никакое свойство "делегированной" демократии не может считаться убедительным аргументом признания ее демократического характера – даже инсталляция правительства путем свободных выборов. Причем никакое из этих свойств не исключает возможность охарактеризовать анализируемую О'Доннеллом систему как "квазидемократический авторитаризм".

Еще более крупные проблемы, чем связанные с понятием "делегированной" демократии, таит в себе ставшая в последние месяцы модной в Германии введенная Меркелом категория *"дефектной" демократии.* В соответствии с этим понятием, которое, видимо, должно было уточнить определение системы, такие демократии движутся "в серой зоне от неисправной полиархии к авторитарным системам. Во всяком случае, в совокупности они значительно более близки полиархии, чем авторитарные системы" [36].

Определение "дефектная" наводит на мысль, что речь идет о системах, которые уже стали функционирующими демократиями, но, тем не менее, когда-то возникшие серьезные проблемы, к сожалению, не устранены. В действительности же речь идет о политических системах, которые развились или развиваются из авторитаризма или тоталитаризма.

Насколько неподходящим является в этой связи прилагательное "дефектная", иллюстрируется следующей параболой. Представим, что несколько жителей одного дома заявляют о намерении построить в своих квартирах шкафы для себя и других жителей (которые до сих пор не знали ни о каких шкафах). Чтобы профинансировать это строительство, каждый из жителей занимает деньги у соседей, которые уже долгое время пользуются такими шкафами и, следовательно, могут понять тех, кто хочет их иметь. Эти знающие соседи готовы даже не обращать внимание на неприятный шум, который поднимется во время строительных работ. Строители шкафов закупают материал и инструмент, и вскоре на жителей дома действительно обрушивается шум. Спустя непродолжительное время выясняется, что этот шум создают не пилы и молотки, а… вечеринки, которые устраиваются на собранные с жильцов деньги. При этом довольные мнимые жители-строители хранят одежду на временно сбитых конструкциях. Разумеется, они не упускают возможности брать у своих доверчивых соседей все новые и новые займы, уверяя, что ведутся серьезные работы. Трудно объяснить, почему некоторые владельцы настоящих шкафов, считают заставленные досками, одеждой и инструментами комнаты своих соседей, в которых якобы строятся шкафы, "дефектными" шкафами.

Эвристическая ценность слова "дефектная" в этой связи равна нулю. Демократия может быть "дефектной" по бесчисленному множеству оснований, например, из-за долгое время противоправного партийного финансирования, коррупции, слабости политической партисипации общества и т. п. Без сомнения, явные дефекты немецкой демократии под управлением федерального канцлера Гельмута Коля или коррупция в посткоммунистических демократиях Средней Европы не могут служить основанием для отнесения этих систем к тому же типу правления, что сложился в Перу под руководством Фухимори или в Украине под руководством Кучмы. Кроме того, почему бы не назвать недемократические политические системы, использующие свободные выборы, "дефектными авторитаризмами"? Или, может быть, коммунистические системы после 1956 г. следует называть "дефектными тоталитаризмами"?

Системы неудавшейся демократизации как гибриды

Вместо того, чтобы говорить о "делегированных" или "дефектных" демократиях, иногда правомернее и удобнее использовать термин "гибридные системы", заранее оговаривая, что он не будет пониматься в смысле новых типов режимов и систем. Гибридные – т. е. такие, которые трудно классифицировать с помощью распространенных типологий, поскольку они объединяют в себе особенности многих ранее существовавших систем. Социальную действительность типологически можно классифицировать весьма приблизительно – разделение на типы помогает только ориентироваться в этой действительности, не больше и не меньше. Ответить на вопрос, как создается эта действительность, не поможет никакая типология. Ответ может дать только эмпирический анализ.

Возникновение гибридных систем обычно связано с переходом к другой системе. Уже Октавиан (позднее – император Август) поколебал институты Римской империи, введя их в "гибридную фазу" развития, т. е. превратив республику в империю. Он сохранил названия институтов и шаг за шагом, не возбуждая особо пристального внимания, ставил перед ними новые задачи и наделял новыми полномочиями – классический пример успешно проведенной смены политического строя. Аналогично поступали во второй половине 1970-х годов король Хуан Карлос I, а также премьер-министры Ариас Наварро и Адольфо Суарещ, когда вели Испанию к демократии. При современ-

ных посткоммунистических системных трансформациях, напротив, особенно часто главное внимание правящих кругов сосредоточивается на пропаганде "большой реформы" или "смене системы", в то время как задачи и функции институтов практически не пересматриваются.

Для политолога, который анализирует "гибридную" систему, особое значение должен иметь вопрос, ведет ли "противоречивость" такой системы к ее изменению и потому является преходящей, или это конечный результат смены системы и поэтому претендует на длительное существование. Только во втором случае правомерно говорить о "гибридном" типе. *Но и тогда сначала следует учесть тот факт, что не все политические системы имеют одинаковые культурные, общественные и структурные предпосылки для преобразований, не все государства в этом мире являются в равной мере государствами.*

Западное учение о формах правления может применяться весьма условно по отношению ко многим политическим организациям, которые распоряжаются гербом, флагом, полицией, армией и являются субъектами международного права.

Государство – "слабое" или эффективное?

Особое значение в связи с развитием политических систем имеет факт существования "слабых" государств – тех, чьи служащие не могут или не желают применять действующие правовые нормы. Скорее, они используют "свое" государство как инструмент для реализации собственных интересов [37]. С точки зрения западной перспективы, которая почти всегда отталкивается от определения государства, данного Вебером – специализированная организация, обладающая монополией на законное применение насилия, – в данном случае речь идет о низкой эффективности государственной власти. Однако многие общества находятся на такой стадии развития, что не могут считаться государством по Веберу [38]. Многое свидетельствует о том, что идущие в мире процессы образования государств везде, где они еще не завершены или только начались, влекут за собой далеко идущую стандартизацию государственных функций. Тем не менее, вплоть до сегодняшнего дня окончательно этого еще не произошло.

По этой причине коррупция, низкая эффективность, насилие и т. п. совсем не обязательно являются индикаторами авторитарной системы (в дееспособном государстве). Они могут говорить просто о слабом государстве. Это в самом деле ничего не меняет в том, что слабые государства, как бы они ни были своеобразны в общественном и культурном плане, все же ближе к авторитарному типу, чем к демократическому. Так как с точки зрения эффективности и стабильности современная демократия по сравнению с авторитаризмом показала себя с гораздо лучшей стороны, то можно сделать вывод о том, что авторитаризм означает скорее слабость государства, чем его силу.

Может показаться, что тоталитарное государство следует рассматривать как чрезвычайно сильное. Но это верно, если критерием государственной эффективности выбрать масштаб контроля государства над обществом – как это делает тоталитарный правитель. Если, однако, выбрать либеральный подход, то следует учесть, что государство тем эффективнее, чем оно более способно служить своим гражданам, и тогда тоталитарное государство покажет свою абсолютную слабость.

Представленная выше концепция тоталитаризма строится на мнении, что тоталитаризм основан на идеологической претензии на абсолютное управление и контроль в обществе. Но нельзя только на основании этого требования делать вывод о реализации этих претензий в общественной практике. Следовательно, тоталитарное государство, согласно *своей* идеологии, может, и обязательно должно быть "сильным". Реализация претензий тоталитарного государства на абсолютное управление зависит, с одной стороны, от содержания деятельности государственных структур, с другой – от средств и методов, которые использует государство. Исторический опыт советского социализма показывает, что реализовать тоталитарный идеал сильного государства может только открытый террор (ленинизм, сталинизм). Тоталитаризм становится в смысле своей идеологии слабым, когда отказывается от террора. Ничего не меняет тот факт, что институциональное всевластие существует и при "слабом" тоталитаризме. К сожалению, в идеологическом смысле "слабое" тоталитарное государство не становится автоматически "сильным" в либеральном смысле [39]. Скорее, становится очевидным недостаток силы такого государства в управлении обществом, которое – даже после того как получена свобода – не всегда оказывается в состоянии создать в либеральном смысле "сильное" государство.

Таким образом, как государство тоталитаризм имеет сильную (террористическую) и слабую фазы. При всех исключениях (Румыния, Албания) ясна хронология этих фаз в социалистических обществах: сильное сначала государство ленинской и сталинской эпох затем становится слабым, если в институциональном смысле всемогущее государство парализовано скрытым, а в некоторых странах и явным, затяжным кризисом системы [40]. В слабых фазах системную стабильность обеспечивает прежде всего квази-консенсус [41].

Классификация таких систем неудавшейся демократизации, как авторитаризм, сводится к признанию того, что в этом случае государство почти наполовину или полностью эффективно. Поэтому приверженцы демократии в государственных структурах и в обществе имеют в таких системах, несмотря на все неудачи, неплохие шансы продолжить путь к демократии. Сложнее обстоит дело с демократическими меньшинствами в обществах со слабым государством. Им следует осознать, что демократизация, к которой они стремятся, должна стать частью строительства государства *(state building)* [42].

Итак, если взять на вооружение категорию "слабого" государства, то учение о формах правления может обойтись и без такого типа как "гибридная система".

Три типа систем: сходство и различие

Между авторитаризмом и демократией можно обнаружить определенное сходство. Прежде всего, это принятие, в принципе, общественного и политического плюрализма. Между обеими этими системами и тоталитаризмом, напротив, лежит непреодолимая преграда. Поэтому создание тоталитарной системы производит на современников впечатление зловещей трансформации, в результате которой мир отправляется к началу своего правового развития и формируется новая, чуждая и угрожающая действительность.

Сходство демократии и авторитаризма в сфере экономики возникает вследствие принятия принципа плюрализма. В обеих системах государство исполняет функцию "очерчивания рамок" без разрушения автономии экономической подсистемы. Тоталитаризм, который в ходе силовой и специфической трансформации заменяет свободный рынок центральным плановым хозяйством, напротив, разрушает основы экономики.

Политические системы, образующие триаду учения о формах правления, представляют собой идеальные типы. Это значит, что в реальности они никогда не встречаются в "чистых" формах. Тем не менее, каждый тип представляет собой совокупность реально существующих своеобразных качеств и ясно отделим от других типов. Так как в действительности тоталитаризм несовместим с плюрализмом, то для "реальной" демократии (или полиархии) [43], в отличие от авторитаризма, необходимо наличие конституционного и правового государства. Поэтому имеющееся сомнительное сходство между демократией и авторитаризмом должно пониматься правильно, с учетом того, что речь идет о двух типах систем, которые не могут унифицироваться категорией "более или менее плюралистических". Может и должно проводиться различие между ограничением и принятием политического плюрализма.

Переход от одного типа политической системы к другому предполагает в политической и общественной практике изменения, вытекающие из размаха революционных действий.

Трансформация и переход

Сэмюэль Хантингтон и Адам Пшеворский были теми авторами, которые установили определенный стандарт, когда речь заходит о том, чтобы отказаться от проведения границы между посттоталитарными и поставторитарными переходными системами [44]. В своей книге о "третьей волне демократизации" Хантингтон со ссылкой на Линца сначала разграничивает тоталитаризм и авторитаризм, но затем все же соглашается все недемократические системы относить к авторитаризму, чтобы устранить семантические недоразумения, возникающие при частом использовании термина "недемократический" [45]. Несмотря на то, что частое использование прилагательного "авторитарный" по необъяснимым причинам явно не создает американскому политологу семантических проблем, попытки улучшить стиль письма ничего не могут поделать с тем бесспорным обстоятельством, что качество преобразуемых систем оказывает большое влияние на качество и развитие систем, возникающих в ходе преобразования [46]. Упущение из поля зрения этого обстоятельства имеет роковые последствия.

Отказ различать тоталитаризм и поставторитаризм приводит, во-первых, к тому, что ранние противники понятия "тоталитаризм" больше не хотят быть связанными собственными ошибочными оценками из эры биполярного мира, например, взглядом на коммунизм как на непременно успешную и стабильно систему, служащую общественной модернизации. Эта привязка препятствует научному прогрессу, который, как известно, базируется как на подтверждении, так и на отрицании гипотез. Во-вторых, этот отказ содействует преждевременному переносу опыта ранних демократизаций на посткоммунистическую систему [47]. Ученые, сравнившие дюжину политических систем, и без того всегда имели опасность потерять под ногами эмпирическую почву, которую они обычно "учитывали" в форме составления более или менее правильных таблиц и сравнения статистических данных. Детерминистический тезис – демократизация повсюду следуют одним и тем же законам – дополнительно повышает опасность таких "аналитических полетов Икара".

Сохранение триады политических форм правления, напротив, позволяет провести четкую границу между *посттоталитарной трансформацией (transformation)* и *поставторитарным переходом (transition)* от старой системы к новой [48]. В том и другом случаях политическое руководство говорит о демократизации как о главной политической цели. Тем не менее, аналитик должен исходить из системной перемены к "чему-нибудь еще" до тех пор, пока не будет учреждена новая система [49].

Переходом *(transition)* руководят и занимаются политическая элита и гражданское общество. Неудача перехода означает, что одна форма авторитаризма перешла в другую. Этот новый авторитаризм, как и предшествовавший, базируется в значительной мере на политической культуре подданства *(subject culture)*.

Системная трансформация проводится политической элитой и, особенно, политическим руководством страны, которое – если оно действительно стремится к демократии и рыночной экономике – сначала должно создать условия для восстановления разрушенного при тоталитаризме гражданского общества. С этой задачей легче справиться там, где политическое руководство сильнее привязано к дототалитарным традициям гражданского общества и конституционализма. После разрушения тоталитарного общественного порядка коллективное воспоминание о "состоянии прежде" может стать ценным ориентиром для освободившегося общества.

Там, где соответствующие традиции и ориентиры отсутствуют, не надо ожидать, что политическое руководство будет противиться доминирующей политической культуре и проводить демократизацию, которая в первую очередь предусматривает добровольное подчинение политического руководства конституции и праву.

Об удавшейся демократизации путем системной (посттоталитарной) трансформации или системного (поставторитарного) перехода можно говорить тогда, когда демократия консолидируется. В свою очередь, демократическая консолидация наступает после завершения политическими элитами и населением строительства законных демократических учреждений [50]. Иначе говоря, политическая элита и политически активные граждане уважают и поддерживают демократические нормы, правила и учреждения, а политические деятели не поддерживают и, соответственно, не практикуют каких-либо недемократических правил, норм и учреждений [51].

Минимум для демократизации

Господство над людьми имеет тенденцию распространяться до тех пор, пока не натолкнется на сопротивление. Поэтому при переходе от авторитаризма и тоталитаризма к демократии центральным (поскольку структурный) становится *вопрос ограничения господства*. Ни правительство, ни политическая элита, ни государство не могут избежать стремления обладать всей политической властью или даже упразднить автономию остальных общественных подсистем.

В демократических государствах подчинение правящих сил закону благоприятствовало автономизации общественных субсистем, содействовало общественному разделению работ и, таким образом, становилось причиной эффективности демократического преобразования государств. Тоталитаризм вкупе с биполярностью послевоенного миропорядка на десятилетия задержали распространение этих процессов во второй половине XX века. После падения коммунизма шансы на демократизацию возросли, так как демократиями являются мощнейшие государства мира (в наше время – под гегемонией США). Сегодня демократические страны больше не имеют убедительного оправдания для альянсов с авторитарными и тоталитарными государствами, которые заключаются для победы в борьбе против "основного тоталитарного противника" [52].

Успех современных поставторитарных переходов *(transition)* и посттоталитарных трансформаций *(transformation)* зависит в первую очередь от устройства правового и конституционного государства. Предпосылки этого успеха можно разделить на субъективные (связанные с лицами, принимающими политические решения, а также с политической культурой конкретной страны или региона), процедурные и структурные. Самым главным является субъективный фактор, а именно: политическая воля впервые демократическим путем избранного руководства построить демократию. По тому, насколько серьезна эта цель для руководства, можно легко судить о его готовности вести себя соответственно требованиям демократического конституционного и правового государства, даже если это дает явные преимущества его политическим противникам. Такое нонконформистское поведение предполагает определенное *самоограничение*, продуктивность которого с точки зрения власти тем меньше, чем более убедительной была ее победа на выборах (то есть демократическая легитимация новой власти), чем исправнее действует государственный аппарат принуждения, чем выше шансы неприкрытой коррупции в верхушке власти государства и меньше гражданская культура *(civic culture)* общества.

Политическое руководство, пользующееся большой общественной поддержкой и исполняющее свои обязанности без уважения к правам политической оппозиции, не идет на это самоограничение. Такая власть несет ответственность за разрушение процедурных предпосылок для построения демократии. Разумеется, такому руководству трудно поставить себя на место оппозиции, на котором оно само может оказаться при потере общественной поддержи. Поэтому такое руководство будет любыми средствами стремиться сохранить свою власть – с опустошающими последствиями для институциализации демократии. Самоограничение же власти, напротив, весьма положительно скажется на первом демократическом правительстве, как только оно потеряет поддержку и власть, так как оно своим отношением к политической оппозиции создало стандарты, которых, вероятнее всего, будет придерживаться пришедшая к власти оппозиция.

Что касается структурных предпосылок успешного перехода (transition) к демократии, то по сравнению с посттоталитарной трансформацией здесь видно хоть какое-то действие конституции и права, что облегчает движение авторитаризма в сторону демократии. Дополнительно упрощает этот процесс то обстоятельство, что существующий при авторитаризме общественный плюрализм облегчает задачи поставторитарного политического руководства, так как политические правительства не должны заново определять рамочные условия не только для политического, но и для общественного плюрализма. Наконец, поставторитарное правительство не обязано решать социальные задачи, постепенно создавая на месте централизованного планового хозяйства рыночную экономику.

В совокупности субъективные факторы имеют решающее значение при построении демократии. Таким образом, власть и общество в особенно структурно ущербных – посттоталитарных – государствах иногда лучше справляются с демократизацией, чем некоторые поставторитарные системы. Это особенно касается государств, которые вследствие Второй мировой войны оказались под влиянием Советского Союза и стали социалистическими [53].

О решающем значении субъективных факторов говорит также и впечатляющее сравнение результатов трансформации в тех государствах, которые при переходе к демократии испытали сходные структурные проблемы. Так, Беларусь по сравнению с большинством других государств бывшего Советского Союза в конце коммунистической эры имела относительно благополучную экономическую ситуацию и тот же груз перешедших к ней политических структур. Тем не менее, сегодня эта страна является образцовой иллюстрацией неудавшейся демократизации в отличие от северо-восточных европейских государств (Литва, Латвия, Эстония). Аналогично, в зависимости от субъективных факторов, идет развитие авторитарных государств, которые встали на путь демократизации. К примеру, поставторитарные Испания или Чили успешно консолидировали свои демократии, чего нельзя сказать о Турции или Колумбии.

***

Отнесение конкретных (эмпирических) политических систем к тем или иным формам правления помогает сформулировать вопросы и гипотезы относительно прошедшего и возможного будущего развития этих систем, а ответы на них или их перепроверка должны привести к истинному знанию. Первым условием для этого является логически выстроенная терминология. Связанная с эмпирическими знаниями различных систем терминология позволяет провести аналитически плодотворное сравнительное исследование политических систем.

Примером тому могут служить разные оценки политической системы Российской Федерации. Формально здесь сохраняются свободные выборы. Однако ряд моментов вызывает сомнения в демократическом характере системы, например: политическое руководство использует против своих политических противников тайные службы и оружие; правовое государство явно бессильно против коррупции; конституция не всегда имеет нормативный характер; федерализм выливается часто в формирование почти автономных, авторитарно управляемых анклавов; многочисленные сферы государства и общества подчиняются мафиозным структурам; политическое руководство, как и связанные с ним олигархи от "предпринимательства" (странным образом связанные с государственной бюрократией), контролирует почти все средства массовой информации и т.п. Если исходить из триады тоталитаризм–авторитаризм–демократия, то мы оказываемся перед альтернативой: анализировать ли эту систему с точки зрения российских предпосылок [54] перехода от коммунистического тоталитаризма к авторитаризму [55] или к демократии [56], или нужно исследовать, при каких условиях ослабленное тоталитарное государство превратится в эффективное либеральное государство. Во всяком случае, в основе научного анализа российской смены систем должен лежать учет эмпирических аспектов.

Это условие можно, разумеется, обойти. Благодаря распространенной в сравнительном учении о формах правления готовности для всего, что в данный момент представляется новым или чрезвычайным, создавать новые понятия, можно с учетом явно недемократических черт ("дефицит демократии") в политической системе России квалифицировать ее как "дефектная" демократия. Эта оценка решительно склоняется к удручающей констатации того, что опасность "укрепления явного демократического дефицита" [57] грозит и одновременно дает надежду, что научный потенциал будет на этом исчерпан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рабочий круг "Системные перемены" Немецкого союза политологии провел в 1999 г. две конференции на тему "Замедление и крах системных трансформаций и возникновение гибридного политического режима".

2. Klaus von Beyme/Claus Offe (Hrsg), Politische Theorien in der Ara der Transformation. Sonderheft der "Politischen Vierteljahreszeitschrift" (26/1995), Opladen 1996.

3. Francis Fukuyama, The End of History, в: "The National Interest", 16 (лето 1989), pp.3-18.

4. На немецком языке вышла под названием "Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir?" в Мюнхене в 1992 году.

5. В этой концепции существенное считается относительным, например, уничтожение миллионов людей часто происходило, особенно в XX в., под лозунгом борьбы за "проект модернизма".

6. Fukuyama, "Das Ende... ", s.75ff.

7. Juan J. Linz, "Totalitarian and Authoritarian Regimes", в: Fred I Greenstein/Nelson W. Polsby (изд.)., Macropolitical Theory (Handbook of Political Science, Bd.3), Reading, MA в 1975, pp.175-411.

8. Jerzy Maćków, "Der Wandel des kommunistischen Totalitarismus und die postkommunistische Systemtransformation: Periodisierung, Problematik und Begriffe". // "Zeitschrift fьr Politikwissenschaft", Heft 4/1999, s.1347-1380, s.1349ff.

9. Так как Merkel относит тоталитаризм и авторитаризм к типу автократических систем (ссылаясь на Hans Kelsen: "Allgemeine Rechtslehre", 1925 г.), для него нет сомнения в том, что "разграничительная линия между демократией и авторитарной системой ярче, чем между авторитарными и тоталитарными системами". Wolfgang Merkel. Systemtransformation. Opladen, 1999, s. 27 и s.28.

10. Интересно, что Robert Dahl в своем популярном произведении о демократии (Democracy and its Critics. New Haven/London, 1989), рассматривая построение в Европе сталинской системы, считал 1948 г. годом перехода к авторитаризму – как будто там с 1945 по 1947 гг. господствовала демократия (там же, с. 235). Эта тема более не является темой политологической дискуссии. Otto Czempiel принадлежит к немногим авторам в Германии, которые по-прежнему видят в коммунизме авторитарную систему: Weltpolitik im Umbruch. Das internationale System nach dem Ende des Ost-West-Konflikts. Мьnchen, 1993 (2 изд.), s.31.

11. К различению между автономными и гетерономными политическими силами при советском тоталитаризме см.: Jerzy Maćków. Die Konstruktion politischer Stabilität. Polen und Rußland in den Umbrüchen der achtziger und neunziger Jahre. Baden-Baden, 1998, s.160ff.

12. Как в Польше 80-х годов.

13. Так десятилетия было при политических вождях и de facto государственной партии PRI в Мексике. Gary W. Wynia. The Politics of Latin American Development. Cambridge, 1996 (3 издание), p. 149. См. также там же, p.38ff.

14. Также Jerzy Maćków. Die Krise des Totalitarismus in Polen. Die Totalitarismus-Theorie als Analyse-Konzept des sowjetsozialistischen Staates. Мюнстер/ Гамбург, 1992, s.88-95.

15. Сталин во время войны апеллировал к русскому патриотизму. Он пошел даже дальше, пригласив в Кремль патриарха несколько лет упорно преследуемой русской православной церкви.

16. Эрик Хонеккер знал это, очевидно, лучше, чем Михаил Горбачев, который напрасно пытался связать социалистические характер государства и идеологию с ограниченным плюрализмом.

17. Он был, естественно, тоже идеологическим, но не в значении тоталитарной идеологии.

18. См. Maćków. Der Wandel..., s.1373f.

19. В 1951 г. Ханна Арендт видела в терроре существенный признак тоталитаризма: "...сущностью тоталитарного господства ... является террор, но не произвольный и не по правилам властного голода отдельного индивида (как в тирании), а в соответствии с внеличностными процессами и их естественными или историческими законами. ... террор в этом смысле является одновременно законом, который больше не может быть нарушен". Об этом же: Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Мюнхен, 1986, s.711.

20. Речь не о проблеме организации аппарата власти. Заметим, что при тоталитаризме тайные услуги играют большую роль, чем войска (даже режим Ярузельского в Польше 80-х годов не представляет собой исключения), в то время как при авторитаризме – вплоть до посттоталитарных авторитарных систем – армия чаще всего бывает поддержкой власти и главной силой трансформации системы. Об этом же: Felipe Agüero. Democratic Consolidation and The Military в Southern Europe and South America в: Richard Gunther/P. Nikiforos Diamandouros/Hans-Jürgen Puhle (Hrsg.), The Politics of Democratic Consolidation. Southern Europe in Comparative Perspective, Балтимор/Лондон, 1995, (s.124-165), s.128-145.

21. Сартори указывает, в частности, в чем слабость аргументации Михельса. См.: Sartori. Demokratietheorie. Darmstadt, 1992, s.156-160. Роберт Даль приходит к соглашению как с Михельсом, так и с другими теоретиками, которые рассматривают господство меньшинства как *conditio sine qua non* общества в территориально крупных странах; там же, s.265-279.

22. Смена Ленина на Сталина представляет собой редкий случай успешного перехода от одной к другой "великой" личности. Современный пример наследования при тоталитаризме – смена Ким Ир Сена на сына Ким Чен Ира.

23. Karl Loewenstein. Verfassungslehre. Tübingen, 1969 (2 издание), s.153ff.

24. Там же, s.153.

25. См. также Artur Preisner. Sozialistische Grundrechtskonzeption в: Gerrit Manssen/Boguslaw Banaszak (изд.), "Grundrechte im Umbruch: Das Beispiel von Polen und Deutschland", Берлин в 1997, s.9-17.

26. Norman Davies. Europe. A History. Oxford/New York, 1996, Appendix III/The Dictatorship of Inter-War Europe 1917-1939, p.1320.

27. О "третьей волне" демократизации говорил, как известно, сначала Сэмюэль Хангингтон (см.: The Third Wave. Democratization in The Late Twentieth Century, Norman, Оклахома, 1991). Но этот обычно цитируемый оборот весьма преждевременен даже для тех государств, где идут процессы демократизации, не говоря уже о тех, где их нет. Он внушает эмпирически не доказуемую идентичность перехода к демократии поставторитарных и посттоталитарных государств.

28. Giullermo O'Donnell. Delegative Democracy в: Larry Diamond/Marc F. Platter (Hrsg.), The Global Resurgence of Democracy, Балтимор/Лондон, 1996 (2 издание), p.94-108.

29. Там же, p.95.

30. По О'Доннеллу, народ персонифицирует президента с нацией, у него в управлении полностью развязаны руки. Там же, p.98ff.

31. Там же, p.95.

32. См. также Jerzy Maćków. Parlamentarische Demokratie und Autoritarismus. Erfolge und Mißerfolge der postkommunistischen Verfassunggebung. Гамбург, 1998, s.16.

33. Собственно говоря, Даль с помощью четко понимаемого термина полиархии хотел уточнить шаткое понятие демократии, чтобы выявить практическую относительность аналитического решения вопроса о том, достигла ли политическая система демократической сту-

пени развития (Dahl, указ соч., p.117). Даль понимает полиархию как систему, более всего приближенную к демократическому идеалу в общественной практике. Полиархия представляет собой систему, где до сих пор наиболее последовательно соблюдается (никогда полностью не выполнимый) критерий демократического процесса ("democratic process"): "effective pariticipation", "voting equality в the decisive stage", "enlightened understanding", "control of the agenda", "inclusion" (там же, p. 221ff.). В то же время в другом месте Даль делает различие между "full polyarchies", "polyarchies with minor restrictions" и "quasi- polyarchies (major restrictions)", не называя, впрочем, признаки этого различия. Там же, p.241.

34. Семь институтов – это избираемые депутаты, свободные и *корректные* ("fair") выборы, всеобщее активное избирательное право, пассивное избирательное право, свобода выражения мнения, информационная свобода, право на объединения. Там же, p.221.

35. Сверх этого там же, p.244-264.

36. Merkel, указ соч., с.33. Claus Offe говорит со ссылкой на "политологов" именно о "дефективной" демократии, см.:"Wenn das Vertrauen fehlt", в: "Die Zeit" от 9 декабря 1999 г.

37. Gunnar Myrdal. Asiatisches Drama. Eine Untersuchung über die Armut der Nationen. Франкфурт-на-Майне, 1980

38. См. Emest Gellner, "Nations and Nationalism", Ithaka/New York в 1983, p.3f. Под эту классификацию государств попадают и султанаты, которые рассматривались учеными, начиная с Вебера до Линца и Стефана Гюнтера, как самостоятельный тип форм правления (наряду с вышеназванной триадой и посттоталитаризмом). Султанат характеризуется связью общественного и частного владения правителя, отсутствием норм права, слабой институциализацией и подчинением всех подданных и институтов произволу властей. Сравните: "Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, with Reflections on Latin America and Eastem Europe" в: Günther/Diamandouros/Puhle (Hrsg.), там же, s.77-123, s.82.

39. См. также Witold Morawski. Zmiana instytucjonalna. Warszawa, 1998, p.54ff.

40. Ситуация в ГДР и Польской народной республике в 80-е годы относится, соответственно, к скрытому и открытому вариантам системного кризиса.

41. Речь идет при этом о неписаном соглашении, основанном, с одной стороны, на обязательстве общества быть послушным по отношению к государству ("государственному обществу"), с другой – на обещании власти учитывать приемлемые пожелания управляемых. Если управляемые не достигают квази-консенсуса, то возникает угроза восстановления господства открытого террора. См. также Maćków, "Die Konstruktion...", s.68ff., Anm. 94, s.70.

42. Michael Chege пишет в этой связи о шансах демократии в Африке: "Yet if we are correct that Africa's most common political problem is lack of consensus on the fundamental content of democracy and the inviolability of the most basic state institutions, then the continent's democratic activists should first and foremost cultivate a constituency that supports the content and goals of liberal governance and affirms the social benefits of following its rules" – ders., Between Africa's Extrems в: Diamond/Platter (eds.), там же , с. 350-357, с.353.

43. Концепция полиархии Роберта Даля, к сожалению, не согласуется с конституционным и правовым государством как предпосылкой полиархии, хотя при перечислении учреждений полиархии Даль, с одной стороны, подчеркивает, что контроль над политическими решениями правительства должен быть "*constitutionaly* [выделение – J.M.] vested in elected officials", с другой – отмечает право граждан обращаться к альтернативным источникам информации, которые должны быть "protected by law". Dahl, там же, p.221.

44. Huntington, там же; Adam Przeworski, Democracy and the Market. Political and Economic Reforms в Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991.

45. Huntington, там же, p.12f.

46. Linz/Stepan/Gunther, a.a. O., p.116.

47. Maćków. Der Wandel..., s.1348.

48. Это различие подчеркивалось Winfried Steffani. См. Gesellschaftlicher Wandel als Herausforderung von Demokratie und Parteien. Wiesbaden, 1997, s.223.

49. Выражение "что-нибудь еще" (something else) взято из Giullermo O'Donnell и Philippe C. Schmitter. Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies (with a foreword by Abraham F. Lowenthal). Балтимор/Лондон, 1993 (4-е издание), s.3.

50. В отличие от большинства политологов, занимающихся сравнением политических систем, О'Доннелл указывает на тесную связь демократической консолидации с институциализацией демократии.

51. Maćków. Der Wandel..., s.1364f.

52. Сегодня это делается принципиально из низких, недостойных побуждений, например, чтобы захватить новые рынки.

53. О различии между тоталитаризмом навязанным ("eingesetzt") и внутреннего происхождения см. Maćków. Die Krise..., s.78ff.

54. Владимир Пастухов. Будущее России вырастает из прошлого. Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации". // ПОЛИС, 1992, №№ 5-6, с.59-75.

55. Например, Barry Sautman. The Devil to Pay. The Debate and The Intellectual Origins of Yeltsin's "Soft Authoritarianism", в: "Communist and Post-Communist Studies", 1995, №1, p.131-151. Саутман анализирует возникшие еще при Горбачеве мысли о преобразовании Советского Союза в авторитарную систему, а также проводит аналогию между авторитаризмом южноамериканских стран и режимом Ельцина.

56. См. например: М. Н. Афанасьев. Клиентелизм и российская государственность. Москва, 1997; Владимир Пастухов. Российское демократическое движение: путь к власти. // ПОЛИС, 1992, №№ 1-2, с.8-16.

57. Как это делает В. Меркел относительно России, Болгарии, Албании и Хорватии. – a.a. O., s. 386.

Виталий СИЛИЦКИЙ,
доктор политологии (PhD), доцент Европейского Гуманитарного университета

ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ – ФАРС ИЛИ ШАНС ДЛЯ ПЕРЕМЕН?

Имеет ли смысл участвовать в выборах, организованных и спонсированных авторитарным режимом? Дискуссия на эту тему сегодня развернулась в стане белорусской оппозиции между сторонниками и противниками бойкота выборов в Палату представителей. По мнению первых, участие в таких выборах было бессмысленно, ибо в условиях тотального контроля властей и зажима свободы слова они неизбежно превратились бы в фарс. С точки зрения вторых, участие было необходимо, ибо выборы – чуть ли не единственный шанс для оппозиционных элит заручиться поддержкой общества, которая им необходима в противостоянии властям. Итоги выборов таковы, что аргументы ни одной из сторон не подтвердились в полной мере. С одной стороны, бойкот состоялся разве что в нескольких крупных городах, и говорить об акции "Бойкот-2000" как о переломном моменте в политических процессах, происходящих в Беларуси, попросту не приходится. С другой, лишь нескольким демократически ориентированным кандидатам удалось одержать победу на выборах, прошедших 15 и 29 октября 2000 года, что также не помешало изменить сложившийся в белорусской политике статус-кво. Необходимо отметить, что дилемма стояла перед демократической оппозицией в десятках стран мира, которые на протяжении последних десятилетий проходили путь от авторитаризма к демократии. Их опыт более чем уместен для понимания текущей политической ситуации в Беларуси и перспектив ее развития.

Не стоит описывать ту роль, которую играют выборы в демократическом обществе. В условиях авторитарного или тоталитарного режима выборы, как правило, носят характер пропагандистского шоу, которое призвано легитимизировать существующий режим и создать видимость его всенародной поддержки. В других вариантах выборы представляют собой возможность для правящих элит "выпустить пар" в обществе, ослабить социальную напряженность и снизить накопившееся недовольство властями путем "дозирования" демократии таким образом, чтобы обеспечить оппозиции ограниченный доступ во власть и при этом сохранить контроль над государством в своих руках (такие попытки осуществляются в рамках проектов **трансформации** или либерализации существующих режимов). Выборы могут быть и результатом заранее достигнутого компромисса между властью и оппозицией, в этом случае они являются заключительным этапом **компромиссного** перехода от диктатуре к демократии (по-английски transplacement). Наконец, известно не менее двух десятков так называемых "шокирующих выборов" или "шокирующих референдумов", которые изначально были частью одного из вышеупомянутых сценариев, но их результат (неожиданная и убедительная победа оппозиции) приводил к ускорению демократических перемен. Иногда выборы в условиях диктатуры становились катализатором (а не итогом) наиболее радикального варианта демократического перехода – **смещения** существующего режима. О "шокирующих выборах" уже написаны тонны литературы; наиболее фундаментальный анализ приведен в книге Сэмюэля Хантингтона "Третья волна: демократизация в конце двадцатого столетия". Напомним историю некоторых из них:

- Бразилия, 1974 год. На всеобщих выборах, организованных военной хунтой, оппозиция утроила свое представительство в парламенте. Хунта была вынуждена начать процесс "декомпрессии", который закончился переходом к демократии.
- Индия, 1977 год. После трех лет единоличного правления Индира Ганди (которая со времени роспуска парламента в 1974 году фактически исполняла роль диктатора) объявила о проведении парламентских выборов, которые она с треском проиграла. Ее партия впервые в истории вынуждена была уйти в оппозицию.
- Перу, 1980 год. Партия APRA, поддерживаемая военной хунтой, проигрывает президентские выборы оппозиционному Народному Альянсу. Перу переходит к демократии.
- Уругвай, 1980 год. Военная хунта проигрывает организованный ею референдум о предоставлении ей неограниченного права налагать вето на решения представительных органов власти. Хунта уходит через два года после выборов, которые она тоже проигрывает.
- Аргентина, 1983 год. В результате выборов, проведенных хунтой, побеждает Радикальная партия. Перонисты, поддерживаемые военными, терпят первое поражение в истории.
- Турция, 1983 год. На выборах, проведенным правительством военных, побеждает оппозиция. Турция переходит к демократии.
- Южная Корея, 1985 год. На выборах в парламент оппозиционная Демократическая партия завоевывает 102 из 275 мест. Оппозиция перехватывает инициативу, и переход к конституционному правлению осуществляется в течение трех лет.
- Пакистан, 1985 год. На выборах, проведенных военщиной и бойкотируемых оппозиционными партиями, неожиданно победило множество оппозиционно настроенных независимых кандидатов. Кандидаты от "партии власти" терпят массовое поражение.
- Филиппины, 1986 год. Фердинанд Маркос, правивший страной двадцать лет, проигрывает президентские выборы Корасон Акино, чей муж, лидер оппозиции, был убит по его приказу. Попытки фальсификации выборов оборачиваются массовыми протестами и падением режима.
- Чили, 1988 год. Пиночет проигрывает референдум о продлении своих полномочий и спустя два года уходит.
- СССР, 1989. На выборах на Съезд народных депутатов СССР, проводимых в условиях однопартийной системы с фильтром окружных предвыборных собраний, массовое поражение терпит партийная номенклатура. Сделан первый шаг к коллапсу коммунистической системы через два года.
- Польша, 1989 год. Оппозиция идет на выборы, где ей предложено оспаривать лишь треть из имеющихся депутатских мандатов, оставшихся две трети заранее зарезервированы за коммунистами. Наиболее радикальные правые партии объявляют подобные выборы фарсом и призывают к бойкоту. Солидарность, однако, выигрывает каждый из доступных ей мандатов, после чего коммунисты вынуждены сдать власть.
- Бирма, 1989 год. Военная хунта организует выборы и проигрывает их демократам.
- Никарагуа, 1990 год. Сандинисты терпят поражение в президентских выборах, которое положило конец их десятилетней диктатуре.
- Алжир, 1990 год. Оппозиция вчистую выигрывает парламентские выборы у Фронта Национального Освобождения, единолично правившего страной в течение двадцати восьми лет.
- Нигерия, 1992 год. Оппозиционный кандидат выигрывает президентские выборы, организованные военной хунтой.
- Сербия, 1997 год. Оппозиция выигрывает местные выборы. Попытки аннулировать результаты выборов приводят к массовым протестам, и только внутренняя грызня за лидерство среди оппозиционного бомонда позволяет Милошевичу остаться у власти еще минимум на три года.
- Черногория, 1998 год. Президент Черногории, ставленник Милошевича Момир Булатович терпит поражение от прозападного кандидата Мило Джукановича, который ставит республику на путь реформ и демократии.
- Сербия, 2000 год. Кандидат от оппозиции Воислав Коштуница победил в исторической президентской гонке, опередив казавшегося непобедимым Слободана Милошевича.

Итак, проигрыш выборов диктаторами – вещь не такая уж и исключительная. Подчеркну, речь идет о выборах, которые организованы авторитарными режимами, а не о так называемых "инаугурационных выборах", которые проводятся под контролем уже победившей в борьбе за власть или добившейся коренных перемен оппозиции. Абсолютное большинство вышеперечисленных режимов были гораздо

более жесткими и контролируемыми, чем режим, сложившийся на сегодняшний день в Беларуси. Конечно, не всегда переход к реальной демократии после подобных выборов был гладким. В некоторых случаях (Бирма, Нигерия, Алжир) подобные результаты спровоцировали новые военные перевороты и новую диктатуру. Подчас требовались десятилетия, чтобы оппозиция могла достаточно окрепнуть и победить. И все-таки – избирательный бюллетень часто оказывается более опасным оружием борьбы с авторитарными властями.

Почему диктаторы проигрывают?

Ответ на этот вопрос предельно прост. Диктаторы проигрывают по той же причине, по которой демократически избранные лидеры и правительства проигрывают выборы. Общество, недовольное существующим положением вещей, начинает искать альтернативу. В обществе, которое претерпевает процесс перемен (подстегнутых, например, экономическим ростом, как это было в странах Юго-Восточной Азии), где возникают новые социальные группы и интересы, назревает потребность в новых представительных институтах, которую диктаторские режимы удовлетворить не в состоянии. Политический режим, неспособный выполнить данные обществу обещания, теряет свою легитимность (**NB:** легитимность рассматривается здесь как социологическая категория: термин подразумевает согласие общества со сложившейся системой правления и его согласие жить по правилам игры, предложенным властью). При этом важно то, насколько способна существующая оппозиция предоставить действенную альтернативу теряющей поддержку власти. Для этого оппозиция, во-первых, должна в выборах участвовать. Во-вторых, ее программа, идеи должны быть более привлекательными для общества, чем статус-кво, за который выступают авторитарные лидеры. В-третьих, оппозиция должна создать в обществе уверенность в том, что участие в заведомо недемократичной процедуре может что-то реально изменить. Иными словами, общество должно поверить, что оппозиция способна получить больше голосов, чем власть может сфальсифицировать.

Почему диктаторы идут на выборы?

Если выборы, даже организованные по правилам, предложенным властями, могут привести к смене режима, почему диктаторы так часто их организуют? Во-первых, в диктатуре, в отличие от демократии, отсутствует механизм обратной связи общества с государством. Диктаторы живут иллюзией абсолютной подконтрольности всего и вся своей воле и часто переоценивают собственную популярность в обществе. Они, как правило, не сомневаются в своей способности одержать победу не мытьем, так катаньем, не через честные выборы, так путем фальсификаций. Во-вторых, диктаторы нуждаются в периодическом подтверждении своей легитимности как в глазах собственного общества, так и со стороны международного общественного мнения. Здесь они могут попасть в ловушку. Легитимность подразумевает следование определенным правилам игры. Легитимность на международной арене можно получить, например, только проведя выборы в соответствии с международными стандартами. Дилемму, стоящую перед властями, неплохо сформулировал один из подручных Пиночета в 1988 году: "Если наш кандидат побеждает, все будут говорить, что выборы были сфальсифицированы. Если побеждает кандидат от оппозиции, все будут говорить, что выборы были честными. Поэтому в наших интересах показать, что выборы были абсолютно честными". Сочетание первого и второго обстоятельств (переоценка властью собственных возможностей и погоня за легитимностью), как правило, и оборачивается "шокирующими выборами". Наконец, авторитарная власть может организовать более или менее свободные выборы, предвидя тактику бойкота со стороны оппозиции. Логика здесь проста. Предвидя фальсификации, оппозиция отказывается принимать участие в выборах. Поскольку основные конкуренты заранее сходят с дистанции, власть без проблем побеждает. Эффективность бойкота, как правило, оказывалась крайне низкой. Во-первых, поддержка внесистемной оппозиции подразумевает внесистемное общество. Так было в Южной Африке, где мощнейшая альтернативная режиму организация (АНС) была в состоянии сорвать организованные белыми властями выборы в специальную палату "для черных". Во-вторых, срыв бойкота – процедура гораздо более простая, чем победа над оппозицией на выборах. Все, что для этого нужно сделать, это вбросить незаполненные бюллетени в урну. Бойкот может максимум снизить легитимность власти (в маловероятном случае успеха), но не в состоянии обеспечить ее смену. Вероятность "шокирующего" исхода выборов в случае бойкота исключена по определению.

Как сделать выборы в условиях диктатуры как можно более свободными?

Позволю себе одно сравнение. Две команды выходят играть в футбол. Одна имеет перед началом игры фору. Другая играет явно сильнее. Возможности команды номер два определяются тем, составляет ли фора один-два мяча или пять-семь.

Безусловно, в роли первой команды можно представить авторитарное правительство, в роли второй – оппозицию. Каким образом возможно сокращение преимущества, которым заранее обладает власть?

Как показала практика "шокирующих выборов", вероятность более справедливых выборов возрастает при активном участии международного сообщества в процессе наблюдения и контроля за выборами, в особенности в тех случаях, когда выборы рассматриваются правящим режимом как средство собственной легитимизации. Пристальное наблюдение за выборами максимально затрудняет, а в некоторых случаях делает практически невозможным фальсификацию их результатов. В случае, если власть все-таки идет на массированные фальсификации, теряется смысл всего предприятия: надежды на признание легитимности подобных выборов не остается.

Имеет ли смысл частичная победа?

Не секрет, что выборы, организуемые авторитарными режимами, часто преследуют цель кооптировать оппозицию и таким образом присмирить ее. Иными словами, оппозиция, ввязавшаяся в игру по правилам режима и достигшая успеха, но не перехватившая инициативу полностью (например, выигравшая ограниченное количество мест в парламенте), теряет поддержку в обществе и становится зависимой от режима. Работая в системе, созданной диктатором, и пытаясь что-то изменить в ней, оппозиция неизбежно работает на укрепление этой системы. Подобный пессимизм не всегда обоснован (хотя, справедливости ради, известное "хождение во власть" г-на Дражковича в Сербии закончилось довольно плачевно). В ряде случаев оппозиция, находившаяся в меньшинстве, смогла активно лоббировать власть для достижения определенных подвижек в сторону демократии. Подобным был опыт участия во власти оппозиционных сил в Южной Корее, Бразилии (расширение полномочий парламента, подготовка действительно свободных выборов), Южной Африке (отмена некоторых расистских законов еще в конце 1980-х гг.). Самое важное, участие в выборах давало возможность оппозиции почти беспрепятственно вести пропаганду и расширять свою политическую базу. Безусловно, в этом случае она обрекала себя на длительную и мучительную работу, плоды которой могли созреть только в будущем. Однако очень часто бывает, что некоторые вещи меняются не так быстро, как хотелось.

Выводы

Опыт огромного количества демократических трансформаций показывает, что победить авторитарный режим, играя по его правилам, в принципе возможно. Иногда (в том случае, если оппозиция не в состоянии навязать режиму свои правила игры), это может быть единственно возможным вариантом перемен, хотя возможности его осуществления чрезвычайно ограничены обстоятельствами. Например, демократам легче победить на выборах, организованных диктаторскими режимами, в том случае, если политическая система подверглась некоторой либерализации, что обеспечивает оппозиции большую свободу действий. Так, демократы в Югославии имели доступ к электронным средствам массовой информации, и даже в Чили перед референдумом 1987-го года оппозиции было предоставлено 15 минут ежедневного прямого эфира на национальном телевидении. В то же время даже менее удачный исход выборов, проводимых в более затруднительных для оппозиции условиях, может положить начало процессу либерализации политического режима и институционализировать оппозицию в его рамках. В более либеральном политическом контексте шансы последней на успех неизмеримо возрастают. Поэтому отметать с порога выборы (в каких бы условиях они ни проводились) как возможный вариант борьбы за демократические перемены – просто неразумно.

Потребность перемен в обществе в конце 80-х гг. сделала модной революционную риторику. Это не позволило политикам-демократам различных идеологических направлений воспринять развитие белорусского общества как органически развивающийся процесс, определить собственную национальную идентичность и специфику переживаемого момента исходя из отечественной истории. Большинство – БНФ и их союзники – апеллировало к литовской, латышской, эстонской, польской, чешской и даже русской действительности, к героическому прошлому Беларуси и не замечало, что их родная страна является самой советской из всех республик европейской части СССР. Меньшинство в стане тогдашних демократов, организационно не оформившееся и не имевшее ярко выраженного лидера, понимало, что путь Беларуси к демократии и рынку может лежать только через выработку собственного политического проекта развития страны, который не должен походить ни на какой другой. И если проект большинства, в основе которого лежала национальная идея, был достаточно проработан, то проект меньшинства, базировавшийся на ценностях открытого общества, оказался в то время неконкурентоспособным и, как следствие, невостребованным. Актуальность разработки подобных проектов не исчезла, а, может быть, даже возросла. Осмысление событий конца "перестройки" и первых лет после обретения независимости через призму "белорусскости" методологически важно не только для анализа допущенных ошибок, но и для неповторения их в будущем. Поэтому в рубрике "Архив: выбор пути. Начало 90-х" редакция решила опубликовать интервью со Станиславом Шушкевичем и Зеноном Пазьняком, которые в начале 90-х годов являлись лидерами не только оппозиции в Верховном Совете XII созыва, но и двух направлений в демократическом движении.

"ГІСТОРЫЯ МЯНЕ АПРАЎДАЕ"?..

Станіслаў Шушкевіч і Зянон Пазьняк – безумоўныя лідэры дэмакратычнай дэпутацкай фракцыі ў новым Вярхоўным Савеце. Але першы яе называе ня фракцыяй, а плыньню і спадзяецца на добрую волю й розум большасьці дэпутатаў. Другі – толькі на сябе, вялікую ідэю незалежнасці і народ. У гэтым яны разыходзяцца прынцыпова. Для таго, каб адлюстраваць абодва пункты погляду, намі быў абраны рэдкі і хутчэй тэлевізійны жанр – контрвію.

***"Навіны":* Паняцьце "перабудова" дарэшты размытае. Нават пад антыперабудоўчымі сіламі цяпер кожны разумее сваё. Скарыстаемся метафарай "далучэньне да чалавецтва". Хто і што стаіць за зараз на гэтым шляху для Беларусі?**

С. Шушкевіч: Гэтая метафара мае сваю логіку. Чалавецтва сапраўды дасягнула таго, пра што мы можам толькі марыць. Хаця я лічу, што і тэрмін "перабудова" нядрэнны. Вядома, існуе шмат анекдотаў, што няма чаго перабудоўваць. Так, Беларусь даўно ня мела сваёй палітыкі і сваіх палітыкаў. Мы заўсёды на некага глядзелі, накага слухаліся і паўтаралі кепскія ўзоры. Напэўна, нам і сапраўды няма чаго перабудоўваць. Мы маем цяпер кіраўнікоў, якіх, бадай, і немагчыма перабудаваць. Патрэбная новая жывая плынь і новыя людзі. На гэтым шляху стаіць аппарат, які валодае ўладай і ня хоча нічога, апрача касьметычных мераў.

Але ня толькі таму нам будзе цяжка далучацца да чалавецтва. Мы ня ведаем і не ўсьведамляем таго, што адбываецца ў цывілізаваным сьвеце. У гэтым сэнсе ўсе мы – ахвяры савецкай прапаганды, якая ўсхваляла перавагу нашай сістэмы над усімі астатнімі. Па-ранейшаму многія з нас перакананыя, што жывуць лепш за іншых. Гэтая недасьведчанасьць людзей сёньня робіцца галоўнай перашкодай.

З. Пазьняк: Перабудова па-рознаму асэнсоўваецца рознымі пластамі грамадзтва. Сам Гарбачоў разумее яе як мадэрнізацыю існай сістэмы і ўмацаваньне ўнітарнай дзяржавы. Дэмакратычныя сілы ж выступаюць за вяртаньне да здаровага сэнсу і вечных чалавечых каштоўнасьцяў, зьнішчаных камунізмам: да незалежнасьці, нацыянальных традыцыяў, гуманізму, маралі, нармальных эканамічных законаў і прыватнай уласнасьці. Я зыходжу з таго, што савецкая сістэма знаходзіцца ня ў крызісе, які можна пераадолець, а ў тупіку, зь якога ў цывілізацыю можна вярнуцца адным шляхам – назад.

Мы не асэнсоўваем сябе культурнай нацыяй. Адсутнасьць нацыянальнай сьвядомасьці й гістарычнай памяці не дазваляе нашаму народу вылучыцца як індывідуальнасьці. Адсюль палітычная пасіўнасьць і няздольнасьць прэтэндаваць на актыўную ролю ў гістарычным працэсе.

***"Навіны":* Што сёньня ўяўляе сабой дэмакратычная фракцыя?**

С. Шушкевіч: Перш за ўсё я не называў бы гэта фракцыяй. Гэта ініцыятыўная група дэпутатаў, якія, дарэчы, прытрымліваюцца досыць розных поглядаў. Але за гэты час зробленая вельмі вялікая работа. Праведзены папярэдні шырокі абмен думкамі па ўсіх пытаньнях, што дазволіць не губляць час на сесіі. Знойдзеныя агульныя кірункі работы і нават некаторыя рашэньні, якія б задаволілі людзей розных поглядаў. У выніку цяперашняя сесія мусіць выглядаць нашмат больш кваліфікавана. Апрача таго, была выпрацаваная і платформа. Некаторыя дэпутаты выказалі думку, што на падставе гэтай платформы можа быць зроблены яшчэ адзін дакумент, да якога далучыцца большасьць дэпутатаў.

З. Пазьняк: Ёсць элементарныя законы палітычнай барацьбы. Фракцыя ня можа ўтварыцца на аснове групы дэпутатаў, якія ня маюць за сваімі плячыма ніякай рэальнай палітычнай структуры. Калі фракцыя знаходзіцца ў меншасьці, яе перспектыва толькі ў тым, каб мець падтрымку моцнай палітычнай арганізацыі.

Дэмакратычная фракцыя БНФ вельмі невялікая – платформу падпісала толькі 22 чалавекі. Яна склала грунт дэпутацкага руху "Дэмакратычная плынь". 14 мая напярэдадні сесіі на аснове "Дэмакратычнай плыні" быў створаны "Дэмакратычны дэпутацкі клуб", задача якога – згуртаваць дэмакратычных дэпутатаў па шырокіх і найбольш агульных пытаньнях, каб эфектыўна ўзаемадзейнічаць на сесіі. Група БНФ прыняла адпаведную тактыку, якая пакуль сябе апраўдвае. Пры пасьпяховай працы колькасьць дэмакратычна настроеных дэпутатаў у Вярхоўным Савеце можа праз нейкі час дасягнуць паловы. Але, бадай, ня болей. Асноўныя цяжкасьці ў невысокім палітычным узроўні дэпутатаў. Некаторыя зь іх, апынуўшыся тут, трохі разгубіліся. Відаць, яны падтрымлівалі выбарчую Платформу "Галасую за Беларусь!" на словах, абы прайсьці. Людзі, як кажуць, са сваімі слабасьцямі.

***"Навіны":* Якой глыбіні палітычны кампраміс можа дазволіць сабе апазіцыя ў цяперашняй сітуацыі?**

З. Пазьняк: Таго, хто ідзе зараз на супрацоўніцтва з апаратам, асабліва на грунце нейкіх суб'ектыўных стасункаў, чакае глыбокае расчараваньне. Я ведаю багата людзей, якія ў 1970-я гады шмат энергіі аддавалі хаджэньням у інстанцыі, перамовам з рознымі начальнікамі (той добры, у таго някепскі характар) і ўрэшце дамагаліся нейкай драбноты. Згубіўшы шмат здароўя і часу. Гэта і называецца палітычны ідэалізм. Зараз мы павінны весьці гаворку не пра драбноту, а пра дзяржаўныя задачы: пра ўладу, якую апарат зрабіў сваёй прыватнай уласнасьцю. Нават у праблеме Чарнобыля мы хутчэй за ўсё ня знойдзем зь імі агульнай мовы, бо паўстане пытаньне аб адказнасьці за хлусьню. Яшчэ паўгода таму яны забаранялі "Чарнобыльскі Шлях", запрашалі аркестры на "Гадзіну маўчаньня", судзілі. І зараз праводзяць шоў на стадыёне, даюць кругом аб'явы, а тут жа судзяць Юрыя Хадыку за "Чарнобыльскі Шлях". У апарату маралі няма. Справа тут у сістэме, якая жыве сваімі аб'ектыўнымі законамі. Які б добры ні быў чалавек, у сістэме ён будзе ісьці, як кот па жэрдачцы.

С. Шушкевіч: Мы з вамі па-рознаму ставімся да апарату. Там нямала кепскіх людзей, але многа і станоўчых, зь якімі можна працаваць дзеля народу. Яны ставяць перад сабой такія ж мэты, як і БНФ, прабачце. У вас ёсьць тэорыя, канцэпцыя і г.д. А яны проста хочуць зрабіць лепей, але часам ня ведаюць як. Да таго ж, у структуры дэмакратычнага цэнтралізму яны падпарадкоўваюцца верхнім пластам апарату, дзе ў нас, на жаль, малавата шляхетнасьці, тактоўнасьці ды й розуму.

«Навіны»: У гэтай сувязі трошкі астралагічнае пытаньне. Праўленьне Яфрэма Сакалова ня можа быць вечным, рана ці позна яно скончыцца. Гэта будзе мірная пенсія, адстаўка пад націскам грамадзкага руху, загад з Масквы, інтрыга тутэйшага ЦК?

С. Шушкевіч: За ўвесь час свайго праўленьня гэты кіраўнік не прыняў ніводнага рашэньня, якое можна было б назваць мудрым. Ягонае імя асацыюецца зь вельмі непапулярнай палітыкай. Толькі сёньня мы загаварылі пра дапамогу ахвярам Чарнобыля на ўзроўні ўраду і на ўзроўні ААН. Усе папярэднія гады рэспубліканскае кіраўніцтва выступала толькі ў якасьці суцяшальнікаў. Сакалоў робіць усё, каб захавацца на першым месцы, падбіраючы ў сваё акружэньне яшчэ больш непапулярных асоб, чым ён сам. Мяркую, такое становішча можа працягвацца толькі да бліжэйшага зьезду КПБ. У мяне нават не ўзьнікае думкі, што ён можа быць абраны паўторна.

З. Пазьняк: Праўленьне гэтай асобы характарызуецца ня толькі нягнуткасьцю і кансерватызмам у цэлым у Рэспубліцы, але і ў межах уласнай партыі. Красамоўны прыклад – стаўленьне да «Дэмакратычнай платформы». Палітыка Сакалова вядзе да канчатковай самаізаляцыі КПБ. Інакш яны ня ўмеюць:ісьці адной лініяй, душыць і ўпарта стаяць на сваім. Тут магчымасьцяў для нейкай талеранцыі я ня бачу. Апрача таго, адсутнасьць мудрых рашэньняў – гэта сіла, а ня слабасьць Сакалова. Такі ён выгадны Маскве. Як салдат, ён выканае любы загад і любы намёк. Апарат існуе па сваіх ірацыянальных законах – там ня дзейнічае фактар інтэлектуальнага адбору.

Кансерватыўная палітыка прывядзе да хуткага росту народнай незадаволенасці. У такой сітуацыі дэмакратычнай фракцыі неабходна наладзіць жывы кантакт з выбаршчыкамі, з прадпрыемствамі, з «вуліцай». Трэба арганізоўваць паралельныя структуры, камітэты, пашыраць грамадзкі ўплыў праз дэпутатаў мясцовых саветаў. З часам адпаведныя формы грамадзкага націску будуць знойдзеныя, і тады апарату ў сьпешным парадку давядзецца рабіць нейкія перастаноўкі і адпраўляць свайго лідэра ў адстаўку. Гэта найбольш верагодны варыянт.

«Навіны»: Якія, на вашую думку, персьпектывы ў сацыялізму і марксізму-ленінізму – наогул, і на Беларусі ў праватнасьці?

З. Пазьняк: Гэта страшная хвароба чалавецтва, якая грунтуецца на ўтапічных поглядах і антынавуковых канцэпцыях. Гісторыя даказала нежыцьцёвасьць гэтай ідэалогіі і практыкі. У Еўропе сітуацыя з камунізмам ужо ясная. Там, дзе культура заснаваная на самакаштоўнасьці чалавека і народу, сацыялізм ня мае ніякай перспектывы. У азіяцкай сістэме ментальнасьці, калі адбываецца нівеліроўка асобы, сацыялізм як таталітарная сістэма (гэта аб'ектыўна вынікае з адмаўленьня прыватнай уласнасьці, рынку, таварнай вытворчасьці і г.д.) мае большыя магчымасьці для існаваньня. Тут вам і Карэя, і Віетнам, і Кітай, і Куба. Што датычыцца Беларусі, дык пытаньне краху камунізму ў нас – гэта пытаньне часу. Але бяз гэтага краху ні пра якую незалежнасьць, ні пра які гуманізм і дэмакратыю ня можа быць і гаворкі. Цывілізацыя проста загіне.

С. Шушкевіч: Я разглядаю марксізм як частку грамадзкіх навук, філасофіі наогул. Ленінізм – гэта разьвіцьцё марксізму. Але прабачце, чаму мы ўсё павінны рабіць на тым тэарэтычным грунце, канчатковая распрацоўка якога завершаная 70 год назад (у пазьнейшы час ішло толькі падпарадкаваньне тэорыі наяўным рэжымам). Зараз наш камунізм фігуруе ў анекдотах і жартах. Маўляў, спачатку трэба было паспрабаваць на сабаках. Але я ня ўпэўнены, што таталітарызм і адсутнасьць прыватнай уласнасьці абавязковыя крытэрыі сацыялізму. Гэта толькі наша трактоўка. Мяркую, што можа быць і іншая. Заўважце, што перабудова адразу дакляравала перавагу агульначалавечых каштоўнасьцяў над класавымі. Карацей, мы павінны ўлічваць гэтае вучэньне, але абапірацца толькі на яго нельга і ня трэба.

«Навіны»: Ці павінная Беларусь свае надзеі на перамены і свой далейшы лёс ставіць у залежнасьць ад Масквы, або прыйшоў час шукаць свой шлях?

З. Пазьняк: Час шукаць свой незалежны шлях прыйшоў даўно. І ён быў знойдзены яшчэ 71 год таму. Але ў 1918 годзе аддзеламі Чырвонай арміі Беларусь была акупаваная, а ўрад Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) быў вымушаны эміграваць. Беларусі так і не ўдалося выйсьці зь імперскай геапалітычнай сферы. Бальшавіцкая імперыя стала сапраўдным спадкаемцам імперыі Раманавых. Цяперашні стан нацыянальнай катастрофы толькі ілюструе, што ў імперыі мы заўсёды зьяўляліся і зьяўляемся аб'ектам асаблівай палітыкі. Каланіяльная эканамічная палітыка 19 ст., зьнішчэньне вуніі, забарона мовы і самой назвы Беларусь маюць генетычную сувязь са страшным генацыдам 1920-40-х гадоў і палітыкай дэнацыяналізацыі ў галіне культуры. Пакуль нашае грамадзтва не ўсьвядоміць, што адзінае выйсьце – гэта дзяржаўны суверэнітэт Беларусі і незалежнасьць ад СССР, да таго часу над народам будзе стаяць прывід сьмерці.

Да такога кроку падводзіць нашая вялікая бяда – Чарнобыльская катастрофа. Яна паставіла пытаньне незалежнасьці як пытаньне сацыяльнае. Прыняцьце саюзнай праграмы ў такім выглядзе і апошнія 6 месяцаў усёй гэтай цяганіны ў Вярхоўным Савеце СССР засьведчылі поўную абыякавасьць Масквы да лёсу беларускага народа. Кожны год мы выплочваем, так бы мовіць, кантрыбуцыю ў 6 мільярдаў рублёў, значную частку нашага нацыянальнага даходу. Каб гэты даход пасьля Чарнобыля заставаўся ў Рэспубліцы, яна б даўно мела тыя 18 мільярдаў на ліквідацыю.

Вялікай сілай зьяўляецца сама ідэя. Справядлівую ідэю людзі зразумеюць і падтрымаюць. Калі ж мы будзем зыходзіць толькі з таго, што ў нас нешта слабавата, і маўчаць, мы ніколі ня станем незалежныя.

С. Шушкевіч: Безумоўна, нам трэба выпрацоўваць сваю палітыку. Калі мы будзем толькі падпарадкоўвацца Маскве і рабіць тое, што загадаюць, мы будзем жыць так, як жылі, і лепей жыць ня будзем. Усё, што знаходзіцца на тэрыторыі Рэспублікі, павінна належаць народу, які тут жыве. Трэба забяспечыць сапраўдны суверэнітэт рэспубліканскай заканадаўчай і выканаўчай улады. Але я прыхільнік больш лагоднага падыходу: частку функцыяў (ахова межаў, абарона, некаторыя пытаньні дзяржаўнай бясьпекі) сёньня зручней перадаць цэнтру. Што перадаць, павінен вырашыць народ.

Ёсць такія моманты ў палітыцы, калі неабходна ўстрымацца з абнародаваньнем некаторых палажэньняў. Хачу прывесці прыклад з кнігі Фідэля Кастра «Гісторыя мяне апраўдае» (няважна, што зараз нельга толькі добрым чынам ставіцца да гэтай асобы). У кнізе супастаўляюцца пытаньні стратэгіі і тактыкі. Як кубінскім камуністам удалося навязаць сваёй каталіцкай краіне сацыялістычны лад? Гэта ж была амаль немагчымая задача! Зь меркаваньняў тактыкі яны не выстаўлялі такіх лозунгаў, пакуль не здабылі сабе падтрымкі большасьці народу. Гэтак і ў нашым грамадзтве. Сацыяльныя сілы, якія падтрымліваюць ідэю незалежнасьці, таксама павінны складаць або большасьць, або хаця б наблізіцца да паловы. Сёньня палова нашага народу сьвядома на такі шлях ня пойдзе.

Шлях Беларусі да сапраўднай дзяржаўнасьці па-за межамі СССР можа пралягаць толькі праз пераходны перыяд. Вялікую ідэю трэба мець, але спачатку неабходна падрыхтаваць сьвядомасьць людзей, зрабіць хоць нейкія крокі ў кірунку сапраўднай федэрацыі і канфедэрацыі. Такія крокі, на маю думку, сёньня можа падтрымаць большасьць дэпутатаў. Трэба дэмакратызаваць абставіны, у якіх мы жывем, прыняць законы аб партыях, аб грамадзянстве, аб уласнасьці, аб зямлі, аб сацыяльнай абароненасьці. Гэта прымальна для пераходнага перыяду і таксама можа быць падтрымана большасьцю. У парламенце будзе дзейнічаць дэмакратычная фракцыя, якая безумоўна паўплывае на сьвядомасьць многіх дэпутатаў. Зрэшты, я не выключаю, што магу быць у гэтым пытаньні ідэалістам, бо прыйшоў у палітыку толькі год таму.

З. Пазьняк: Гэтыя разважаньні настолькі блізкія па форме да пазіцыі БНФ у Вярхоўным Савеце і настолькі розныя па сутнасьці, што мушу ўдакладніць. Мы разглядаем пераходны перыяд толькі як сродак дасягненьня незалежнасьці. Зрэшты, абставіны могуць скласьціся так, што такога перыяду можа і ня быць. У любым выпадку мэту трэба акрэсьліць адразу, каб не пладзіць у народа шкодныя ілюзіі аб «сапраўднай федэрацыі» і да т.п. Яшчэ адно пакаленьне з такімі ілюзіямі – і мы, беларусы, зьнікнем як народ з твару зямлі.

Запісаў Алесь СУША

***

Ад рэдакцыі: *Марна прагназаваць, ці атрымаецца з гісторыі адвакат. А вось судзьдзя будзе няўмольны. Ды што будзе, – ёсьць! 16 траўня, на другі дзень работы, сесія Вярхоўнага Савету БССР забалатавала прапанову ўключыць у парадак дня пытаньне аб рэгістрацыі БНФ. А яшчэ праз два дні апарат зрабіў сваю першую і адзіную саступку – пост «1-га намесьніка Дзямянцея» удалося заняць Станіславу Шушкевічу. І тое – найперш дзякуючы націску той жа «вуліцы».*

Упершыню апублікавана ў газэце:
Навіны Беларускага Народнага Фронту «Адраджэньне»,
1990 г., №3, 27 траўня.
У публікацыі захавана мова арыгінала

После выхода «Адкрытага грамадства» (№1(7), 2000) редакция получила интересное письмо из Гомеля от члена ОО «Фонд «Открытое общество» Юрия Воронежцева, бывшего народного депутата СССР. В письме он сообщает, что с интересом ознакомился с материалами номера по проблеме «Какой быть Беларуси: парламентской или президентской?» и предложил опубликовать в рамках обсуждения этой темы статью лидера БНФ Зенона Пазьняка «Чаму наменклатура за прэзідэнта», которая была напечатана в «Народной газете» в 1991 году. Ознакомившись со статьёй, редакция согласилась с предложением Воронежцева. В статье наиболее полно изложена точка зрения крупнейшей в то время оппозиционной силы – Белорусского народного фронта – на проблему введения института президента. Это позволит читателю более полно представить картину политической борьбы, которая развернулась тогда в обществе по вопросу президентства.

Кроме этого, в рубрике «Возвращаясь к напечатанному» редакция решила опубликовать «Заявление партийной группы коммунистов Верховного Совета Белорусской ССР». Его нам также прислал Ю.Воронежцев. Это Заявление было реакцией коммунистического большинства тогдашнего Верховного Совета на образование летом 1991 года депутатской группы «Коммунисты за демократию», созданной по инициативе Александра Лукашенко (см.: «Адкрытае грамадства», 2000, №2(8), с.41-43).

ЧАМУ НАМЕНКЛАТУРА ЗА ПРЭЗІДЭНТА

Набліжаецца да завяршэння 4-я сесія Вярхоўнага Савета БССР, якую, прабачце за вобразнае параўнанне, я назваў бы сесіяй партыйнай дэградацыі. Дэградацыі, перш за ўсё, палітыкі КПБ у Вярхоўным Савеце, калі нават у іхнім «маналітным адзінстве» пачаўся раскол.

Перад гэтым па Беларусі пракацілася хваля рабочых забастовак, дзе рабочымі былі выстаўлены асноўныя палітычныя патрабаванні, якіх ужо трэці год дамагаецца Беларускі Народны Фронт, – аб суверэнітэце Беларусі, дэпартызацыі вытворчасці, прававых органаў, вяртання нарабаванай маёмасці КПСС народу, дэмакратызацыі ўлады, выхаду з эканамічнага паралічa, пераходу да рынку і г. д.

Забастоўкі і патрабаванні разглядзець дамаганні рабочых на сесіі Вярхоўнага Савета моцна напалохалі камуністычную наменклатуру і асобных камуністаў, што выехаўшы на спіне БНФ у Саветы, разыгрывалі з сябе дэмакратаў «на 95 працэнтаў». Забастоўкі ўсё паставілі на месца – «дзевяностапяціпрацэнтнікі» перакінуліся на сто працэнтаў да наменклатуры, якая, як вядома, на недахоп халуёў ніколі не скардзілася.

Аднак партыйная наменклатура і былыя дзевяностапяціпрацэнтныя «дэмакраты» зусім не думалі хаця б часткова выконваць патрабаванні рабочых. За кароткі час быў складзены план ціхага дзяржаўнага перавароту і зацверджаны ў павестцы дня 4-й сесіі, нягледзячы на супраціўленне дэпутацкай апазіцыі Народнага Фронту. У аснове падрыхтоўкі перавароту – пакет антыканстытуцыйных, проціпраўных законапраектаў, якія меркавалі прыняць, як заўсёды, пад сілавым націскам наменклатурнай большасці, шляхам ашуканства і грубых парушэнняў рэгламенту. Ставілася задача стварыць бачнасць заканадаўчай базы для ўсталявання наменклатурна-камуністычнага дыктатарскага рэжыму на Беларусі. Галоўнымі з гэтага пакета з'яўляюцца законапраекты «Аб прававым рэжыме надзвычайнага становішча», «Аб пераразмеркаванні паўнамоцтваў паміж вышэйшымі дзяржаўнымі органамі Беларускай ССР» і «Аб заснаванні пасады прэзідэнта Беларускай ССР». Ва ўсіх гэтых законапраектах прадугледжаны грубыя парушэнні правоў чалавека з боку дзяржаўных структур. Бяспраўе прапануецца ўвесці ў ранг закона. Рухавіком задумы, які ажыццёвіць план, павінна стаць прэзідэнцкая ўлада.

Справа ў тым, што ў тых сацыяльна-палітычных варунках, што існуюць зараз на Беларусі, прэзідэнцкая ўлада аўтаматычна вядзе да магчымасці адміністрацыйна-партыйнай дыктатуры. Нельга параўноўваць Беларусь з Расіяй, дзе ёсць беспартыйны лідэр, надзелены дэмакратычнай уладай і паўнамоцтвамі, дзе неабходнасць прэзідэнцтва вынікала з перыпетый палітычнай барацьбы паміж Гарбачовым і Ельцыным, паміж магчымасцямі дэмакратычнай Расіі і аўтарытарна-таталітарным СССР (Цэнтрам), паміж магчымасцю суверэннай Расійскай Федэрацыі і унітарным Савецкім Саюзам. Вось па гэтай лініі падзелу з глыбіні дэмакратычнага руху і ўсплыло прэзідэнцтва ў Расіі і было падтрымана народам, бо аб'ектыўна спрыяе суверэнітэту і дэмакратыі ў РСФСР.

Прэзідэнцтва ў Беларусі ўсплыло як ідэя партыйна-апаратная ў выніку жаху партыйнай бюракратыі і бездапаможнасці перад размахам дэмакратычнага рабочага руху, усплыло як апошні шанц вярнуць і сцвердзіць былы абсалютызм улады КПБ праз прэзідэнцкія формы праўлення.

І сапраўды. Што перашкаджала Савету Міністраў, Вярхоўнаму Савету БССР, прэм'еру В.Кебічу ажыццяўляць сваю ўладу, спраўджваць свае законы, рабіць дэмакратычныя пераўтварэнні, рухацца да рыначнай эканомікі, да выхаду з крызісу? Што? Уся ўлада ў іхніх руках. Усюды камуністычная «падаўляючая большасць». Яна магла прыняць любы закон, любое рашэнне. І прымала, і вырашала, і рабіла, што хацела, і не збіралася ўводзіць пасаду прэзідэнта. Пакуль не адчула, як пад энергіяй народнага рабочага руху захісталіся крэслы і наменклатурная верхавіна. Вось тут і пачалі ратавацца, марыць пра моцную прэзідэнцкую руку і надзвычайныя паўнамоцтвы, дэмагагічна абгрунтоўваючы свой кармушачны страх інтарэсамі народа і «Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі».

Уся структура кіравання на Беларусі з верху да нізу наскрозь партыйна-наменклатурная. Камуністычны апарат поўнасцю ці амаль поўнасцю кантралюе выканаўчую і савецкую ўладу, прэсу, радыё, тэлебачанне – усе сродкі масавай інфармацыі. Наша рэспубліка – гэта, вобразна кажучы, запаведнік камунізму. Цэлыя групы, слаі насельніцтва (напрыклад, сяляне-калгаснікі) поўнасцю сацыяльна залежныя ад камуністычнай адміністрацыі, творыцца шмат бяспраўя, беззаконня.

У такіх варунках выбраць свайго «прэзідэнта» наменклатуры будзе няцяжка. Нядаўні ашуканцкі фарс з «рэферэндумам» добра тое пацвярджае. Калі ж недзе надарацца цяжкасці – пойдуць напралом, топчучы законы і мараль, выкарыстаюць і галасы чужога войска, і фальсіфікацыі, і ўсе сродкі, што апраўдваюць іхнія мэты. Камуністы заўсёды так рабілі. Успомнім выбары ў Саветы.

Для нармальнага функцыяніравання прэзідэнцкай пасады неабходны перш за ўсё прафесійны дэмакратычны парламент, які з'яўляецца процівагай уладзе прэзідэнта і кантралюе яго. Добра, калі існуе грамадзянская супольнасць і дэмакратычныя інстытуты кантролю за функцыямі кіравання, калі жывуць традыцыі шматпартыйнасці, дзейнічаюць спелыя палітычныя партыі. Неабходна адпаведная вертыкальная структура прадстаўнічай і выканаўчай улады, а не яе імітацыя ў выглядзе Саветаў і іх органаў. Неабходна замацаванне гэтай структуры ў Канстытуцыі Беларусі, патрэбны закон аб грамадзянстве, аб муніцыпальным кіраванні. Усё гэта распрацавала апазіцыя БНФ, і ўсе гэта было адкінута наменклатурнай большасцю Вярхоўнага Савета.

Калі ж усяго гэтага няма, а існуе толькі партыйна-савецкая сістэма адміністравання пад кантролем і кіраўніцтвам ЦК КПБ – выбранне прэзідэнта з усімі яго паўнамоцтвамі аўтаматычна адчыняе магчымасці да дыкта-

туры яго асобы і карпарацыі, што за ёй стаіць. Адным словам, з'яўляецца рэальная магчымасць вяртання да абсалютнай улады першага сакратара ЦК КПБ, або крэатуры ЦК, толькі праз інстытут прэзідэнцтва з бачнасцю фармальнай легітымнасці і законнасці.

А зброя да новага дыктатарскага рэжыму камуністычнай наменклатуры ўжо падрыхтавана. Гэта законапраект "Аб пераразмеркаванні паўнамоцтваў паміж вышэйшымі дзяржаўнымі органамі", дзе функцыі Вярхоўнага Савета перадаюцца яго Прэзідыуму, і законапраект "Аб прававым рэжыме надзвычайнага становішча", які ў поўным сэнсе антынародны.

Трэба заўважыць, што ў цяперашніх варунках на Беларусі нават дэмакратычны прэзідэнт, калі б раптам ён быў выбраны (што практычна выключаецца), не змог бы правесці ніякіх рэформ. Яны захлынуліся б у партыйна-бюракратычным балоце Вярхоўнага Савета, Саўміна і ва ўсіх органах так званай савецкай улады. А ўсе свае грахі камуністы пастараліся б зваліць на гэтага дэмакратычнага прэзідэнта і абвінавацілі б у пагаршэнні жыцця дэмакратычны народны рух. Гэта быў бы, як кажуць, прэзідэнт-камікадзэ.

Рэальнай альтэрнатывай наменклатурнаму "прэзідэнцтву" можа стаць прафесійны дэмакратычны парламент. Пакуль што Беларусі трэба ісці па шляху парламенцкай рэспублікі. Яна да гэтага больш падрыхтаваная. Акрамя таго, такі шлях гарантуе дэмакратыю на Беларусі, развіццё рэформ, сацыяльныя перамены, рэалізацыю правоў чалавека, паступовую дэпартызацыю вытворчасці, арганізацый, установ, прававых органаў, палітычную дэманапалізацыю грамадства. Ён стасуецца з нашай палітычнай мэтай – незалежнай суверэннай Беларуссю як бяз'ядзернай зонай і нейтральнай дзяржавай. Найбольш верагодны шлях да прафесійнага парламента – нечарговыя выбары.

Аднак прэзідэнцтва патрэбна наменклатуры не праз паўгода, не праз год, а цяпер, неадкладна. Яна баіцца восені. Бо ведае, якое жыццё падрыхтавала свайму народу. Таму ў законапраекце прадугледжана, што першы прэзідэнт выбіраецца на сесіі Вярхоўнага Савета. На сесіі ж цяперашняга Вярхоўнага Савета, калі ЦК загадае, можна выбраць прэзідэнтам нават каня, не тое што першага сакратара.

Тым не менш гэтае палажэнне законапраекта пры галасаванні пакуль не прайшло. Большасць прагаласавала за ўсенароднае выбранне. Я кажу "пакуль", бо пытанне пра заснаванне пасады прэзідэнта на Беларусі з'яўляецца канстытуцыйнай нормай і будзе прынятае толькі тады, калі за адпаведную папраўку ў Канстытуцыю прагаласуе 2/3 дэпутатаў. (Дарэчы, камуністычны друк поўнасцю дэзінфармаваў грамадскасць рэспублікі, паведаміўшы, што пытанне з прэзідэнцкай пасадай ужо вырашана.) Наменклатуры неабходна правесці канстытуцыйную папраўку аб прэзідэнцтве. У ход пушчана хітрая дэмагогія, мэта якой – стварыць у тых дэпутатаў, што выступаюць за выбранне прэзідэнта ўсім народам, а не на сесіі, перакананне, што папраўка ў Канстытуцыю гарантуе гэтае палажэнне.

І шмат якія дэпутаты не разумеюць, што, як толькі будзе прынята папраўка ў Канстытуцыю аб пасадзе прэзідэнта і аб выбранні яго ўсенародным галасаваннем, партгрупа тут жа правядзе звычайным галасаваннем палажэнне ў закон аб выбранні першага прэзідэнта на гэтай сесіі. Прыёмы і метады добра вядомыя. Тут і перагаласаванне, і пастаноўка на галасаванне фармальна змененай папраўкі пра выбранне першага прэзідэнта, і іншыя магчымасці, пра якія наменклатура добра ведае. У выніку ўсе дэпутаты, хто паверыць, будуць проста абдураны.

Таму дэпутатам належыць быць вёльмі ўважлівымі. Але не прайграць у гэтай наменклатурнай гульні можна толькі тады, калі тыя дэпутаты, што стаяць за прэзідэнта, выбранага ўсенародна, і супраць выбрання на сесіі, не прагаласуюць за папраўку ў Канстытуцыю аб увядзенні пасады прэзідэнта на Беларусі. Калі ж гэтыя дэпутаты, наіўна паверыўшы, прагаласуюць за папраўку – яна можа набраць 2/3 галасоў і пройдзе. Тады можна не сумнявацца, што прэзідэнта прапануюць выбраць зараз жа на гэтай сесіі.

Што датычыць апазіцыі Народнага Фронту, то яна, як было аб'яўлена, не галасуе ні за якія прапановы аб прэзідэнцтве і не ідзе ні на якія перамовы з партгрупай па гэтым пытанні.

У апошні момант наменклатура распаўсюдзіла новы тэкст законапраекта "Аб пераразмеркаванні паўнамоцтваў паміж вышэйшымі дзяржаўнымі органамі БССР". Працытую, чаго яны дамагаюцца:

"Предоставить Президиуму Верховного Совета Белорусской ССР право:

– вносить в случае необходимости изменения в действующие законодательные акты Белорусской ССР;

– давать толкование законов Белорусской ССР;

– отменять решения областных и Минского городского Советов народных депутатов в случае несоответствия их закону;

– производить необходимые изменения в структуре Совета Министров БССР;

– вносить изменения в состав Верховного Суда Белорусской ССР, областных и Минского городского судов, Высшего хозяйственного суда БССР;

– объявлять мораторий на забастовки, митинги, уличные шествия, демонстрации и пикеты, дестабилизирующие обстановку в республике;

– рассматривать представления Прокурора Белорусской ССР и давать согласие на привлечение народного депутата местного Совета народных депутатов к уголовной ответственности, арест или применение мер административного взыскания, налагаемых в судебном порядке, **при отсутствии на то согласия соответствующего местного Совета** народных депутатов. При даче согласия на привлечение народного депутата местного Совета к ответственности Президиум Верховного Совета БССР лишает народного депутата депутатской неприкосновенности".

Як бачым, гэтыя палажэнні гавораць самі за сябе. Калі такі закон прыняць, то Вярхоўны Савет практычна ўжо непатрэбны. Усім будзе распараджацца Прэзідыум. Дэпутаты ўсіх узроўняў будуць бяспраўныя перад ім, гэтак жа, як і насельніцтва. Неабмежаваную ўладу атрымаюць члены Прэзідыума.

Аналагічныя таталітарныя паўнамоцтвы павінен атрымаць Саўмін і прэм'ер В. Кебіч. Працытую толькі некалькі з іх (у Вярхоўным Савеце ігнаруюць закон аб мовах. Большасць дакументаў рыхтуюць па-расійску):

"– устанавливать имущественную ответственность предприятий, учреждений и организаций, а также материальную ответственность их руководителей за отказ или уклонение от заключения хозяйственных договоров на поставку продукции, товаров, производство работ **в соответствии с государственным заказом...**" А некалькімі абзацамі вышэй фальшыва пішацца пра пераход да "рыначнай эканомікі".

Прэм'ер В. Кебіч будзе "отстранять от исполнения обязанностей руководящих работников предприятий, учреждений и организаций, относящихся к коллективным (!) формам собственности... освобождать от занимаемых должностей членов правительства..., назначать членов правительства.., отстранять от исполнения обязанностей должностных лиц исполнительных органов местных Советов народных депутатов" і г. д. Законапраект, якім хочуць ліквідаваць функцыі Вярхоўнага Савета і ўвесці партыйна-адміністрацыйную дыктатуру ў выпадку, калі правалііцца задума аб увядзенні прэзідэнцтва.

Разгляд законапраектаў аб увядзенні пасады прэзідэнта прадоўжыцца зноў з 26 чэрвеня, і няма гарантыі, што пры апусцелай плошчы і маўклівай апатыі народа не пачнецца на Беларусі яе чарговая ціхая драма.

Зянон ПАЗЬНЯК, народны дэпутат БССР

Упершыню надрукавана ў "Народнай газеце" за 26 чэрвеня 1991 года

ЗАЯВЛЕНИЕ
партийной группы коммунистов Верховного Совета Белорусской ССР

На сессии Верховного Совета БССР 14 июня с.г. народный депутат А.Лукашенко выступил с заявлением от имени 33 членов КПСС о создании депутатской группы "Коммунисты Белоруссии за демократию". Текст, подписанный семью депутатами, был затем 19 июня опубликован в "Народной газете".

В связи с этим партийная группа считает необходимым разъяснить следующее. Прежде всего, в Верховном Совете БССР группа из 33 депутатов не зарегистрирована, нет и соответствующей просьбы на этот счет. Так что вряд ли этично выступление от ее имени.

Мы отвергаем голословные обвинения со стороны указанной группы депутатов руководства ЦК Компартии Белоруссии, а также коммунистической фракции в Верховном Совете республики в консерватизме, отсутствии гибкости в работе, защите административно-командной системы, в отходе от решений XIX партконференции и XXVIII съезда КПСС, нарушении законов БССР.

Если не брать слова на веру, а обратиться к документам XXXI съезда Компартии Белоруссии, то сразу становится очевидным, что столь серьезные обвинения руководства КПБ в возврате к старому беспочвенны и являются грубой инсинуацией. Напротив, практическая деятельность партийных организаций направлена на обновление нашей партии и общества.

Позиция Компартии Белоруссии определена достаточно четко: полная поддержка декларации "О государственном суверенитете БССР", равенство всех перед законом, законодательное закрепление демократических процессов, становление и развитие различных видов собственности, предпринимательской деятельности, многоукладность экономики сельского хозяйства, безвозмездная передача земли в пользование с правом наследования тем, кто на ней работает, разгосударствление и приватизация – только в интересах трудящихся, переход к рыночной экономике – при надежной социальной защищенности людей.

Именно XXXI съезд КПБ поручил коммунистам – народным депутатам выступить с инициативой принятия Верховным Советом БССР закона о приоритетном развитии села. Делегаты съезда первыми выступили против установлений каких-либо незаконных социальных привилегий для отдельных категорий лиц и обратились к правительству отменить принятые по этим вопросам постановления.

Встает вполне закономерный вопрос, для чего понадобилось группе депутатов так извращать принципиальные позиции коммунистов, выработанные коллективно, беззастенчиво заниматься плагиатом с партийных документов и выдавать их мысли за собственные открытия и находки. Очевидно, выплеснулось жгучее желание погромче заявить о себе ради удовлетворения личных амбиций.

Разве не является политически безнравственным и юридически несостоятельным призыв к лишению партии ее материальной базы? Сколько же можно спекулировать на интересах меньшинства? Не лучше ли заглянуть в Устав КПСС, где четко зафиксировано, что интересы и права меньшинства признаются в той мере, в какой они не противоречат позиции большинства.

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что провал экономики, падение нравственности, разгул преступности по времени совпадают с кампанией открытого шельмования коммунистов, отстранения партийных организаций от практического влияния на положение дел на производстве. Поддерживая переход к рынку, партийная группа Верховного Совета выступает и будет выступать только за такие преобразования, которые отвечают интересам людей. При этом мы исходим из того, что решающее слово во всех делах принадлежит воле народа.

Сейчас не время играть в политические игры, крайне велика ответственность депутатов перед населением республики. Для координации своей деятельности и проведения в жизнь воли избирателей мы объединились в партийную группу. Однако Уставом КПСС не допускается создание групп или фракций, независимых от руководящих партийных органов, но выступающих от имени партии и обращающихся к первичным партийным организациям. Устав партии – закон для нас, а любой закон требует к себе уважения и неукоснительного исполнения. Всякое его нарушение ведет неизбежно к негативным последствиям.

В нынешней ситуации считаем своим долгом обратиться ко всем коммунистам-депутатам с настоятельной просьбой проявить рассудительность и взвешенность, исключительную ответственность за каждый свой шаг, не допускать опрометчивых поступков, разжигания взаимного недоверия, направить все усилия на преодоление конфронтационности и групповых интересов. Мы призываем всех депутатов-коммунистов к согласованности, единству наших действий во имя интересов белорусского народа.

Принято на общем собрании партийной группы коммунистов Верховного Совета БССР 21 июня 1991 г.

SUMMARY

Editorial Page

In the editorial page, editor-in-chief shares his thoughts about what the democracy is. His thoughts are presented in the form of a philosophical essay. According to editor-in-chief, democracy is began to be noticed and appreciated only when it disappears. One of democracy's biggest flaw is that cannot always defend itself. In spite of that, democracy is a future of our children and our planet.

Interview of Mikhail Plisko, the editor-in-chief of Open Society, with Vladzimir Mackievich, methodologist and humanitarian technologist

Mr.Mackievich talks about his conviction that the easiest way to implement humanitarian technologies is through politics. He came to this conclusion after researching in philosophy and methodology. Before settling in Belarus, he worked as a consultant in free economic zones throughout former USSR (carrying out simulation games), as well as for the first government of independent Latvia. Mackievich analyses terms "social engineering" and "humanitarian technologies". According to him, methods and practice of humanitarian technologies allow to model the development of public processes and take the country out of the systemic crisis its going through. Nevertheless, he believes that one person, whoever it is, cannot do anything in politics by itself. Only collective work and co-operation of different political actors can lead to success.

Viacaslau Babrovich

State Ideology: Pro and Contra. Local Anesthesia or cure for a Sick Society

According to Babrovich, the purpose of official ideology is to provide the regime with additional legitimacy and to bring back the socialist values in the Belarusian society. The official ideology consists of three major "new" values: "strong" presidential authority, "socially-oriented market economy", and "Christian" (orthodox) values. This reminds the official ideology of the Czarist Russia that was formulated in the 19th century (monarchy, orthodoxy, the people). Nevertheless, author considers that speculations by the authorities around the official ideology is not the reason to reject this notion as such, as it could assist in the formation of civil consciousness. According to Babrovich, the state ideology is concentrated in the Constitution, and may be founded on the idea of human rights. This includes the sense of personal dignity (self-respect, recognition of personal value), independence (capability of responsible decisions and enlightened choices), tolerance (readiness to allow others to be themselves), solidarity (sense of responsibility for what is going on), responsibility (ability to respect freedom of others and to balance it with own freedom), critical attitude to authorities, readiness to compromise. Author is confident that this idea may fill the ideological vacuum in the consciousness of Belarusians.

Iryna Yekadumava

What features are to be used to define civil society?

In the article by Iryna Yekadumava the features of the basic theories of any civil society of the XVIII-XIXth centuries are described, the reasons of revival of the political interest to the idea of civil society in the 60-s of the XXth century are analysed. The author sees a heuristic value of the theory of civil society in the fact, that it enables to describe new non-classic forms of group actions. In the author's opinion, the democratisation in the societies in transition can not take place only on the initiative from the top. Self-organisation of the society, which takes place independently of political structures and institutions, plays an important role in this process. It is particularly through the prism of the theory of civil society that one may trace the changes of specific practical forms of interrelations between the power and society. The author is convinced, that realisation of the fact, that Belarusian society has not achieved the state similar to the western democracies, must not prevent from search of the elements of civil society in it.

Round table of political scientists.
"Theory and practice of political process"

The well known political scientists and philosophers participated in the round-table discussion: Iryna Bugrova, Viacaslau Babrovich, Alexander Gritsanov, – candidates of philosophic sciences, senior lecturers, as well as Mikhail Plisko – the main editor of the magazine "Open Society". The participants discussed the problem of interrelation between the theory and practice of political process.

In Mikhail Plisko's opinion, the main reason of failure of democratic and market reforms in this country lies in misunderstanding of the essence of democracy and market by the political elite of that time. Now the democratic movement faces the problem of creating an infrastructure for political activity. The victory over the existing regime is impossible otherwise.

Viacaslau Babrovich sees the reason of incomprehension of democratic and market values in the reproduction of negative attitude of the elite and intellectuals to politics, and political knowledge in particular; this attitude has been formed in the soviet times and was a natural protest against the extra-ideologization of the society, and total hypocrisy reigning among the leaders. In his opinion, in the beginning of the 90-s the society nevertheless displayed interest in the notions which form the essence of any democratic society. But now we face not mere ignorance, but their erroneous, false interpretation. It hampers the work of political scientists, because it is necessary not only to teach, but to teach-again, form an emotional and positive attitude to politics as such.

Iryna Bugrova stressed, that many politicians as before underestimate the role of professional political knowledge for their practical activity, that they rarely resort to services of experts, political scientists and political methodologists. In her opinion, the leaders of political parties will achieve a success only if they base their activity on such democratic principles as openness, transparency, replacement of the leaders, competition, respect to professionalism, etc.

Alexander Gritsanov noted, that mastering the main notions of political science must take place with respect to peculiar features and mentality of the Belarusian nation. He thinks, that Belarus may create itself "in the image and likeness of" either its more powerful Eastern neighbor, Russia (and then we will again turn into the northwestern area), or the Western countries – e.g. Polish or Yugoslavian models. But whatever the case may be, an external influence on the process of formation of the democratic society will be of a decisive importance for Belarus.

Filipp K. Shmitter
Terri Linn Carl

What is Democracy

The article of the well known political scientists defines the notion of "democracy", the general principles distinguishing this system of interrelations between the governors and the governed. The authors then analyse the procedures, conditions and measures necessary for its stable existence. In the authors' opinion, a democratic system well be able to function only if a group which has won the elections or achieving greater political influence will not use its temporary superiority for subsequent dismissal of the losers from the elected posts and blocking their influence. In their turn, the losers, while preserving competitive abilities, must respect the winners' right to make obligatory decisions. A particular form of democracy in a particular country depends on its social and economic conditions, traditional structure of the state, and political practice. Democratisation will not necessarily lead to the economic growth, social peace, efficient government, political harmony, free market or the "end of ideology". But least of all it will lead to the "end of the history".

Roman Redlikh

Liberal democracy yesterday

The article describes general and specific features of the notions of "democracy" and "liberal democracy", as well as the concepts of natural human rights and public contract. The author sees the essence of liberal democracy in restricting the majority's power by the natural rights granted to each person in the time of his birth. During the XIXth century the idea of liberal democracy finally captured the minds, and the XXth century celebrated its final victory. Today the liberal – democratic government is treated as the best State system.

Jerzy Maćków

Democracy, Authoritarism, Totalitarism –
is this Triad treated as Obsolete in the Studies of Forms of Government?

In the article by Maćków Jerzy the efforts of some western scientists are analysed to enter new notions into the studies of forms of government, which must supplement and then replace the classic triad dominating until now: democracy, authoritarism, totalitarism. Previously non-democratic political systems were treated as belonging to the authoritarian or totalitarian type, but today it is more often spoken about "delegated" democracy, "defective" democracy, or "hybrid" systems and, therefore, regimes. According to these authors, the basic pre-requisite for formation of new notions becomes the fact, that beginning from the end of the 80-s the changes of the numerous political systems can not be explained by the named triad. Analysing arguments and judgements of the advocates of the change of notions in the studies of governing forms, the author comes to the conclusion, that the previous triad has not become obsolete and may be still used for study of political transformation processes in the societies in transition.

Vitali Silitski

Elections Under Dictatorship: A Farce or a Chance for a Change?

The author reflects on the recent debate between supporters and opponents of participation in elections into the House of Representatives by calling the experience of nearly twenty former dictatorships where democratic changes were made possible after the opposition managed to win the elections organized and sponsored by the incumbent autocratic governments. The author analyses some general circumstances under which the "stunning elections" were made possible. Although immediate parallels between varying political and historical contexts may not be legitimate, the general conclusion is that the elections that are carried out in undemocratic circumstances may still become a catalyst for democratic changes.

Archives: Choice of One's Way. Beginning of the 90-s

In the heading "Archives: choice of one's way. Beginning of the 90-s" an interview with Stanislav Shushkievich and Zenon Paznyak is published. They were the leaders of both opposition in the XIIth convocation Supreme Council, and the two directions in the democratic movement. The interview was titled: "Will the history justify me?.." Unfortunately, none of the proposed projects of the country's development has been implemented: neither that of Shushkievich, nor that of Paznyak.

Back to the published

In the heading "Back to the published" the two documents dated 1991 are published: "Declaration of the party group of the communists of the Supreme Council of the Belarusian SSR" and the article by Zenon Paznyak "Why the nomenclature is for the President". These materials have been sent by one of our readers and will supplement the idea of interrelations between the leadership of the Communist Party of Belarus to Lukashenko, and position of the BPF-leader towards the institution of the president.

НАШИ АВТОРЫ

Бобрович Вячеслав Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Республиканского института высшей школы Белгосуниверситета, автор статей по политологии, в 1989 году закончил Московский государственный университет, в 1992 году защитил кандидатскую диссертацию "Политическая идеология германского неоконсерватизма", автор многих статей по политологии.

Бугрова Ирина Ивановна, кандидат философских наук (1985), доцент кафедры политологии и социологии Республиканского института высшей школы Белгосуниверситета, директор проекта Международного института политических исследований, автор изданной в Германии книги "Политическая культура Беларуси от Великого княжества Литовского до режима Лукашенко" (1998), соавтор книги "Государство и гражданское общество" (издана в Германии в 2000 году), а также соавтор учебных пособий и автор статей по политологии.

Грицанов Александр Алексеевич, кандидат философских наук (1983), доцент, главный научный редактор "Новейшего философского словаря" (изд. 2-е, Минск, 2001), автор 8-и книг по философии, социологии и психоанализу, в конце 80-х гг. принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, был организатором и ведущим "Философских четвергов".

Екадумова Ирина Ивановна, аспирант кафедры политологии и социологии Республиканского института высшей школы Белгосуниверситета, магистрант факультета политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, член Совета Общественного объединения "Республиканская юридическая молодёжная ассоциация", автор публикаций в области политологии.

Мацкевич Владимир Владимирович, методолог, философ и педагог, ученик Г.П.Щедровицкого – руководителя Московского методологического кружка, автор нескольких книг: "Полемические этюды: этюды об образовании" (Лиепая, 1993), "Беларусская демократия: вопреки очевидности" (Минск, 1996), "Беларусь: вопреки очевидности" (в журнале "Культурная политика", №0, 1994), один из авторов и редакторов "Новейшего философского словаря" (изд. 2-е, Минск, 2001), занимается бизнес-консультированием.

Мачкув Ежи (Maćków Jerzy, JerzyMackow@aol.com), dr. habil. (философия), доцент Европейского университета Виадрина (Франкфурт-на-Одере). Окончил Высшую школу им. Б.Пруса, университет им. А. Мицкевича (Польша) и Гамбургский университет (Германия), работал в Институте Международной политики в Гамбурге. В 80-е гг. по политическим мотивам выехал из Польши на постоянное место жительства в Германию. Сфера профессиональных интересов – коммунистические и посткоммунистические системы Беларуси, восточной Германии, Польши, России, Украины, политическая система ФРГ, переходные состояния и трансформация политических систем, международные отношения. Автор многих публикаций и нескольких книг, посвященных различным аспектам эволюции политических режимов и международной политики.

Пазьняк Зенон Станиславович, один из основателей и лидер Белорусского народного фронта "Возрождение", с 1996 года политический эмигрант, после раскола БНФ – председатель Консервативно-христианской партии БНФ, автор многочисленных публикаций по истории Беларуси и проблемам политического развития страны; в 1994 году был кандидатом в президенты Республики Беларусь.

OUR AUTHORS

Viacaslau Babrovich, Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Sub-Faculty of Political Science and Sociology of the Republican Institute of the higher school of the Belarusian State University, author of articles on political science themes, graduated from Moscow State University, defended thesis named "Political Ideology of German Conservatism" in 1992.

Iryna Bugrova, Ph.D. in Philosophy (1985), associate professor of the Sub-Faculty of Political Science and Sociology of the Republican Institute of the higher school of the Belarusian State University, director of the project of the International Institute for Political Investigations; author of the book "Political Culture of Belarus from The Great Principality of Lithuania to the Lukashenko Regime", published in Germany in 1998; co-author of the book "The State and Civil Society" (published in Germany in 2000); co-author of handbooks and author of articles in political science.

Alexander Gritsanov, Ph.D. in Philosophy (1983), associate professor, main scientific editor of the "Newest Philosophical Dictionary" (second edition, Minsk, 2001), author of 8 books in philosophy, sociology, and psycho-analysis; at the end of the 80-s he actively participated in the scientific and political life of the country, was an organizer and presenter of the "Political Thursdays."

Iryna Yekadumava, post-graduate student at the department of Political Science and Sociology at the Republican Institute of Higher Education, Belarusian State University, M.A. student of the department of Political Science, Moscow Higher School of Social Sciences and Economics, member of the council of the "Republican Legal Youth Association", author of publications in political science.

Vladzimir Matskievich, methodologist, philosopher, teacher, follower of G.P.Schedrovitsky – a leader of the Moscow methodological circle; author of several books: "Polemical Sketches: Sketches in Education" (Liepaya, 1993), "Belarusian Democracy: Despite the Obvious" (Minsk, 1996), "Belarus: Despite the Obvious" (magazine: "The Cultural Policy", No 0, 1994), one of the co-authors and editors of the "Newest Philosophical Dictionary" (second edition, Minsk, 2001), is involved in business-consulting.

Jerzy Maćków (JerzyMackow@aol.com), dr. habil. in Philosophy, the Assistant Professor of the Viadrin European University (Frankfurt-Oder). Finished High School named after B.Pruss, graduated from Mitskievitch University (Poland) and Hamburg University (Germany). At present work at the Institute of Foreign Policy in Hamburg. He left Poland for Germany in the 80-s by political reasons. His professional interests include communist and post-communist systems in Belarus, Eastern Germany, Poland, Russia, Ukraine, the FRG political system, transformation periods and political system's transformation, international relations. He is the author of various articles and books dedicated to different aspects of evolution of political systems (regimes) and international politics.

Zenon Paznyak, one of the founders and a leader of the Belarusian People's Front "Renascence", a political emigrant since 1996; after the division (split) of BPF – a chairman of the Conservative-Christian Party of BPF, author of numerous publications in the history of Belarus and problems of political development of the country; in 1994 was a nominee to the post of the president of the Republic of Belarus.

Плиско Михаил Казимирович, политолог, юрист, главный редактор бюллетеня "Адкрытае грамадства", член Политсовета Объединённой гражданской партии, руководитель Экспертной группы Консультативного совета оппозиционных политических партий по избирательному праву и конституционным вопросам.

Редлих Роман Николаевич, постоянный автор журнала "Посев", основанного в ноябре 1945 года в Германии. С 1951 по 1991 год журнал нелегально распространялся в России. Сегодня редакция "Посева" находится в России.

Силицкий Виталий Вячеславович, преподаватель Европейского Гуманитарного Университета в Минске. Выпускник Ратгерского Университета (Rutgers University) в США. Защитил докторскую диссертацию по теме "Внешние ограничения и коалиции: политика экономических реформ в странах Центрально-Восточной Европы после возврата левых".

Шмиттер Филипп К., профессор политологии, директор Центра европейских исследований Стэнфордского университета. **Терри Линн Карл,** доцент политологии, директор Центра латиноамериканских исследований того же университета. Оригинальный – более полный – вариант статьи был написан по заказу Американского агентства международного развития, которое не несет ответственности за содержание материала.

Шушкевич Станислав Станиславович, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Беларуси, председатель Верховного Совета Республики Беларусь в 1991-1994 гг., депутат Верховного Совета Республики Беларусь тринадцатого созыва, председатель Белорусской социал-демократической Грамады.

Michail Plisko, political scientist, lawyer, editor-in-chief of "Open Society" journal, member of the board of the United Civil Party, head of the expert group of the consultative council of opposition political parties on election law and constitutional issues.

Roman Redlikh, a permanent author of "Posev" magazine which was established in November 1945 in Germany. From 1951 till 1991 the magazine has been illegally distributed in Russia. Today the editorial staff of "Posev" is located in Russia.

Vitali Silitski, reader at the European Humanities University in Minsk. Graduated from Rutgers University, US. Defended doctoral dissertation "Constraints and Coalitions: Politics of Economic Reform in Central and Eastern Europe after the Return of the Left."

Filipp K. Shmitter, professor of political science, Director of the Centre of European Investigations of the Stanford University. **Terri Linn Carl,** senior lecturer in political science, Director of the Centre of Latin-American Investigations of the same University. The original – more complete – version of the article was written be request of the American international development agency, which is not responsible for the contents of the material.

Stanislav Shushkievich, Professor of Physics and Mathematics, corresponding member of the Belarusian Academy of Science, Chairman of the Supreme Council of Belarus of 12th convocation in 1991-94, deputy of the Supreme Council of Belarus of 13th convocation, Chairman of the Belarusian Social Democratic Assembly.

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в 2000 году в журнале "Адкрытае грамадства"

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С января 1998 года Общественное объединение "Фонд "Адкрытае грамадства" издает общественно-аналитический журнал (до 2000 года – информационно-аналитический бюллетень), который по решению правления Фонда получил одноимённое название – "Адкрытае грамадства". В журнале публикуются как специально написанные для "Адкрытага грамадства" оригинальные статьи и исследования по обществоведческой проблематике Беларуси, так и наиболее интересные материалы из других аналитических и периодических изданий.

В настоящее время журнал "Адкрытае грамадства" бесплатно рассылается видным политикам, экономистам, социологам, политологам и публицистам как в Беларуси, так и за её пределами.

Кроме текущего номера редакция имеет возможность выслать по электронной почте материалы, содержащиеся в предыдущих номерах журнала, а также ксерокопии отдельных статей. Адрес журнала в Internet: www.data.minsk.by/opensociety.

Желающие опубликовать свои материалы в журнале "Адкрытае грамадства" должны предоставлять их на дискетах (3,5 дюйма) или пересылать по электронной почте в текстовом формате или в формате Word (6.0 и 7.0) объёмом, не превышающим 30 тысяч печатных знаков.

Рукописи, машинописные материалы, распечатки, сделанные на принтере, не рецензируются и обратно не высылаются.

Редакция "Адкрытага грамадства" надеется, что знакомство с материалами нашего издания будет для Вас полезным и окажет помощь в Вашей работе. Будем Вам очень признательны, если Вы направите в адрес редакции предложения, которые позволят сделать журнал более содержательным и интересным.

DEAR READERS!

The Public Association Open Society Foundation publishes its public analytical journal (until 2000 information and analytical bulletin) since January 1998. The journal was named Open Society according to the decision of the Board of the Foundation. The journal includes both original articles that were exclusively written for the Open Society and the most interesting publications from other analytical periodicals.

Nowadays, the Open Society journal is sent free of charge via e-mail to prominent political figures, economists, sociologists, political scientists, and publicists in Belarus and abroad.

We can send you the contents of previous journals via electronic mail or in photocopies. If you wish to publish in the Open Society journal, please present your material (30,000 characters maximum) on floppy disc (3.5") or send it via e-mail in text or Word format (6.0 or 7.0).

We do not review and do not send back manuscripts, typewrote materials, or printouts.

The editor of the Open Society journal hopes that your acquaintance with our edition will be fruitful and helpful in your work. Your comments and advise about the ways to improve the quality of the journal and to make its content more interesting are welcome.

Адкрытае грамадства, 2001, №1(10). Общественно-аналитический журнал.
Издается Общественным объединением "Фонд "Открытое общество"
с января 1998 г. один раз в два месяца. Тир. 299 экз.
При перепечатке ссылка на журнал "Адкрытае грамадства" обязательна.
Мнения авторов опубликованных материалов могут не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор ***Михаил ПЛИСКО***
Корректор ***Алёна КОЛЕСНИКОВА***
Дизайн ***Александр ВОЙСТРАХ***
Перевод на английский язык ***Виталий СИЛИЦКИЙ***
При оформлении обложки использовано фото: Каменная ритуальная маска ацтеков XV-XVII вв.

Адрес для почтовой корреспонденции: 220125 г. Минск, ул. Городецкая, 70-5
Телефон для связи: + 017-2837450. Факс: + 017-2110279
E-mail: mk_pliska@mail.ru
Адрес в Internet: www.data.minsk.by/opensociety
Издание осуществлено при поддержке Посольства Королевства Нидерландов в Варшаве.

Распространяется бесплатно на правах внутренней документации.